

А. С. БАШКИРОВ

**ПАМЯТНИКИ
БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ВОЛГЕ.**

**КАЗАНЬ
1928**

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ и ЭТНОГРАФИИ
ПРИ
КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
имени В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА

А. Башкиров.

ОТ АВТОРА

(Вместо предисловия).

Основной материал к изучению „Памятников Булгаро-Татарской культуры на Волге“ в их натуре был получен в ряде отдельных моих поездок на территорию городища Булгар. Графическая фиксация памятников городища и некоторые археологические зондажные обследования их были произведены экспедицией Самарского Госуд. Университета и Самарск. Губ. Музея под моим руководством, при участии инженера П. Н. Ефимова и историка С. И. Преображенского, весной 1919 г., когда Красная Армия начала опрокидывать полчища Колчака, пытавшиеся прорваться к Волге, и погнала их за суровые хребты Урала. В условиях гражданской войны экспедиция провела свое небольшое научное дело, ободряемая местной революционной властью. В деле организации и снабжения экспедиции оказали большую помощь член Реввоенсовета Восточного фронта тов. Куйбышев и зав. Сам. Губоно тов. Тронин, которым считаю необходимым, хотя бы и с запозданием, выразить признательность от лица участников экспедиции.

Первая информация о результатах экспедиционной работы была произведена летом того же года в Совете Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете.

Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете в настоящий момент учитывает свою научную и культурно-просветительную деятельность за минувшие пятьдесят лет. Эта деятельность протекала на обширной территории Волжско-Камского и Приуральяского края. Нередко она выходила далеко за пределы восточной половины Вост. Европы, проникая и в Среднюю Азию, и в далекую Сибирь. До Октябрьской Революции, часто в условиях политического гнета, при мизерных

условиях Об-во с честью несло свою научную работу по изучению истории и быта народов Востока. Под эгидой Советской Власти, при заслуженном уважении со стороны Татарской С. С. Республики научный мир С.С.С.Р. празднует пятидесятилетие деятельности Общества. Ко дню этого юбилея я решаюсь посвятить настоящий труд Обществу Археологии, Истории к Этнографии при Казанском Государственном Университете.

Настоящий труд выходит в совместном издании Академического Центра Наркомпроса Татарской С.С. Республики и Научно-Исследовательского Института этнических и национальных культур народов Востока С. С. С. Р. Ранион. За оказанное внимание к моей работе выражаю глубокую признательность Академическому Центру Т. Р. и Институту народов Востока.

Считаю долгом выразить свою благодарность: тов. М. Х. Тагирову, проф. А. И. Иванову и проф. Н. М. Попову-Татива, способствовавшим скорейшему изданию настоящей работы; проф. И. Н. Бороздину, который первый ознакомил Акад. Центр Т. Р. с настоящей работой; проф. В. Ф. Смолену, давшему о ней лестный для меня отзыв в Акад. Центре Т. Р.; П. М. Дульскому, принявшему на себя труд в наблюдении за художественной и технической стороной ее издания, и проф. А. А. Захарову, просмотревшему корректуру.

А. Башкиров.

ПАМЯТНИКИ БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОЛГЕ.

I-я часть.

1. Введение.

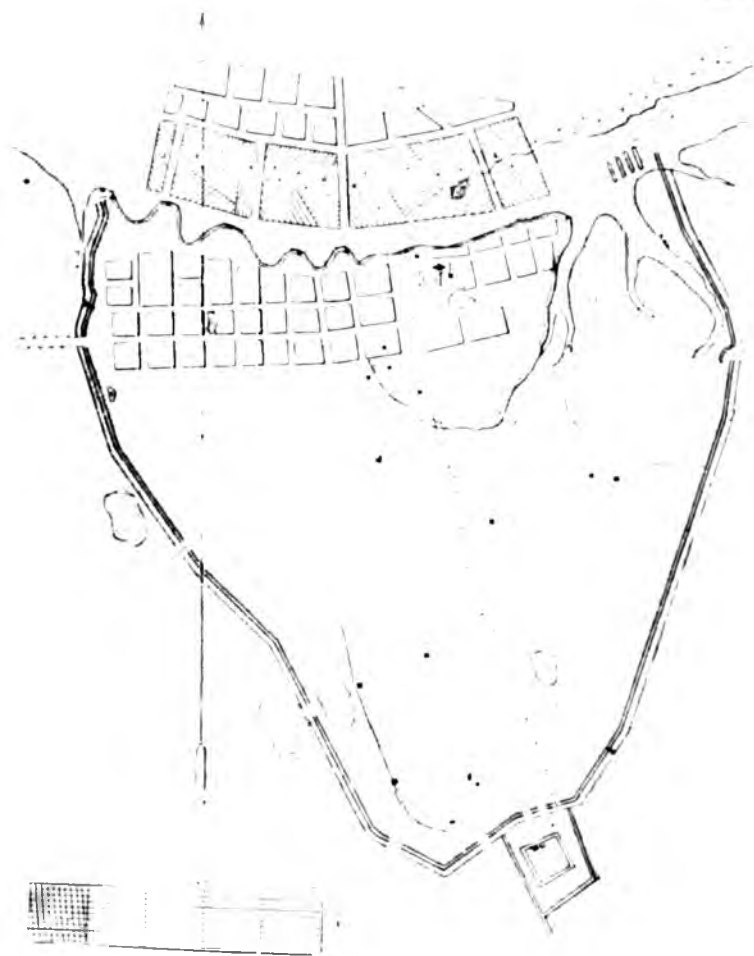
Архитектурные памятники, находящиеся на территории древнего городища Булгар (ныне село Болгары-Успенское) на Волге в Спасском кантоне Татарской С.С. Республики, представляют исключительный интерес среди восточных древностей С. С. С. Р.

Со времен Петра I-го¹ и до наших дней они привлекают внимание многочисленных исследователей и путешественников, которые, интересуясь древностями, оставили нам ряд описаний памятников городища, нередко иллюстрированных ценными рисунками, дающими нам понятие о состоянии их. Да и теперь редкий любознательный человек, проезжая по Волге, не заглянет на территорию этого городища, единственного в своем роде, с остатками культур былых времен, сплетающихся здесь и из далеких степей Монголии, и из богатых жизнью оазисов Туркестана, и из Передней Азии, перенасыщенной колоссальными культурными наследиями древности, и из Западной Европы чрез лесные пространства славяно-финского мира. С глубоких доисторических времен жизнь человека оставила здесь свои культурные следы².

В рамках настоящей работы не место распространяться о памятниках глубокой древности, несмотря на то, что они представляют большой интерес для прошлого нашей территории. Мы не будем здесь говорить о прошлой жизни народа, с именем которого связаны описываемые ниже

¹ Лично посетил городище в 1722 году, во время Персидского похода, плывя Волгой из Казани в Астрахань, и сделал первое распоряжение об охране его памятников со всей тщательностью.

² Доисторические памятники „Бабьего Бугра“ и сел. Мордова.

Городище Булгар на Волге. План. По с'емке и чертежу инженера П. Н. Ефимова (уменьшение).

памятники, об истории города Булгар, точного имени которого мы до сих пор не знаем; не затронем даже истории вопроса изучения его памятников, несмотря на многочисленные попытки подойти к изучению их вплотную.

Со времен глубокой древности пересекают Волгу многочисленные турецкие племена и народы Азии. С трудом некоторые из них задерживаются на короткое время у великой реки Восточной Европы, иногда пышно расцветают их богатые города, но также быстро и пропадают с лица земли, оставляя холмы да могильные сооружения с остатками часто незначительными на первый взгляд, но весьма важными для изучения прошлых культур.

Что можно сказать про славный Хазарский Итиль? Нет пока возможности даже точно указать, где он был...

Столицы Золотой Орды только в самое последнее время рельефно выплыли перед нами в начатых систематических исследованиях профессора Ф. В. Баллода¹.

Среди остатков прошлого Поволжья городище Древних Булгар на Волге представляет исключительное явление и по видимым еще на поверхности земли руинам, и по важности их культурной ценности в Камско-Волжском крае.. Необходимо заметить, что до сих пор архитектурные памятники этого драгоценного места в Поволжье не изданы в их архитектурной структуре, хотя бы и в сжатом изложении.

К обзору структуры архитектуры городища Булгар на Волге, после краткого топографического обзора его территории, мы и перейдем. В означенной I-ой части мы коснемся только части памятников городища, в надежде, что остальные, не менее интересные, будут нами опубликованы и разобраны в ближайшее время.

Городище Булгар находится в 25—27 верстах к югу от устья р. Камы и в 5—6 верстах к востоку от нормального левого берега Волги, на краю верхней террасы, поднимающейся над огромной заливной поймой Волги и устья Камы.

¹ Профессор Ф. В. Баллод: 1) „Поволжские Помпеи“. М. 1923 г., гл. 2-я. 2) „Старый и Новый Сарай столицы Золотой Орды. Казань. 1923 г. и др.

Во время разлива Волги с территории городища открывается грандиозная картина мощного водного пространства реки. Десятки верст водной стихии только вдали на западе сдерживаются „Сюкеевскими“ и „Богородскими“ горами; на севере глаз тонет в безбрежном водном пространстве с вкрапленными в его поверхность зелеными верхушками утопающих кустарников и перелесков.

Не менее чудесная картина разворачивается с городища и по спаде весенних вод: необъятное пространство зеленых лугов с перелесками, пересекаемое синей могучей лентой Волги с многочисленными ериками и озерами поймы, сверкающими яркими самоцветами среди глубоко-мягкой изумрудной зелени.

Обрез террасы в пределах городища над поймой Волги, дзлая резкий поворот от запада, обращен на север.

Поворачиваясь круго на юг, мы сразу же попадаем в полуовал, замкнутый валами городища, имеющий основанием волнистый обрез террасы и вершину, далеко уходящую к югу.

По основанию полуовала идет ряд скучных деревенских улиц современного села Успенское-Болгары, среди которых возвышается церковь обычного средне-волжского типа, вокруг которой разбросаны необычные для данных мест, интересующие нас, руины далекого прошлого („Четыреугольник“ и др.¹).

Вдали за деревенскими постройками—в правой половине городища виднеется древняя постройка кубовидной формы, перекрытая чашей купола („Черная Палата“), а налево возвышается одинокий, цилиндрической формы с коническим деревянным покрытием древний минарет („Малый столп“ или „Малый минарет“).

Возвышенная терраса городища поднимается над волжской поймой на 35 мтр.

Площадь городища имеет форму вытянутого с с. на юг полуовала с гранеными продольными сторонами, очерченными валом с з., ю. и в. и змеистым обрывом террасы на с.

Результаты инструментальной с'емки городища 1919 г. горного инженера П. Н. Ефимова дают нам следующие

¹ Так называемая, „бывшая церковь св. Николая“ и бывший „монастырский погреб“.

цифры: окружность—7 в. 157,30 саж., длина вала—5 в. 157,3 саж., территория внутри вала равняется 279 десятинам 650 кв. саж., наибольшая длина городища с с. на юг—2 в. 74 саж., а средняя ширина его ок. 250 саж.

Интересно сопоставить цифры первого и чрезвычайно тщательного обследования городища начала XVIII в. дьяка Андрея Михайлова, результаты которого сохранились в составленной им „Выписи с межевых книг... на землю Успенского монастыря 1712 года“¹, где говорится: „А в межевых книгах писано: по осмотру и по мере того городичнаго места в окружном валу длиннику девять сот двадцать сажен, поперег шесть сот девяносто сажен трех-аршинных, а десятинами триста двенадцать десятин три четверти“. Позднее в 1768 г. русский ученый И. Лепехин указывает: „Болгары, из знатного города в бедное сельцо военным трясением превратившиеся, стоят на горе в обнесенном по оной прежними жителями земляном валу, целую милю в окружности имеющем“...².

В середине XIX в. о размерах городища говорит также проф. Казанского Университета И. Березин: „пространство, обведенное валом, составляет, считая и северный бок, около девяти верст в окружности („по измерению архитектора Шмита“. Сноска автора. А. Б.): это и была окружность собственного города Булгар, кроме цитадели и предместий“³.

Не лишне здесь указать на наиболее интересные, дошедшие до нас топографические планы городища, а именно:

1) В альбоме архитектора А. Шмита⁴ под заглавием: „План Великого Града Болгар, древней столицы Болгарского Царства“.

¹ Не воструев. „О Городищах Древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской“. Тр. I. Арх. С'езда“, т. II, ст. 526—595.

² Иван Лепехин. „Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году“. СПб. 1771 г. Стр. 266.

³ И. Березин. „Булгар на Волге“. Статья в 3 кн. „Ученых Записок Казанск. Унив.“ 1852 г. и отдельно Каз. 1853 г. Стр. 13.

⁴ А. Шмит. „Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г.“. Стр. 16. Гравировал Альбом В. Турин.

2) „План села Болгар и сохранившихся развалин Болгарской столицы“, снятый полковником А. М. Штраусом, помещен при статье полковника А. Ф. Риттиха.¹

3) В 1871 г. в альбоме Трудов I Археолог. Съезда („Собрание карт, планов и рисунков“) помещен на X табл: „План Казанской губ., Спасск. у., села Успенского, Болгары тоже, с показанием местности древнего татарского города Болгар, снято в 1869 г.“ План этот был отпечатан с дополнениям в 1913 г., но менее тщательно, и переиздан проф. В. Ф. Смолиным.²

4) Необходимо отметить план в „Атласе к Трудам IV Археологического Съезда“. Каз. 1889 г. „Карта Болгарского городища XVIII века“ на таб. „Б“.

5) Последний план инструментальной съемки был проработан инженером П. Н. Ефимовым в 1919 году, во время организованной нами совместно с П. Н. Ефимовым экспедиции в „Волжскую Булгарию“, который мы здесь и помещаем в эскизно-уменьшенном виде.

С южной стороны к вершине овала городища примыкает, так называемый (в специально местной литературе), „Малый Городок“, своеобразное передовое или головное укрепление, а может быть кафель, который не только принимал первые удары врага, но и господствовал над примыкающим к нему городом, следя за его жизнью и направляя ее в сторону, нужную для хозяина кафеля. Подобные укрепления, связанные с обороной города, не новость для средневековых городищ и останавливаться на параллелях к нему излишне. Кавказ и Крым дают достаточное количество аналогичных образцов, а еще ближе будут Москва, Казань и многие, многие другие.

Территория городища, возвышаясь на с. над волжской поймой, в северо-восточном углу прорезывается рядом оврагов, из которых два наиболее глубокие и длинные называются и по сей час „Новый“ и „Старый Иерусалим“³.

¹ А. Ф. Риттих. „Материалы для Этнографии России. Казанская губ.“, ч. I. Каз. 1870 г. С прилож. плана Болгар и видов развалин (№ 1—Белая Палата, № 2—Черная Палата, № 3—Малый Минарет, № 4—Соборная Мечеть или цитадель и план городища).

² Проф. В. Ф. Смолин. „По развалинам древнего Булгара“. Казань. 1926 г.

³ Наименования, вероятно, даны бывшим здесь Успенским монастырем.

Восточная половина городища, поднимаясь на несколько метров над северной частью, имеет скат к ю.-з., переходящий в низину с болотистой почвой, воды которой концентрируются здесь в небольшие озера.

Мы уже упомянули главнейшие памятники городища. Не уточняя их топографическое положение, что может дать план инженера П. Н. Ефимова, перейдем в настоящем очерке к изложению архитектурной структуры: 1) обороны города—вал, его аксессуары и „Малый Городок“, 2) „Четыреугольника“, 3) „Большого Минарета“ („Большой Столп“) и 4) „Белой Палаты“. Означенные памятники подвергнем описанию и анализу в уцелевших до нас частях, поставив их в ряд идентичных памятников для того, чтобы набросать эскиз реставрации.

2. Оборона города.

Оборона города сохранилась до нас в остатках вала и рва основного городища и вала со рвом при комплексе архитектурных фрагментов „Малого Городка“.

Сохранность вала и рва городища разнообразная.

В одних местах они сохранились хорошо и намечается их профиль; в других они уже затрагиваются пашней и, таким образом, растаскиваемые и размываемые, постепенно сравниваются с примыкающей к ним площадью. Сохранность обороны—вала и рва—наилучшая на востоке городища. Обуславливается это тем, что по характеру возвышенной местности здесь он более солидный в конструкции, чем в других местах.

Западная оборона—вал и ров—слабой конструкции, а потому и худшей сохранности; сила ее была в естественных условиях местности: заболоченность по обе стороны вала почти на всем протяжении южной половины западной обороны и ряд озер, примыкающих к ней. И до сих пор эти естественные условия существуют, и до сих пор даже в жаркое лето заболоченная площадь и мелкие озера не высыхают и используются для луговых покосов и мочезин.

Цифры обмеров наибольшей сохранности обороны в 1919 г. были следующие (по Ефимову):

Восточный вал: высота	2,32 саж.
„ ширина у основания.	5,93 „
„ вершины вала	0,43 „

		саж.
Р о в:	глубина	1,15 „
	ширина его вверху . .	4,85 „
З а п а д н ы й в а л:	высота	0,78 „
	ширина у основания .	4,80 „
	„ вершины вала .	0,38 „
Р о в:	глубина	1,03 „
	ширина его вверху . .	5,50 „

Любопытно сопоставить сведение о состоянии обороны, хотя бы в главных чертах, в основных описаниях ее с XVIII в. до наших дней.

В 1768 году Иван Лепехин говорит, что городище имело „целую милю в окружности“¹.

В том же году академик Паллас фиксирует: „Вал длиною по крайней мере на шесть верст“ и при Палласе ров, „хотя и засыпался, однако еще в ширину до 3 сажень.“² Паллас дает цифры с оговоркой потому, что он был здесь в начале зимы и точного обследования из-за холода и выпавшего снега произвести не мог.

У Эрдмана в 20-х г.г. XIX стол. (по Шпилевскому)³ длина—7 верст, высота его неодинакова, ров. ок. 3 саж. шир.⁴

У Свиньина, бывшего в Болгарах немного позднее, читаем: „Земляной вал, большей частью обвалившийся, а в иных местах совершенно изгладившийся, и ров с внешней стороны местами до 3 сажень глубины—достаточно означают пространство города, заключавшее верст 7 в длину и около 4 в. в ширину, в виде неправильного овала“⁵.

В 50-х г.г. прошл. столетия проф. И. Березин, описывая городище, говорит: „Для безопасности от неприятеля собственный город был обведен валом и рвом, уцелевшими доныне: первый довольно высок, а последний местами глу-

¹ Ив. Лепехин. Ibidem. Стр. 266.

² П. С. Паллас. „Путешествие по разным провинциям Российской империи“. Ч. I. 2 изд. СПб. 1809. Стр. 186.

³ С. М. Шпилевский. „Древние города и другие Булгарско-Татарские памятники в Казанской губернии“. Каз. 1877 г. Стр. 198.

⁴ Эрдман Фед. Христоф., бывш. проф. Казанск. Унив.

⁵ П. П. Свиньин. „Картины России и быт разноплеменных ее народов“. Ч. I. СПб. 1839, статья „Развалины города Болгар“. Стр. 191. Сборник „Картины России...“ издан в год смерти (9/IV 1839) Свиньина неким И. Делаacroa. Первоначально статья „Разв. гор. Болгар“ была помещена Свиньиным в „Отечеств. Записках“. 1824 г. № 48.

биной до трех сажень. Кажется, эту глубину надобно принять за нормальную: по крайней мере нигде глубина рва не была менее¹. Далее Березин, ссылаясь на измерения архит. Шмита, говорит: „Пространство, обведенное валом, составляет, считая и северный бок, около 9-ти верст в окружности“².

С большими подробностями останавливается на конструкции обороны городища полковник Риттих: „Ныне этот вал, поросший травой забвения, не дает полного понятия о прежних его составных частях, т. к. наружная и внутренняя крутости обвалились, представляя натуральный откос. Толщина бруствера вместе с заложениями до 15 шагов, а собственно бруствера 17 фут, высота доходит до 9 фут. Вал окружен рвом, отчасти заваленным и поросшим деревьями и кустами. Ширина его на горизонте до 12 шаг., а глубина не более 7 фут. Размеры эти меняются соответственно с большим или меньшим сохранением профилей. О подошве рва нельзя себе составить понятия“³. Говоря про юг-зап. угол обороны, тот же автор указывает: „...все это место имело, как видно, стратегическое значение и потому тут наибольшее число укреплений“⁴.

Для изучения конструкции вала и для составления понятия, хотя бы, о крупных частях обороны городища нами были сделаны в 1919 г. в нескольких местах срезы вала, там, где уже вал был потревожен проездами современных дорог⁵.

Обрез вала показал: 1) что и в восточной и западной обороне насыпан он из чистой сильно песчаной глины, взятой из рва, 2) что вал подсыпался несколько раз за свое существование, на что указал нам в одном месте его обрез, где под верхним насыпным слоем в 1 арш. (0,71 мтр.) был обнаружен слой угля и золы от пожара, коснувшегося, вероятно, деревянных частей обороны.

¹ И. Березин. Ibidem. Стр. 11.

² Ibidem. Стр. 13.

³ А. Ф. Риттих. Ibidem. Стр. 36—37.

⁴ Ib. Стр. 37.

⁵ Некоторые обследователи городища хотят видеть на месте проездов следы крепостных ворот обороны, но едва ли это так. Ворота, вероятно, были не ниже нынешних вершин вала.

Любопытно подвергнуть, хотя бы эскизной реставрации, основные части обороны болгарского городища, тем более, что некоторые определенные данные дают нам материалы из сказаний древних русских летописей в описании аналогичного памятника.

Основным материалом в конструкции обороны при наличии земляного вала, подкрепленного рвом, было дерево; последнее было обнаружено в верхних слоях вала упомянутой археологической разведкой; из разведки видно и то, что в обороне основного городища в качестве материала мы совершенно не наблюдаем присутствия камня или кирпича.

Весьма интересно привести здесь сказание об обороне болгарского города Ошеля, уцелевшее в описании русской летописи похода русских князей 1220 года на болгарскую землю.

Известие это сохранилось в ряде летописных сводов ¹ и у Татищева ².

По Воскресенской летописи и с дополнениями Татищева передается следующий исторический факт. После того, как войска в. князя Юрия Всеволодовича под командой его брата Святослава и воеводы Еремея Глебовича соединились с отрядами других подчиненных Юрию князей на Волге у устья Оки, на судах и ладьях они отправились в страну Булгар вниз по Волге. Войска, достигнув местечка Исады против болгарского города Ошеля ³, вышли на берег. Святослав, организовав охрану своего флота, построил свои полки в боевой порядок и направил их к городу.

Между Волгой и городом войска Святослава спокойно прошли лес и, выйдя на поле перед городом, впервые встретили конный отряд булгар с их князем. Святослав со своей конницей храбро напал на булгар, но они, не приняв боя, пустив по стреле во врага, быстро бежали в город и там, затворившись, укрылись. Святослав приблизился к городу, „беже острог утвержден около града крепок,

¹ Полное Собрание Летописей: Воскресенская, 126—8; Никоновская, 342—343; Львовская, 1, 384—486; Лаврентьевская, 422; Тверская, 330—331, и Степенная книга I-ая, 328.

² Татищев. „История Российская“. Т. III. Стр. 410—421.

³ В Никон. летописи—Авля, во Львовской—Ошлява, а у Татищева—Ошля.

тын дубов, а затем два оплота и межи има вал ссыпан, и по тому валу рыщуще из заткания бияхуся. Князь же Святослав пришед к граду и наряди людей вперед со огнем и секирами, и за ними стрельцы и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи има крепко зело и подсекоша тын, и разсекоша оплоты и зажгоша их, а они побегоша в город⁴. Ту же систему обороны, как у передового укрепления „острога“, мы видим и у самого города в дальнейшем описании Воскресенской летописи взятия самого города. Здесь также князь и его войско „устремишаса ко граду борже и посекоша тын и оплоты“. Летопись уже не останавливается на подробностях обороны города, спеша закончить ужасное уничтожение города огнем и мечом¹.

Итак, в обороне города Ошеля мы видим все фортификационные сооружения обороны нашего городища и „острог“, как передовой форпост, принимающий первый удар врага, и оборону города со всей сложностью укрепления.

Летопись нам дает с чрезвычайной подробностью оборону Ошеля—одного из крупных городов Волжской Булгарии, и надо думать, что в эпоху XIII—XIV века оборона нашего городища была не менее солидная. Последнее в натуре дает нам и вал, и ров, и остатки от деревянных сооружений обороны, а если бы произвести ряд детальных разрезов вала, рва и примыкающей к ним почвы площади с внешней и внутренней стороны, то возможно, что, на основании тщательного обследования, восстановим и „тын дубов, а затем два оплота“, между которыми наш „вал ссыпан“, и те „заткания“, из-за которых ошеляне-булгаре „по тому валу рыщуще... бияхуся“.

Описанная летописью конструкция обороны для города Ошеля весьма близко подходит к тем данным, которые мы обнаружили в остатках нашего городища, а дальнейшее обследование обороны последнего даст еще большее подтверждение.

¹ „И об'ят град огонь отовсюду, и бысть буря велия, и страшно бысть видети и бысть во граде вопль велик зело... князь же болгарский выбеже инеми ворота и утече на конех в мале дружине.“...

Итак, основная оборона городища была весьма не- сложна, но как она ни проста, а ее основными формами русские пользовались в Сибири и в др. местах еще в XVIII веке.

К обороне городища относится, как уже сказано выше, комплекс архитектурных остатков, так называемого, „Малого городка“ у южной вершины городища, рельефно выступающего из общей территории городища. Много уделено внимания М. Городку прежними исследователями его, но данные топографические и архитектурных обмеров инженера Ефимова дают существенные расхождения с ними.

И. Лепехин, описывая руины М. Городка, изображает их так: „На горе за земляным валом, расстоянием от одного в 20 сажнях, есть так называемый малый городок, валом обнесенный, в длину и ширину 40 саж. В нем находятся 4 развалившиеся палаты: [41 (счет Лепехина. А. Б.)] Первая в длину трех с половиною, в ширину ровно 3 сажен. [42] Вторая, отстоящая от первой в 20 сажнях, в длину и ширину имеет по 3 сажени с половиною. [43] Третья, расстоянием от второй в 3 сажнях, длиной в 3 сажени с половиною, шириною ровно в 3 сажени. [44] Четвертая, отстоящая от третьей в 40 сажнях, длиной в 5 сажен, шириной в 3 сажени“¹.

Эрдман указывает: „20 сажен на юг от вала видно основание двух столбов, которые, кажется, представляли вход в небольшое укрепление, которое называется Малым городком; оно имело квадратную форму, 40 саж. дл. и шир. и окружено валом“².

Свиньин говорит: „На южной стороне, в 20 саж. от вала. замечен еще четверугольник, обнесенный земляным валом. Место сие называется Малым Городком. Г. Озерцовский,³ в 1768 году, нашел во внутренности одного 4 развалины; теперь следы их совершенно исчезли; но в разрезе вала, который, вероятно, служил входом в сей городок, заметно еще существование каменных ворот“⁴.

В атласе архитект. Шмита, изданном в 1832 г., по его топографическому плану 1827 г., намечены 4 пункта

¹ И. Лепехин. Ib. Стр. 271. §§ 40, 41, 42, 43 и 44.

² С. М. Шпилевский. Ib. Стр. 229.

³ Спутник академика Палласа. АБ.

⁴ П. П. Свиньин. Ib. Стр. 202—203.

архитектурных остатков М. Городка: 2 башнеобразных в северном валу М. Городка, с намеченным проходом между ними; фрагменты на южной стороне и у северо-восточного угла внутреннего квадрата М. Городка. Интересно у Шмита то, что он дает в рисунке и плане детали архитектурных фрагментов внутреннего квадрата Малого Городка¹.

Кафтачников, списав у Свиньина описание М. Городка, прибавляет цифру его размера, взятую у Эрдмана: „...четвероугольник, обнесенный земляным валом в длину и ширину 40 сажен“².

Второв дает нам очень мало для уяснения топографии и архитектурной структуры памятников М. Городка³.

Подробнее останавливается Березин. Указывая место М. Городка „на южном конце Булгара“, он описывает, знакомую нам, его форму—„...продолговатый четырехугольник, также к ю. суженный. Он отделяется от главного местонаселения городским валом и рвом, но и сам обведен невысоким валом и неглубоким (около полусажени) рвом“. Далее Березин говорит, что М. Городок „это персидский арк (арх) крепость или цитадель, в которой находился ханский дворец...“,⁴ и иллюстрирует свое предположение планом далекого Тебриза.

Аналогичный взгляд на М. Городок мы высказали выше, ставя М. Городок в общий план средневековых идентичных сооружений Европы и Азии. Тот же Березин в своем описании, рассматривая комплекс данных сооружений, прямо озаглавливает его описание—„Цитадель“. В ее центральной части он видит: „Ханский дворец и помещение для войск и придворных слугителей“. Сохранившиеся

¹ А. Шмит. Ib. Табл. 12. Рис. 16.

² Кафтачников в изложении Л. Кавелина, поместившего описание К-ва в журн. „Иллюстрация“ 1846 г. № 4 и 5 в статье „Булгара“. Стр. 51. Первоначально статья Кафтажникова „Болгары или развалины столицы сего народа“ была издана в казанском журнале „Заволжский Муравей“ 1832 г. Л. Кавелин переиздал статью под заглавием „Древние Болгары“ еще в журн. „Библиотека для Чтения“, 1846 г. Июнь.

³ Второв. „Памятники древности в Казанской губ.“. Журн. Мин. Внутр. Дел. 1840 г. XIII. Стр. 195. Означенная статья была перепечатана в „Каз. Губ. Ведомостях“. 1843 г. №№ 37—39. Мы пользуемся первой статьей.

⁴ И. Березин. Ib. Стр. 11—12.

при нем остатки он описывает так: „у северного входа стояло две башни, у южного же входа только одна большая, все они четверугольные. Северный вход, обращенный к стороне города, был главный; здесь, между двумя башнями, были широкие ворота. К с.-в. углу дворца примыкает небольшой четверугольник, обведенный валом: здесь были дворцовые службы.. дворец болгарских правителей был каменный“...¹.

Также весьма подробно останавливается на М. Городке полковник Риттих, пытаясь связать его план с общемусульманскими памятниками в Аравии, но к сожалению ничего не прибавляет нового к тому, что дали нам сохранившиеся фрагменты, которые мы и описываем.

В заключение не лишне указать на сведения Вечеслава в „Заметках о городищах Казанской губ“ (Казань. 1874 г.), а именно „Городище четырехугольной формы, лежит на ровном месте, среди поля, площадь 680 саж. распахана под посев. Валы и рвы сохранились не везде. Длина вала и рва 250 саж., ширина первого 3 саж., глубина рва 1¹/₂ саж.“²

Малый Городок, как указано на плане, примыкает к южной усеченной вершине городища и представляет в своем плане продолговатый прямоугольник, вытянутый с с. на ю. и слегка суживающийся к ю. Он окружен двумя рвами, из которых внешний, местами едва приметный на с., сливается со рвом обороны городища. Внешний вал в окружности имеет (по Ефимову) 394 саж. длины и заключает площадь в 11 десятин 1800 кв. саж. Внутренний ров Малого Городка отстоит от внешнего на 16 саж. (34,11 мтр.), а от обороны городища на 39 саж. (83,18 мтр.); территория, заключенная им, представляет четырехугольник в 1 десят. 2066 кв. саж. Вал, примыкающий ко рву, почти сравнен с землей.

Те остатки каменных архитектурных сооружений, которые уцелели в пределах Малого Городка, интересны прежде всего как части его обороны. Сохранились до нашего времени остатки 3-х сооружений, из них одно в центре южной части внутреннего вала, другое—в центре северной его части и третье к с.-в. от северо-восточного угла внутреннего вала.

¹ Ib. Стр. 26—27.

² По С. М. Шпилевскому. Ib. Стр. 232.

Архитектурные части северного вала Малого Городка представляют фундаменты двух башнеобразных частей одного сооружения, отстоящие на расстоянии друг от друга 1,50 саж. (3,20 мтр.) и соединенные на середине стен низкой тонкой 0,15 саж. (0,32 мтр.) каменной стенкой. Размеры стен по горизонтали таковы: северные и южные по 3,50 саж. (7,47 мтр.), боковые у восточной части по 4,32 саж. (9,18 мтр.), у западной—по 4,05 саж. (8,63 мтр.).

Фрагменты каменных построек южного вала Малого Городка опять представляют тип весьма солидного крепостного сооружения, прямоугольно-вытянутого с в. на з., наружные (сев. и южн.) стены имеют длину 8,60 саж. (18,32 мтр.), боковые—5,20 саж. (10,93 мтр.); толщина стен 1 саж. (2,13 мтр.). В северной стене здания—дверной пролет в 2 саж. (4,26 мтр.). Внутренняя площадь его разделена на 2 помещения, ширина коих общая 3,20 саж. (6,65 мтр.), при длине одного в 4,50 саж. (9,59 мтр.) и другого в 1,50 саж. (3,20 мтр.), толщина стенки, разделяющей их, ок. 0,60 саж. (1,28 мтр.), с дверью, соединяющей их, в 0,80 саж. (1,70^{1/2} мтр.). Внешняя южная стена этого здания имеет углы закругленными. Северный и южный комплексы описанных фрагментов были облицованы крупными, штучными, хорошо обтесанными и плотно пригнанными блоками „сюкеевского“ известняка, сохранившимися в нижних рядах надпочвенной кладки... По анализу, произведенному П. Н. Ефимовым, кладка велась рядами высотой в 0,14 саж. (0,30 мтр.) и каждый ряд камня, по заполнению между облицовками забутовкой из битого камня, заливался известью, смешанной с мелко-толченым жженым гипсом; таким образом, между горизонтальными полями квадратов кладки облицовки образовался слой связи в 0,01 саж. (0,02^{1/4} мтр.).

Означенные остатки архитектурных сооружений и своей монументальностью, и местом их в комплексе сооружений говорят за то, что они фортификационного порядка.

Это южное сооружение, фиксирующее свою солидную конструкцией южную линию обороны Малого Городка, напоминает нам обычные детали средневековых городских кастелей, в связи с обычной для того времени системой обороны последних. Вспомним, хотя бы, в Крыму городище Мангуп, где в его кастеле (или кремле), посреди солидной оборонительной стены выступает из общей линии стены

квадратное сооружение, именуемое некоторыми исследователями даже дворцом.

Тип таких сооружений, вкрапленных в общую систему обороны, был обычным в средневековых городах: достаточно вспомнить известный Текфур-Серай (фрагмент Влахернского дворца) в сухопутных оборонительных стенах Константинополя или часть дворца Буколеона в морских стенах ок. Чатладже-Капу того же Константинополя. То же мы наблюдаем и в грандиозных руинах Старого Мерва, и в кастеле Дербента, и во многих других.

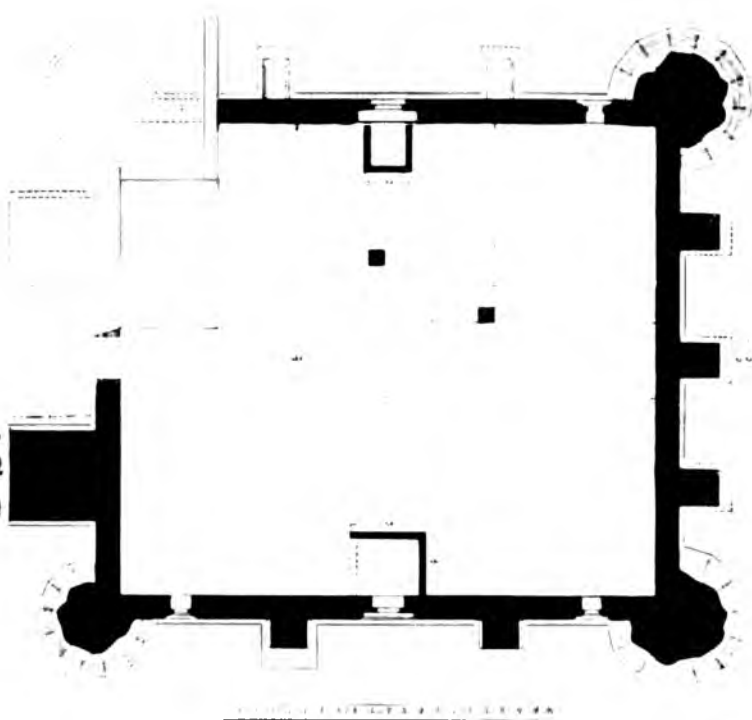
Пространство между башнеобразными сооружениями в северном валу, вероятно, было воротами, фланкируемыми башнями, на что особенно указывает знаток фортификационных сооружений полковник Риттих, рисуя здесь весь комплекс обороны со стенами, с бойницами и воротами, с подъемным или выдвижным чрез ров мостом¹.

Третий архитектурный фрагмент, находящийся между внутренним и внешним валом Малого Городка, находится в 15 саж. (31,98 мтр.) на з. от восточного внешнего вала и в 15 саж. (31,98 мтр.) на с. от внутреннего северного вала. Размер его 2,47: 2,60 саж. С восточной стороны намечается вход. Характер кладки и назначение близки к предыдущим.

В дополнение к последнему фрагменту нужно прибавить, что около него, как показано на планах Шмита, Риттиха, 1869 г., исправленного в 1913 г., и в описании Березина, существовало еще какое-то сооружение круглое в плане. Возможно, что здесь был минарет замковой мечети.

После краткого описания обороны болгарского городища перейдем к описанию и изучению назначения комплекса памятников, находящихся в центре нынешнего поселения около церкви.

¹ Р и т т и х. Ib. Стр. 37.

Четыреугольник. План по с'емке и чертежу Бехтерева и Шельнова.

3. Четыреугольник.

Так называемый Четыреугольник¹ своими монументальными руинами с интересным планом вызывает глубокий интерес у всякого, внимательно рассматривающего его детали.

Многочисленные обследователи руин городища Булгар до самого последнего времени уделяли большое внимание и до сих пор спорят о назначении Четыреугольника²

¹ Наименование, установившееся в местной—казанской литературе, указывающее на его форму, но оставляющее под вопросом определение его назначения.

² Принимают за дворец: „Выпись“ 1712 г., за мечеть: Паллас, Лепехин, Березин, за укрепленный замок Свиньин, Риттих и др.

в попытках предположительной реконструкции его в целом и в деталях. Попытки эти будут безрезультатны до тех пор, пока мы не обратимся к сравнению с аналогичными сооружениями на мусульманском Востоке и Западе: в Передней и Средней Азии, в Крыму, на Кавказе и в др. местах, рассмотрение которых дает нам возможность установить и приблизительную эпоху этого сооружения. Обследователи дают ряд цифр обмеров памятника, набрасывают его планы и внешний вид, но в первых нет приблизительной точности, а потому и единства, а рисунки внешнего вида дают лишь беглые наброски.

Приведем здесь главнейшие описания:

„Выпись“ 1712 г. говорит: „Да на том городичном месте, в окопе, где напред сего был тот царев дом, древняго каменнаго строения, по четырем углам четыре полаты круглых, в знак малого городка, мерою полата от полаты по осмнадцати сажен, вышины те полаты по полуторы сажени, а внутри тех полат, по одним стенам тринадцать, а по другим пятнадцать сажен“¹.

Паллас зафиксировал в своем описании Четыреугольник так: „...есть в неправильном четвероугольнике развалины большого каменного здания с толстыми углами, которое, может быть, представляло большую мечеть. Сие здание состоит из неровных худо отесанных, но весьма плотно складенных известковых, дресвяных, диких и гипсовых камней, которые уповательно браны в гористом берегу Волги“...“.

Иван Лепехин в том же году описывает наш памятник в ряде других: „Еще четыре большия башни, коим мера: первой в окружности 7 сажен с половиною, вышины 2 сажени. Второй в окружности 8 сажен с половиною, высота 2 сажени. Третьей в окружности 12 сажен, вышины 2 сажени с полуаршином. Четвертой в окружности 6 сажен с половиною, вышины 1 сажень. Между оными башнями развалившимся двум стенам в длину по 30, да другим двум по 11 сажен“³.

У Эрдмана в его *Beitrag zur Kenntniss des Innern von Russland*, 1825 г., на *tab. 1, 2, 3*, видим под литерой

¹ Невоструев. *Ib.* Стр. 529. Шпилевский. *Ib.* Стр. 201—2.

² Паллас. *Ib.* Стр. 187.

³ И. Лепехин. *Ib.* Стр. 270. §§ 30, 31, 32 и 34.

„а“ руины „Четыреугольника“ с его угловыми башнеобразными сооружениями, но рисунок слишком схематичен и дает только очертания руин.

Архитектор А. Шмит, хотя и стремится к точности, но все-таки в своем альбоме дает нам мало для понимания деталей. В его альбоме на плане т. 16 под № 7 схематично показаны: „Развалины четырех башен, образующих квадрат“, деталей же, к сожалению, нет.

П. П. Свиньин, поясняя важность описываемых памятников, окружающих Четыреугольник, дает следующие подробности: „...нет ни какого сомнения, что на сем месте был отдельный укрепленный замок, обнесенный толстыми стенами, кои по всем углам имели низкие башни... В подкрепление предположения, что в сем замке было жилище Султана или Хана, археолог увидит еще следы дворца, об огромности коего свидетельствуют остатки фундамента, имевшего до 80 футов в длину и ширину; углы также оканчивались башнями различной фигуры и величины. Несколько ступеней¹, обложенных тесанным камнем, указывают место широких лестниц, служивших входом в сии башни“².

Кафтанников³, поясняя свой рисунок, описывает в § II: „Развалины 4 башен, образующих площадь“. — „В средине селения, по близости новой церкви (обок с минаретом) видны развалины, в форме ограды, окружавшей неправильным четырех-угольником площадь, к углам коей примыкают основания бывших башен; основания эти различной фигуры, от 8 до 12 углов, и имеют окружность в виде лестничных ступеней; снаружи обложены довольно гладким тесаным камнем“.

Трудно угадать назначение этого места, обведенного стеной с башнями; предполагают, что здесь был м и з и р ь, принадлежавший к мечети, может быть, ханской; догадка эта отчасти подтверждается тем, что магометанские пилигримы, приезжающие на поклонения к Болгарским разва-

¹ Очевидно Свиньин принял за ступени ступенчатые выступы цоколя, а посему и фантазирует. А. Б.

² П. П. Свиньин. *ib.* Стр. 193.

³ В изложении Л. Кавелина, журн. „Иллюстрация“. 1846 г. № 4 и 5. Статья „Болгара“. Стр. 52.

линам, как-то Казанские Татары, Башкирцы, Хивинцы, Бухарцы и даже Киргизы, именно на этом самом месте совершают свое поклонение“.

Риттих¹, как и Свиньин, принимает Четыреугольник за дворец, как центр цитадели. Есть на его плане и ошибка: в территорию Четыреугольника включена нынешняя церковь.

Второв в отделе „Основания четырех башен“, говоря вначале о том, что, так называемый, „Большой Минарет“ „примыкает к неправильно-четвероугольному месту, образуемому из следов стен, совершенно уже разрушенных, по углам которых видны четыре основания... башен“, дает нам дальше любопытные, но, к сожалению, неточные в цифрах данные: „Основания сии различной величины и формы, снаружи обложены писанным (вероятно, тесанным? А. Б.) камнем, образующим лестничные ступени (цоколь? А. Б.). *Первое* (Курсив автора. А. Б.) основание северо-западного угла, находящееся в четырех аршинах от минарета (Большого? А. Б.), возвышается еще сажени на $1\frac{1}{2}$; оно—осмиугольное, и в окружности имеет до 9-ти сажен. *Второе*—юго-западное, также осмиугольное, до $1\frac{1}{2}$ саж. вышиною и до $12\frac{1}{2}$ саж. в окружности. *Третье*—юго-восточное, о 12 углах, имеет до $1\frac{1}{2}$ саж. вышины, и около 10-ти в окружности. *Четвертое*—северо-восточное, возвышающееся аршина на $2\frac{1}{2}$, и имеющее в окружности до 10-ти сажен; фигуры его определить не возможно, потому что бока почти все обвалились“.

„По остаткам можно заключить, что вход на эту площадь был в западной стене, имеющей около 14 саж. длины. Противоположная ей стена имеет длины 12 сажен, а две остальные по 12-ти с небольшим“.

Второв дальше предполагает, что „Вероятно, здесь был отдельный укрепленный замок, обнесенный толстыми стенами с башнями по углам“. И тут же он колеблется в определении назначения здания: „Для какого назначения служило это место, решить трудно. Предполагают (имеет в виду Кафтанникова, которым Второв и пользуется. Ср. выше), что тут был *мизирь* (Курсив автора и Кафтанникова. А. Б.), принадлежавший к Ханской мечети“².

¹ Ibidem.

² Второв. Ib. Стр. 183—185.

Проф. И. Березин, как наиболее подготовленный к пониманию памятников данного порядка, дает объяснения Четыреугольнику значительно лучше, но в рассуждении о предполагаемых деталях его он, как увидим ниже, впадает в ошибки.

Говоря о Четыреугольнике, „по углам которого находятся основания башен“, он поправляет предыдущих авторов: „Нет никакой надобности прибегать здесь к предположению об укрепленном замке: все это здание было ничто иное, как сборная мечеть „джум‘а джам‘и“. Лучше всего это видно из направления сторон четвероугольника. Нынешние Татары утверждают, что весь четвероугольник был покрыт куполом: совершенно невероятная вещь, потому что и четвероугольник для этого весьма велик и стены его очень тонки. Стены с башнями, служившими для помещения духовенства (Первая ошибка—А. Б.) или для украшения (Вторая—А. Б.), вероятно, окружали (Третья—А. Б.) особенное здание мечети, от которого теперь не осталось следов, или лучше которое засыпано упавшими стенами, потому что здесь местность очень возвышена над окружающею почвою. Раскопки внутри двора, на котором стояла сборная болгарская мечеть, должны подтвердить это предположение: нельзя же думать, что моление совершалось, в таком суровом климате, на открытом воздухе или под ничтожным прикрытием“¹.

Мечта Березина об раскопке Четыреугольника сбылась через 40 лет и раскопки дали материал чрезвычайно интересный для восстановления основных форм памятника.

1892 г. (9—17/VI) в Болгарах происходили, на средства (б.) имп. Археологической Комиссии, раскопки развалин четырехугольника. Задача раскопок состояла в том, чтобы обнаружить план и остатки здания, погребенного под грудой мусора. Раскопки велись Комиссией, в состав которой входили члены Общества (Арх., Ист. и Этн. при Казанск. Ун-те) Н. А. Фирсов, И. А. Износков, Ф. Г. Мищенко и И. Н. Смирнов, и привели к довольно существенным результатам освобождена параллельная улица, стены здания—длиною около 15 саж., выш. до 1 саж.—с двумя выступами в виде крылец, расчищена вся внутренняя площадь

¹ И. Березин. lb. Стр. 19—20.

четырехугольника, расчлененная рядами баз от поднимавшихся над ними колоннад, выяснено отношение башен к зданию¹.

Это краткое сообщение было развито в Отчете об-ва, посланном в Археологическую Коммиссию и сопровождаемом планом проф. А. А. Штукенберга. Извлечения из него опубликованы в „Отчете Археологической Коммиссии за 1902 г.“ Стр. 67—69. „Судя по плану, составленному проф. Штукенбергом², „Четыреугольник“ представляет собою довольно значительную почти квадратную площадь (15×14 саж.), обнесенную стенами с 4 башнями по углам“. Далее идет, суммарное, в приблизительных цифрах, описание открытого памятника, из которого приведем только некоторые не безынтересные для нас детали, а именно, о „башнях“: „с наружной части Четыреугольника они шестигранные, с внутренней—в них врезаются углы площадки...“. Далее отчет говорит о близости „Минарета“ к Четыреугольнику: „К стене близ входа примыкает квадратное основание минарета $2\frac{2}{3} \times 2\frac{3}{4}$ кв. саж., ныне совершенно обрушившегося, но еще в 1772 г. имевшего до 12 саж. вышины“.

Интересны наблюдения над внутренней площадью этого памятника: „По очистке внутренней его части от мусора оказалось, что вся огражденная стенами площадь имеет цементный пол в 4—5 верш. толщиной, лежащий на бугре из щебня и мусора, которого толщина доходит до $1\frac{1}{2}$ саж. от материка. В этом бугре попадались плиты, величиною по несколько квадр. аршин, и как бы каменные столбы значительного объема, поднимающиеся до поверхности пола и, быть может, служившие для его поддержки. Почти вся внутренняя площадка оказалась занятою правильно расположенными камнями; по предположению производившей раскопки Коммиссии, камни эти составляют основание колонн. Они стоят друг от друга на расстоянии 2 саж. и в общем образуют квадрат, по 6 рядов на каждой стороне.

¹ „Известия Об-ва Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унив.“ Т. X. Вып. 4. Казань, 1892 г. Стр. 447—448.

² К сожалению, И. А. К. в „Отчете“ план этот не приложил; вероятно, он находится в Архиве „Акад. Истор. Материальной Культуры“. А. Б.

Внутри на стенах найдены следы штукатурки“. Раскопкой 1892 г. „не тронута часть Четыреугольника, находящаяся в границах церковной ограды“, „некоторые детали сооружения еще не уяснены“... „По мнению Коммиссии, занимавшейся раскопками, „Четыреугольник“ ближе всего напоминает собой остатки медресе“.

Для уяснения деталей Четыреугольника Об-во Арх., Ист. и Этн. при Казанск. Ун-те находит возможность и средства продолжить исследование только через 23 года, в 1915 году, когда Общество обогатилось рядом молодых археологов: ассистент (ныне профессор Каз. Универс.) В. Ф. Смолин и студенты У-та, В. Е. Крелленберг и М. Г. Худяков. Означенные лица, под руководством приглашенного археолога С. И. Покровского, приступили к раскопкам в июне 1915 г.

Краткие сведения и предварительный отчет помещены: в „Известиях Об. А., И. и Э. при Каз. Ун.“, т. XXX, в. I, Каз., 1919 г.; в статьях В. Ф. Смолина, Б. Е. Крелленберг и в ст. В. Ф. Смолина „Болгарская монета с именем багдадск. абассидск. халифа, найденная под полом „Четыреугольника“ при раскопках в 1915 г.“¹.

К сожалению, нет отчета самого руководителя С. И. Покровского. Статьи же Смолина и Крелленберга являются, очевидно, за отсутствием дневников Покровского, суммарными и, вероятно, вынужденными сказать, хотя бы, важнейшее о раскопках. Интересно, доставил ли Покровский дневники и отчет в Археол. Комиссию; если нет, то где они находятся?

Из упомянутых статей видно, что у руководителя в методе работы не все было благополучно. Один из участников раскопок—Крелленберг—пишет: „Во время раскопок этого здания было заложено 45 траншей, как внутри, так и снаружи его. Внутри здания было заложено 9 траншей, вдоль всей южной стены. Между ними были оставлены перемычки в 0,35 с.“ Дальнейшее описание раскопок у Крелленберга разъясняет нам некоторые подробности и вскрывает „метод“ Покровского. „Из этих траншей четыре (I, IV, V и VI) шли

¹ „Изв. О. А., И. и Э. при К. У“. Том XXIX. Вып. 5—6. Каз. 1916 г. Стр. 367—374.

только до пола, а в двух (II и III) пол и находящиеся под ними прослойки были взломаны (для чего было ломать пол в середине траншеи? А.Б.), и траншеи рылись до материка, при чем были исследованы глубина и профиль фундамента стены. С внешней стороны южной стены было заложено 4 траншеи—по одной у угловых контрофорсов и две по двум сторонам среднего выступа. У западной стены с внутренней стороны, кроме траншеи VI, в юго-западном углу здания было заложено еще три траншеи, доходящих до пола, и одна XIX в северо-западном углу, где часть пола была взломана (кем? археологами? или до них? А.Б.). С внешней стороны этой стены было вырыто 5 траншей—по одной около угловых башен, при чем в траншее XVIII у северо-западной башни была проложена узкая галлерейя под стену, по одной у двух выступов стены со сторон, обращенных к середине стены и одна у середины стены у предполагаемой двери. Затем, внутри здания у северной стены, кроме указанной траншеи XIX, были еще две: одна у основания минарета была рыта до материка и одна у середины стены у предполагаемого главного входа. Кроме этих траншей внутри здания приблизительно по линии, соединяющей середины южной и северной стен, было проложено 10 траншей (не считая двух, уже упомянутых около стен), из которых некоторые рылись ниже пола. По направлению с севера на юг шла засыпанная яма, и пол в этом месте был сломан; это, вероятно, засыпанная траншея раскопок 1892 года. Где пол был раньше взломан, там мы копали ниже пола, до материка, вновь же ломать пол мы избегали. Пять траншей, включая упомянутые XXXVIII и XXVIII, было проложено по линии, соединяющей предполагаемые двери восточной и западной стен,—две траншеи по линии З.—В. на расстоянии 4,15 с. от южной стены и три параллельно траншеям Ю.—С. с западной стороны. С внешней стороны здания были проложены еще 5 траншей: XXXIX между минаретом и северо-западной башней, XLI у северной стены между выступами предполагаемого портала, траншея около северной стороны минарета и две у восточной стены, с обеих сторон церковной ограды¹.

¹ „Изв. О. А., И. и Э. при К. У.“ Т. XXX. В. 1. Каз. 1919 г. Стр. 90—91.

От только-что описанных раскопок получается впечатление, что метод изысканий был весьма странный. Хорошо было бы, если бы к этому отчету был приложен, хотя бы, схематичный крошечный планик памятника и его раскопок. Видно, что работа произведена большая, местами выяснены детали и весьма существенные, но способ и чрезвычайно, и ненужно, и даже вредно-сложный. Так, на площади внутреннего квадрата, размером $28,82 \times 32,80$ мтр., было заложено около 30 траншей, притом некоторые из них, судя по описанию, например, в юго-зап. углу перекрещиваются, если, конечно, действительно первые „9 траншей“ заложены „вдоль южной стены“.

Несмотря на недостаток в методе исследования, хочется все-таки учесть те положительные стороны, которые дают сведения к пониманию деталей архитектурной структуры памятника.

Самое удачное здесь это то, что явилась возможность на осковании раскопок 1915 г. графически реставрировать внутри устои, на которых было перекрытие. На площади памятника устанавливаются 4 ряда гранных столбов-колонн с с. на ю. по 5 столбов в ряд, на которых и создано было перекрытие. Интересны описания и тех фрагментов устоев, которые открыты: „...выяснилось, что 5 колонн идут с юга на север приблизительно на равном расстоянии одна от другой. Первая из этого ряда колонн расположена на 1,95 саж. от южной стены, приблизительно на линии, соединяющей южные окна западной и восточной стен, средняя против дверей и последняя против северных окон и против выступа, выдающегося от северной стены по западную сторону главного входа. Видны также основания двух колонн параллельного ряда, который заканчивался по восточную сторону главного входа. Повидимому, параллельно этим двум рядам колонн шли еще два ряда, т. е. в этом здании с юга на север шло 4 ряда колонн по 5 в каждом. В настоящее время нам известны основания 10 колонн, прослежен только-что описанный ряд с юга на север и ряд колонн, идущий с запада на восток по линии, соединяющей боковые двери здания. Каждая колонна имеет свой фундамент из камней, сложенных на извести, и квадратный постамент из тесанных камней (фундамент, конечно, шире постамента). В настоящее время от колонн на месте

только и сохранились фундаменты и эти постаменты, и то последние не целыми. Сохранились еще остатки бутовых фундаментов, на одном из которых даже был базис колонны. Эти остатки фундаментов расположены в беспорядке, так что трудно предположить, что это были также фундаменты колонн¹. Сохранность колонн-столбов и их деталей в 1915 г. была, как видно из только-что описанного, еще настолько велика, что удастся их построить так, что проясняется основная внутренняя конструкция здания, но в 1919 г. картина уже иная, и мы могли зафиксировать из 10 фрагментов колонн 1915 г. только 4; остальные, очевидно, уже были похищены.

„Поверх пола было обнаружено довольно много обуглившегося дерева; возможно, что это обгорелые стропилы здания“². Последнее сведение также весьма ценно и хорошо говорит о перекрытии Четыреугольника.

Детали пола Четыреугольника тоже весьма интересны. По тем весьма кратким данным, которые дают сведения о раскопках 1915 г., можно судить о том, что все здание было создано на месте более древнего, что фундаменты имеют свою опору в материке, что пол здания весьма приподнят не только над материком, но и над окружающей почвой и что покоится он на солидных субструкциях. Крелленберг описывает его обследование у южной стороны: „Фундамент здесь глубиной 0,9—0,95 с. и выступает от стены на 0,32—0,34 с., образуя обрез, служащий для укрепления у стены пола. На него положен ряд прослоек толщиной до 0,46 с., верхний слой из извести образует пол. Число прослоек было 8—10. У стены, как сказано выше, они клались на обрез фундамента, а в середине здания на смешанный слой земли, глины, песку и т. д. Прослойки шли от этого слоя приблизительно в следующем порядке (тр. XIX): 1) утрамбованный слой извести с песком желтого цвета, 2) убитый известковый слой белого цвета, 3) слой земли и 4) пол“...³ Если вспомним еще сюда наблюдение археологов 1892 г. о том, что пол был „цементный... в 4—5 верш. толщиной, лежа-

¹ Ibidem. Стр. 92.

² Ib. Стр. 95.

³ Ib. Стр. 92.

щий на буге из щебня и мусора“, что „В этом буге попадались плиты, величиною по несколько квадр. аршин, и как бы каменные столбы значительного объема, поднимающиеся до поверхности пола и, быть может, служившие для его поддержки“, и вся конструкция пола будет для нас ясна во всех деталях. „Каменные столбы пола..., служившие для его поддержки“, были, конечно, там, куда должна была падать опора колонн-столбов над полом, поддерживающих перекрытие всего здания.

Исследователи 1915 г., изучая извне западную половину северной стены, обнаружили, между западным боковым выступом, обрамляющим вход, и „северо-западной башней“ часть здания в виде солидного выступа, и этот выступ установили как основание — фундамент, так называемого, „Большого Минарета“. Последнее заключение еще требует пересмотра. Об этом мы будем говорить в нашем эскизе реставрации Четыреугольника и в реконструкции Большого Минарета в связи с теми недоумениями, которые появляются при детальном его изучении. Не связывается солидный выступ с Большим Минаретом, хотя бы, и потому, что этот фундамент не равносторонний, а продолговато-прямоугольный, а затем и потому, что аналогичный выступ намечается между порталом и сев.-вост. башней.

Далее исследователи 1915 г. не сговорились в понимании угловых „башен“: В. Ф. С м о л и н называет их „башнями-контрфорсами“, а Б. Е. Крелленберг—просто „башнями“. Что это ни то, ни другое, попробуем выяснить изучением всего плана здания, сравнением его с аналогичными памятниками и построением эскиза реставрации. Конечно, оттого что они башнеобразны, мы не отвергаем, что они в конструктивной своей связи со всем памятником выполняют на своем месте и роль контрфорсов; это объясняется тем, что все здание едино в конструктивном отношении.

Не удалось разыскать михраб мечети, но это объясняется тем, что „нижняя часть его ниши не составляла одной плоскости с полом“.¹

Обследование западной стены дало то, что „под бутом“ ее „оказались сваи“. „Сваи к низу заостренные в среднем в

¹ Ib. Стр. 94.

диаметре были в 5 соток саж., а в длину— 0,46 саж.“¹. Далее идет попытка к выяснению деталей свай: на площади в $0,35 \times 1,28$ саж. „оказалось всего 56 свай, в расстоянии друг от друга на 0,03; 0,04; 0,06 и т. д.... Конечно, сваи эти сгнили. Остались лишь места этих свай, наполненные трухой“². Сваи были забиты по предположению исследователей 1915 г. для уплотнения почвы; на свайный помост клался бутовый фундамент.

На первый взгляд кажется странной сложная установка фундамента на сваях, и притом только под западной стеной, тем более, что подпочва (материк), на котором установлены фундаменты памятника, всюду одинаково суглинистая и чрезвычайно устойчивая. Объясняется это тем, что архитектор был прекрасный знаток пригодности почв для постройки монументальных зданий. Дело в том, что глинистый в особенности да и суглинистый материк отличаются большой гигроскопичностью, а это требует устойчивых субструкций. В античные времена мы наблюдаем на глинистых почвах чрезвычайно массивные субструкции из разнообразных прослоек; здесь же мы видим своеобразный свайный пьедестал. Подобный архитектурный прием был развит в эпоху средневековья; пользуются им и в новое время. Вспомним, хотя бы, ленинградские старые постройки и др.

Здесь наблюдаются следы каких-то и более древних сооружений. Так, в половых субструкциях Четыреугольника, на территории, где была найдена весьма интересная монета Аннасири-дини-лляха, о которой мы будем говорить ниже, были обнаружены большие бревна (интересно, в каком порядке или положении? А. Б.) „быть может остатки деревянных строений“.³

Ценны и находки 1915 г. и прежде всего медная монета „багдадского халифа Аннасири-дини-лляха (1178—1228 г.)“, которая „может служить указанием на то, что здание (Четыреугольник) не могло быть построено ранее конца XII века“⁴.

¹ Ibidem. Стр. 71 (статья В. Ф. Смолина).

² Ib.

³ Ib. Стр. 95. Примечание М. Г. Худякова.

⁴ Ib. Стр. 95.

К сожалению, Крелленберг не указывает, что данная монета „была обнаружена“ „вместе с погребением“, как говорит в своем „Отчете“ Смолин¹, а это придает ей особую и чрезвычайную ценность.

Монета описана в вышеуказанной статье, при содействии Н. Ф. Катанова, В. Ф. Смолиным, который говорит, что „Будучи найдена глубоко под полом „Четырехугольника“, эта монета дает нам возможность намечать нижнюю грань времени построения этого здания“. Но Смолин не увлекается ранней датой этой монеты, а тщательно, пользуясь: 1) указаниями Катанова; 2) мнением прежних обследователей нашего памятника о том, „что построение болгарских зданий, развалины которых сохранились до сего времени, относится уже к монгольскому периоду (Курсив А.Б.), т. е. ко времени после 1236 года“² и 3) анализом монеты и предположением нумизматов о том, что болгарские монеты, с именем указанного халифа, чеканились „спустя около 70 лет после смерти этого халифа, т. е. уже в монгольский период, в правление хана Тохту“³, говорит: „нужно было бы найденную монету отнести к 1293 г.“, и прибавляет: „в таком случае время построения „Четырехугольника“ можно было бы определить даже приблизительно началом XIV в.“⁴.

Это заключение В. Ф. Смолина чрезвычайно интересно, и мы, на основании другого материала, сможем указать ниже, насколько оно близко к истинной датировке Четырехугольника.

Есть еще краткие сведения о Четырехугольнике в статье М. Г. Худякова: „Развалины Великого Города“⁵ и чрезвычайно ценные рисунки орнаментальных архитектурных деталей В. И. Корсунцева, воспроизведение коих помещено в „Казанск. Музейном Вестнике“. Каз. 1920 г. № 5—6, на стр.стр. 16 („Орнаментальный мотив“), 17 („Деталь Малого столпа“), 44 („Детали главного портала Четырехугольника“),

¹ Ib. Стр. 70.

² „Изв. О. А., И. и Э. при К. У.“ Т. XXIX. В. 5 и 6. Каз. 1916 г., Стр. 373.

³ Ib. Стр. 372.

⁴ Ib. Стр. 374.

⁵ М. Г. Худяков. „Развалины Великого Города“. „Казанский Музейный Вестник“. 1921 г. № 1—2. Стр. 78—83.

65 („Деталь Четырехугольника—Реконструкция“), 69 („Орнаментальный мотив“), 77 („Колонна Четырехугольника—Реконструкция“) и 80 („Деталь Четырехугольника—Реконструкция“). Рисунки сопровождаются краткой справочной статьей М. Х. (Худякова), *ib.*, на стр. 86.

Нового в статье „Развалины Великого Города“ М. Г. Худяков к вышеуказанному не прибавил, если не считать ббольшую ясность в том, что „Внутри здание было разделено правильными рядами невысоких каменных колонн на 5 нефов“, что „Эта постройка, беспримерная по своим размерам в Булгаре, служила, по преданию, главной мечетью“¹, и затем на основании открытых фрагментов указывает, что с „Севера, Востока и Запада в „Четыреугольник“ вели каменные лестницы и двери, порталы которых были также украшены резьбой из камня“².

Значительно ярче и яснее сказывается понимание памятников, а в частности Четыреугольника, в небольшой статье „К рисункам В. И. Корсунцева“ М. Х. (Худякова), где автор говорит, что „Стиль болгарских зданий указывает на тесную связь Болгарии с Персией. Как видно из меток на фрагментах майолик, изразцы доставлялись в Болгары также с персидских фабрик. Есть параллели Болгарской архитектуре и в зодчестве Туркестана... но расцвет туркестанского зодчества — эпоха Тамерлана — относится к той поре, когда развитие болгарской архитектуры было уже завершено“³.

Связь Болгарии с Персией, высказываемая давно, действительно ярко видна на Волжско-Булгарских архитектурных памятниках и не только в стиле, но и в деталях строительной техники.

Ниже мы укажем, что помимо Персии на искусство Волжской Болгарии оказывает влияние и другая страна, населенная родным ей по крови населением.

Хорошо замечание М. Х. о времени яркой страницы болгарского зодчества, прежде чем наступил „расцвет туркестанского зодчества“. Мы вполне разделяем взгляд М. Х. и на то, что „в настоящее время“, действительно, „должны

¹ *Ibidem.* Стр. 79—80

² *Ib.* Стр. 79.

³ *Ib.*

считаться уже неполными и устаревшими те труды по истории мусульманского зодчества, в которых обходятся молчанием памятники болгарской архитектуры“.

Рисунки Корсунцева, относящиеся к Четыреугольнику, дадут нам весьма интересный материал к пониманию памятника в его целом. Одно жаль, что они не сопровождаются масштабом и указанием на материал оригиналов.

То немногое, что уцелело до нас от этого глубоко интересного, единственного (пока) в своем роде в Поволжье монументального памятника, весьма ценно и дает возможность представить горизонтальный план его и говорить о восстановлении его основных вертикальных линий (см. план на стр. 25).

Здание представляет слегка продолговатый (с с. на ю.) квадрат, углы которого заключены в многогранные башнеобразные постройки. Площадь, занимаемая всем зданием, равняется 20 саж. 2 арш. $9\frac{1}{2}$ вершк. ($44\frac{1}{2}$ мтр.) длины—с с. на ю. и 18 саж. 2 арш. $4\frac{1}{2}$ в. (40 мтр.) ширины—с в. на з. Внутренний квадрат, очерченный стенами, равняется 13 саж. 1. арш. $8\frac{1}{4}$ в. \times 6 саж. ($28,80 \times 32,80$ мтр.). Четыре фасада его, забранные по углам башнеобразными сооружениями, имеют каждый свой вид:

На северном фасаде выступают к с. на 7 ар. $2\frac{3}{4}$ в. (5,10 мтр.) фрагменты оснований массивных пилонов, шириной в 8 арш. $9\frac{1}{4}$ в. (6,10 мтр.). (См. табл. 3). Расстояние между пилонами имеет ок. 11 арш. 4 в. (8 мтр.). Отстоят они от башнеобразных угловых сооружений на 2 арш. 13 в. (2 мтр.).

В стене между пилонами находится вход в здание шириной в 3 арш. $1\frac{1}{2}$ в. (2,20 мтр.); снаружи он обрамлен фундаментами солидных пилястровидных выступов, отходящими от основной стены здания к с. на 2 арш. 13 в. (2 мтр.), шириной в 2 арш. $2\frac{3}{4}$ в. (1,50 мтр.).

Южный фасад сохранил остатки трех выступов в виде контрфорсов, длиной в 3 арш. $8\frac{1}{4}$ в. (2,50 мтр.) и шириной в 2 арш. 13 в. (2 мтр.). Центр среднего выступа контрфорса приходится по центру всего здания с с. на ю.; боковые выступы отступают от центрального на 7 арш. 5 в. (5,2 мтр.) и от угловых башнеобразных сооружений на 2 арш. 13 в. (2 мтр.).

Восточный и западный фасады имеют по два выступа-контрфорса, аналогичные южным, но разные по размерам: так, восточные—длиной 3 арш. $8\frac{1}{4}$ в. (2,50 мтр.) и шириной 1 арш. 11 в. (1,20 мтр.), западные—длиною 2 арш. $8\frac{1}{2}$ в. (1,80 мтр.).

Местоположение восточных выступов-контрфорсов таково: от центра фасада они отстоят на расстоянии 8 арш. $13\frac{3}{4}$ в. (6,3 мтр.) и от башнеобразных угловых сооружений: южный на 7 арш. $11\frac{3}{4}$ в. (5,50, мтр.) и северный на 9 арш. (6,40 мтр.). Местоположение западных выступов-контрфорсов несколько иное: от центра фасада они отстоят—южный на 7 арш. $7\frac{1}{4}$ в. (5,30 мтр.), а северный на 6 арш. $5\frac{1}{4}$ в. (4,50 мтр.); от угловых башнеобразных сооружений—южный на 6 арш. $14\frac{1}{4}$ в. (4,90 мтр.), а северный 9 арш. $2\frac{1}{4}$ в. (6,50 мтр.). Между выступами восточного и западного фасада в их центре прорезаны двери, разные по размерам в деталях: вовнутрь здания от дверей выступают квадратные парапеты: у восточной двери, размером 4 арш. $1\frac{1}{4}$ в. \times 4 арш. $3\frac{1}{2}$ в. (2,90 \times 3,00 мтр.), у западной 5 арш. 9 в. \times 6 арш. 12 в. (3,95 \times 4,80 мтр.). В углах тех же фасадов около башнеобразных сооружений сохранились остатки окон¹.

На территории здания (до лета 1919 г.) сохранялись 4 базы от столбов или колонн, которые, вероятно, в общем комплексе подпор широкого здания поддерживали его перекрытие. (См. табл. 2—3). Местоположение их несколько приводит в смущение и заставляет думать, что едва ли они на месте (in situ). При детальном обследовании пола и в особенности слоев, находящихся непосредственно под ним, были бы получены детали субструкций или фундаментов от баз вертикальных опорных столбов-колонн.

Среди руин нашего памятника в прежние годы было найдено большое количество не только баз опорных столбов-колонн, но и монолиты гранных фрагментов с инте-

¹ Фрагмент наличника одного из окон с интересной орнаментикой издан П. Е. Корниловым в брошюре „Охрана памятников ТССР“ (1917—27 гг.). Каз. 1928 г. (отдельный оттиск из журн. „Вестник Научн. Об-ва Татароведения“—№ 8 1928 г.“. 2 рисунка наличников с орнаментом.

ными капителями. К сожалению, сведений об обстоятельствах этих находок, пока, в печати нет¹.

Необходимо остановиться на весьма интересной архитектурной конструкции башнеобразных угловых сооружений здания. (См. табл. 3—4—5). Они представляют единое целое со всем зданием, на что указывает единство их связи в кладке. Последняя техническая деталь совершенно устраняет мнение В. Ф. Смолина о том, что данные сооружения—„контрфорсы были построены не одновременно с зданием четырехугольника, а позднее, ибо раньше построенными они быть, конечно, не могли“². Почему „конечно“, В. Ф. Смолин не поясняет.

Снаружи башнеобразные сооружения имеют вид незамкнутых 10-тигранных построений, которые при продолжении к горизонтальному замыканию должны дать еще 4 грани, занятые в данном случае прямыми углами основного квадрата здания, врезающимися в десятигранники³. Из 4-х башнеобразных угловых сооружений наиболее всего пострадало северо-восточное, да и вообще весь северо-восточный угол здания более всего разрушен. Почти весь он, отгороженный, находится в нынешней церковной ограде и на его территории стоит большой церковный дом, построенный из материала, взятого из рассматриваемого древнего здания.

Северо-восточная башня представляет грудку рассыпавшегося щебня забутовки, облицовку которой нужно искать прежде всего в упомянутом церковном доме. Остальные башни сохранились настолько, что позволяют говорить о деталях их архитектуры. Благодаря своей монументальности они сохранились значительно больше, чем стены. Но говоря об их структуре, нужно связать ее и с конструкцией стен.

Фундаменты всего здания выведены из твердого известнякового раковистого плитняка, положенного на известково-глинистом растворе. Стены и башнеобразные сооружения

¹ Монолиты гранных столбов и фрагменты нам удалось зарисовать и замерить в 1919 г. уже на месте их хранения в Черной Палате. Необходимо вспомнить здесь упомянутый рис. Корсунцева „Колонна Четырехугольника“. „Каз. Муз. Вестник“ 1920 г. № 5—6. Стр. 77.

² В. С м о л и н. „Раскопки в Болгарах в 1915 г.“ Стр. 71.

³ Далее при нашей графической попытке к реставрации здания мы будем настаивать на том, что эти намечаемые в основании многогранники в своих вершинах должны выступить, как одна из характернейших особенностей сооружений определенного типа.

(Табл. 6, 7, 8, 9, 10) выложены из штучного, хорошо отесанного и плотно пригнанного известняка на известково-гипсовом растворе со щебневой забутовкой, залитой тем же раствором. Строительный материал целиком из богатых „сюкеевских“ каменоломень¹. Фундаменты стен залегают от 1 арш. 3¹/₄ вершк. (0,85 мтр.) до 1 арш. 6¹/₂ вершк. (1 мтр.), уровень их разный; объясняется это тем, что подпочва, на которой стоит здание, имеет волнистый горизонт, и строитель, слегка срезая ее верхний слой, экономя материал, идет за ней, выкладывая фундамент. Глубже залегают, описанные выше, выступы-контрфорсы до 3 арш. 6 вершк. (2,40 метр.) и на той же глубине башнеобразные угловые сооружения.

При обмерах угловых многогранных сооружений оказалось, что размеры их неодинаковы: так, северная пара (северо-западный и северо-восточный углы), замыкающая северный (и по всем данным лицевой) фасад, меньше в диаметрах, чем другая пара, замыкающая южный (задний) фасад. (См. план Четыреугольника).

Диаметр первой лицевой фасадной пары у основания цоколя над фундаментом имеет 10 арш. 8³/₄ в. (7,50 мтр.), второй пары там же—12 арш. 10¹/₃ в. (9 мтр.). Пропорционально равняются в размерах и другие детали угловых сооружений². Рассмотрим их общие детали: цоколь этих сооружений представляет 4 узких на 3³/₅ в. (0,15 мтр.) ступенчатых уступа, высота всего цоколя 2 арш. 8¹/₂ в. (1,80 мтр.). От цоколя угловые гранные сооружения до высоты стен основного здания возвышаются многогранником с уклоном к вершине конуса на

tg 12,5
100.

Размеры по вертикали их таковы: фундамент³ залегает от поверхности современной почвы на глубине 3 арш. 6 вершк. (2,40 мтр.) и стоит в траншее, врезанной в глинисто-песчаный материк; сохранившиеся их высоты разные:

¹ Напротив Булгар в правом берегу Волги в окрестностях селения Сюкеево находятся каменоломни с древнейших времен. Строительные материалы из сюкеевских каменоломень и в настоящее время считаются лучшими в Поволжье.

² Так, например: ширина граней в основании у—первой пары 2 арш. 8¹/₄ в. (1,80 мтр.), а у второй 2 арш. 13 в. (2 мтр.).

³ Выяснено соответствующими зондажными работами 1919 года.

на с.-з. углу—6 арш. $5\frac{1}{4}$ в. (4,50 мтр.), на ю.-з.—5 арш. $12\frac{1}{4}$ в. (4,12 мтр.), на ю.-в. 6 арш. $5\frac{1}{4}$ вершк. (4,50 мтр.), и на с.-в., как уже указано выше, куча забутовки—на 4 арш. $3\frac{1}{2}$ в. (3,00 мтр.).¹ На той же приблизительно глубине залегают и квадратные монументальные пилонообразные выступы на северном фасаде, т. е. на глубине 3 арш. 6 в. (2,40 мтр.).

Итак, несмотря на то, что обследование Четыреугольника было произведено в общих чертах, все-таки, путем изучения частей наружных фрагментов, ряда археологических обследований, кратких сведений и разных известий о нем и описаний, можно составить понятие о главных его элементах, из которых сделаем попытку графически реконструировать это сооружение по аналогии с другими памятниками близкой культуры Средневекового Востока.

Остатки памятника дают нам здание продолговато-прямоугольной формы, или, как говорит Б. Крелленберг: „остатки стен четырехугольного построенного в форме трапеции здания“², углы которого заключены в четыре многогранные башнеобразные сооружения.

На северном коротком фасаде здания посредине находятся остатки главного входа, заключенного извне сильно выдвинутыми от стены продолговатыми выступами—стенками, образующими как бы небольшой портал.

Между башнеобразными угловыми сооружениями и стенками входа выступают к с. от стен Четыреугольника пилонообразные фрагменты, весьма солидные по размерам. Противоположный южный фасад имеет глухую (без отверстий) стену с 3-мя фрагментами контрфорсов. Продолговатые восточный и западный фасады имеют посредине двери, между которыми и башнеобразными углами—по два контрфорсных выступа, а около углов по окну. Далее фиксируем цементный пол и в разных местах фрагменты баз от гранных столбов-колонн с капителями, поддерживавшими перекрытие здания и стоявшими в 4 ряда с с. на ю. по 5-ти штук в ряд (20 шт.).

¹ Конструктивное значение этих гранных сооружений весьма солидное и в этом их преимущество перед другими аналогичными памятниками, о которых мы будем говорить ниже.

² Б. Крелленберг. „Раск. Четыреуг. в Болг. 1915 г.“ „Изв. О. А., И. и Э. при К. У.“ Т. XXX. В. 1. К. 1919. Стр. 89.

Реставрируя, таким образом, план Четыреугольника, мы невольно представляем перед собой целый ряд памятников с аналогичными планами и конструкциями в области архитектуры Средневекового Востока, система которых проходит на протяжении многих столетий и корни которой развились в глубокой древности на Востоке.

Пред нами тип ипостильных зал, восходящий к глубоким временам Египта и древней Персии и чрезвычайно широко применявшийся в зодчестве Средневекового Востока, а в мусульманском в особенности. Этот тип, будучи применен иногда в колоссальных размерах, имеет целый лес колонн или столбов внутри здания.

Мы не будем здесь говорить о памятниках ипостильного типа древнего Египта и Персии (напомним только такие грандиозные сооружения, как храмы Карнака¹, Луксора² и дворцы Персеполиса³), т. к. наш памятник скромнее и мало еще известный, но памятники мусульманской эпохи, относящиеся к указанной системе, приведем; из них мы увидим, что наш Четыреугольник, как и другие в Бугарах, стоят большего внимания, чем то, которое им до сих пор уделяли, и не стоят особняком...

С целью связать наш памятник с памятниками Средневекового Востока мы сделаем несколько экскурсов в область основных элементов его зодчества.

Рассматривая систему ипостильного типа в средневековых памятниках Востока, мы уже видим ясность конструкции нашего памятника и связь его с приводимыми аналогиями, несмотря на его чрезвычайную фрагментарность.

Традиции ипостильной древней системы Египта и Персии здесь переплетаются с базиличной и зальной системой византийской архитектуры, но обычно последние существуют отдельно и самостоятельно. Не вдаваясь в пояснение принципов архитектурной конструкции этих систем, мы упомянем основные, наиболее известные памятники архитек-

¹ A. Springer. Handbuch der Kunstgeschichte. I. 1911. Стр. 31, р. 71.—Lübke-Semrau. Die Kunst des Altertums. I. 1908. Стр. 24, р. 34.

К. Верман. „История Искусств“. Т. I. Табл. при 172 стр.

² Springer Ibidem. Стр. 33, р. 82.—Lübke-Semrau. Ib. Стр. 25, р. 35.—Верман. Ib. Стр. 173.

³ F. Sarre. Die Kunst des alten Persien. Berl. 1923. Стр. 9, р. 1.—Lübke-Semrau. Ib. Стр. 73., р. 111.

туры Ислама, которые ярко выступают на фоне аналогий в огромном количестве.

Одним из древних памятников ипостильной системы, сохранившимся до нас, является Мечеть Амру в Старом Каире, построенная Амр-ибн-эль-Аса, полководцем Омара, которая своей ясностью и простотой восходит к древнейшим памятникам, хотя и носит на себе огромные следы перестроек и расширений (начата около 642 г. и закончена в основной перестройке ок. 1330 г.). Не касаясь всей мечети с обширными ее аксессуарами, укажем только, интересную для нас, главную часть, которая представляет ряд одинаковых по размеру галлерей-нефов, разделенных колоннадами, принимающими на себя килевидные, сильно вспарушенные арки с выносными пятами, поддерживающими плоское на деревянных балках перекрытие. Низы выносных пят, для противодействия распору, соединены деревянными брусьями¹.

Близким памятником и по времени, и по типу будет мечеть Медины², реконструированная уже в 707 г. халифом Эль-Валидом; после землетрясения и пожара она была восстановлена в древнем плане Каит-Беем. Здесь также основная часть представляет залу с многочисленными нефами, разделенными рядами колонн, поддерживающими деревянное перекрытие из пальмовых стволов.

Самарра сохранила нам фрагменты двух мечетей: Большая мечеть Мутаваккили (846—52 г.г.)³ и мечеть Абу-Дилиф (659—861)⁴; эти памятники будут продолговато-прямоугольной формы, с внутренним двором, окруженным весьма глубокими портиками, представляющими тип открытых ипостильных зал с многочисленными галереями,

¹ План мечети Амру у О. Шуази. История Архитектуры. М. 1907. II. Стр. 104, № 1.—Springer. II. 1913. Стр. 79, р. 100.—E. Diez. Die Kunst der Islamischen Volker. Berlin. 1915. Стр. 9, р. 3 (реконструкция плана).—Lubke-Semrau. Die Kunst des Mittelalters. 1910. Стр. 80, р. 89.—Верман. Ib. Стр. 759.—Внутренний вид мечети—H. Saladin. L'architecture (Manuel d'art musulman. I. Paris 1907. Стр. 48, р. 21.—E. Faure (Histoire de l'art). L'art médiéval. Paris. 1921. Стр. 213.

Разрез Мечети—Шуази. Ib.. Стр. 105.

² План Мечети Медины у Saladin. Ib. 1907. Стр. 64, р. 30.

³ План Больш. Мечети—Diez. Ib. Стр. 40, р. 50.

⁴ План Мечети Абу-Дилиф—Ib. Стр. 40, р. 51.

Внутренний вид руин—Ib. Стр. 42, р. 53.

разделенными столбами, поддерживающими на килевидных арках плоское перекрытие.

Однотипной мечетью будет мечеть Ахмед-Ибн-Тулуна в Каире, построенная между 876—878 г.г.¹ Здесь также ипостильный зал, как в мечети Амру и Медины с плоским перекрытием, только перекрытие здесь, покоящееся на килевидных арках с выносными пятами, поддерживается колоннами, вплотную приставленными к весьма солидным продолговато-прямоугольным пилонам. Капители колонны по форме будут прототипны Булгарским, несмотря на отдаленность их во времени от последних. Эта мечеть с массивными галлереями нефов не тревожит глаз деревянными связями, которые здесь не нужны, т. к. пилоны с приставленными к ним колоннами достаточно солидны для того, чтобы противостоять распору.

От середины XIII века в Каире сохранилась до нас ипостильная мечеть в медресе Эл-Дахер-Бибар²; она построена по системе предыдущих, но более усложнена в плане тем, что в середине квадратное помещение, перекрытое куполом с 3-хнефной небольшой залой, разделяет два ипостильных зала с шестью нефами.

Чтобы закончить перечисление наиболее ярких памятников данной системы в юго-вост. углу Средиземноморья, упомянем еще мечеть Баркук в том же Каире (1383—1398 г.г.)³. Правда, между последней мечетью и перечисленными проходит огромный промежуток времени, но принцип ипостильной залы сохранился. Иная здесь система перекрытия, а с ней и большая точность в размерах. Здесь трехнефный зал с 2-мя рядами колонн по 6 шт. в ряд разделен на 21 равносторонний квадрат, из которых каж-

¹ План Мечети Тулуна—Saladin. Ib. Стр. 79, р. 44.—Diez. Ib. Стр. 40, р. 48.—Шуази. Ib. Стр. 104.—И. Орбели. „Мусульманское искусство“. Статья в Нов. Энци. Словаре Брокг. Ефр. Т. XXVII. Стр. 559.

Внешний вид—Saladin. Ib. Стр. 81, р. 46.

Внутренний вид—Saladin. Ib.. Стр. 82, р. 47.—Diez. Ib. Стр. 44, р. 55.—Орбели. Ib. Табл. VI.

Вид портика со двора—Diez. Ib. Стр. 43, р. 54.—Lubke—S. Ib. Стр. 85, р. 96.

Стена Михраба с показанием перекрытия—Saladin. Ib. Стр. 83, р. 48.

Разрез конструкций—Шуази. Ib. Стр. 105.

² План Медресе с мечетью—Saladin. Ib. Стр. 107, р. 70.

³ План—Saladin. Ib. Стр. 140, р. 91.—Diez. Ib. Стр. 153., р. 199

дый перекрыт небольшим куполом. Эта система ипостильной залы с купольным перекрытием приведет нас к одному из памятников Брусссы, о котором мы будем говорить ниже.

Ипостильная система имеет богатые памятники в Испании, Западной Африке, в Передней Азии (Сирии, Персии, Сельджукской и Османской Турции), и ряд памятников сохранился на территории С. С. С. Р.

Среди памятников Испании будет грандиозная Большая Мечеть Кордобы VIII века (785 г.), основанная при первом халифе Абд-ер-Рахман. В продолжении первых двух (слишком) столетий она расширялась с сохранением первоначального принципа ипостильной системы¹ и выросла до грандиозных размеров в 18 нефов, с целым лесом колонн, которые поддерживают перекрытие на двурусных подковообразных арках со слегка выносными пятнами; арки первого яруса опираются на капители колонн с низкими стволами. Пяты арок первого яруса зажимают между собой гранные столбики, на которые падают пяты арок второго яруса. Арки первого яруса сыграли здесь чрезвычайно живописно и эффектно роль тех несложных деревянных связей, которые мы знаем, хотя бы у мечети Амру. Каждый неф имел двускатную крышу.

Среди древних памятников Северо-Западной Африки для нас интересна Большая мечеть Кайруана, одна из древнейших здесь в ипостильном стиле, построенная ок. 837 г.² Внутренность мечети представляет обширную залу,

¹ Планы мечети Кордобы—Saladin. Ib. Стр. 201, р. 139.—Diez. Ib. Стр. 52, р. 67.—Lübke—S. Ib. Стр. 90, р. 103. Внутренний вид Мечети—Saladin. Ib. Стр. 202, р. 140.—Diez. Ib. Стр. 52, р. 66.—Springer. Ib. Стр. 88, р. 111.—E. Faugé. Ib. Стр. 218.—Lübke—S. Ib. Стр. 91, р. 104.

Разрез конструкции—Шуази. Ib. Стр. 107.

² План Б. Мечети Кайруана—Saladin. Ib. Стр. 187, р. 128.

Общий вид мечети—Saladin. Ib. Стр. 190, р. 130.

Главный ее двор—Ib. Стр. 191, р. 131.

Внутренний вид—главный неф—Saladin. Ib. Стр. 193 р. 133.

Вид надвор сверху с минарета с ясным показанием перекрытия.—Diez. Ib. Стр. 50, р. 62.

Вид главного портика—Saladin. Ib. Стр. 192, р. 132.

Михраб со стеной и перекрытием мечети—Ib. Стр. 195, р. 134.

Реставрация разреза конструкции—Ib. Стр. 187, р. 128.

расчлененную широким средним нефом на 2 части, имеющие по 8 галлерей, разделенных колоннами, поддерживающими подковообразные арки с выносными пятнами, на которых покоится плоское перекрытие. Выше капителей пяты арок связаны во все стороны деревянными брусьями.

Ипостильного типа, но с некоторыми оригинальными деталями, будет Большая Алжирская мечеть¹. Нефы здания разделяются рядами четырехгранных столбов по четыре в ряд, имеющие по сторонам квадратные пилястры, на которые падают пяты подковообразных со стрельчатой вершиной арок.

Как в указанных странах данная система принималась в продолжении целых веков, так и в западной области мы видим памятники этого же типа. В одном Тлеменсе (в округе Оранж) стоят две интересных мечети: одна середины XIII века (1240—82 г.г.)² со сводчатым перекрытием, покоящимся на подковообразных арках, падающих своими пятнами на продолговато-прямоугольные столбы. Другая мечеть в Тлеменсе-Мансура (1337—1344)³. Этот памятник интересен конструкциями его залы, в которых наблюдается полное единство с предыдущим памятником.

На Востоке среди памятников Персии чрезвычайно любопытное сооружение представляет огромная Мечеть Джума в Испагани, основанная около 786 г., построенная в основных своих частях в 1080 г. и законченная в деталях уже в XVI в.⁴ Это колоссальное сооружение почти все состоит из ипостильных зал, расположенных вокруг обширного квадратного двора, из которых каждое почти равняется нашему болгарскому Четыреугольнику. Здесь мы видим большое сближение последнего с конструкцией мечети Джума. Памятник этот особенно примечателен тем, что, несмотря на многочисленные и разнообразные поновления и расширения, сохранил в себе древнейшие принципы строительства в ипостильном типе.

¹ Внутренний вид Бол. Алжирск. мечети—Ib. Стр. 219, р. 156.

² План мечети в Тлеменсе XIII в.—Ib. Стр. 209, р. 147. Внутренний вид—Ib. Стр. 231, р. 167.

³ План мечети Мансура—Ib. Стр. 263, р. 198.

⁴ План мечети Джума в Испагани—Ib. Стр. 329, р. 354.—Diez. Ib. Стр. 108, р. 142.

Оставляя огромное количество памятников нужного нам характера в Персии, мы перейдем к обозрению памятников Турции и сначала Сельджукской, центром которой является Кония, давшая нам ряд интересных памятников означенного типа, а в изучении болгарских фрагментов в особенности. Они связывают нас своей системой и с древними памятниками, и с рядом современных им, и с позднейшими.

Мечеть Кай-Кобада I, созданная (1220-1 г.г.) в продолговато-прямоугольной системе, имела зал с колоннами, поддерживающими деревянное плоское перекрытие. В 1229 г. Сельджукия при султанах Кай-Кобаде I строит Караван-Серай Султан-Хан (между Конией и Ак-Сераем). При изучении болгарского памятника в особенности интересна северная часть Караван-Серая, служащая складочным помещением для товаров. В плане это продолговатый прямоугольник 35x45 мтр., заключенный солидными стенами с утолщенными северными квадратными углами (южные углы сливаются со стенами двора Караван-Серая). Боковые фасады его, западный и восточный, расчленены на 4 части тремя квадратными солидными пилястрами-контрфорсами, южный фасад — на 3 части двумя такими же пилястрами. Внутри здание разделено 4-мя колоннадами по 8 колонн в ряд на 5 нефов, притом средний неф широкий, а боковые постепенно суживающиеся к стенам. Интересно и то, что пилястры-контрфорсы на внешних фасадах не отвечают внутренним колоннадам здания.

К середине XIII в. относится мечеть Султана Алаеддина в Конии, построенная Магомедом Ибн-Холан из Дамаска². Для нас здесь весьма интересна юго-восточная зала, представляющая в плане неправильный параллелепипед, ипостильного типа, разделенного внутри на 7 нефов одинаковой ширины, колоннады которых поддерживают плоское деревянное перекрытие на килевидных

¹ План Султана-Хан—Saladin. Ib. Стр. 451, p. 332; Springer Ib. Стр. 83, p. 105.

² План мечети—Fr. Sarre, Denkmaler Persischer Baukunst. Berl. 1910 (Text.—band). Стр. 122, p. 166.—Diez. Ib. Стр. 113, p. 148. Внешний вид—Sarre. Ib. Стр. 123, p. 168.—Saladin. Ib. Стр. 448, p. 331 (тоже с С. и с окружающим ансамблем).—Diez. Ib. Стр. 114, p. 150.—Внутренний вид—Sarre. Ib. Стр. 122, p. 167.—Diez. Ib. Стр. 113, p. 149.

арках с выносными пятами, связанными деревянными брусьями. Тип памятника чрезвычайно архаичен.

Идя на запад в столицу османских турок, Бруссу, мы видим здесь также яркий пример ипостильного типа — мечеть Улу-Джами, которая была заложена во второй половине XIV в. при Мураде I (1359—1389) и окончена при Мураде II (1421—1451)¹. Внутри мечеть почти равно-стороннего квадрата, разделена 4-мя рядами монументальных столбов (по 3 в ряд) на 5 равных нефов, которые образовали 20 квадратов, перекрытых куполами. По пропорциям этот памятник близок к нашему Четыреугольнику. По углам главного фасада стоят два минарета.

Близки к сельджукским памятникам рассматриваемого типа будут и армянские. К XI—XII в.в. относится мечеть Мануче в Ани², которая внутри представляет прямоугольник, разделенный 2-мя рядами колонн и пилонов на 3 нефа; но здесь много и весьма чуждого, хотя бы в полуциркульных арках, приземистых толстых колоннах и т. п.

После краткого экскурса в обозрении памятников мусульманской архитектуры зального ипостильного типа, вспоминая наш Четыреугольник, мы чувствуем, какая существует близкая связь его с ипостильным типом и то, что его скромные руины входят в цепь своеобразных интересных памятников зодчества Средневекового Востока. Из всех же рассмотренных по плану ближе подходят к волжскому сооружению памятники Сельджукской Турции и в частности близким является, упомянутый выше, Караван-Серай Султан-Хан.

Но мы коснулись только основных частей в общих чертах архитектурной конструкции памятников (план, разрез, перекрытие, его устои и пр.).

Интересно рассмотреть в непосредственной связи с Четыреугольником существенные детали этих памятников: материал и технику; детали опор, поддерживающих перекрытие; фасады с типично-фланкирующими их минаретами и своеобразными порталами и, наконец, орнаменту.

¹ План Мечети Улу-Джами—Diez. Ib. Стр. 128, р. 169. Внутренний вид—H. Varth. Constantinople. Paris. 1906. Стр. 115.

² Вид руин мечети Мануче с восьмигранным минаретом при ст. Орбели. Ib. Табл. V. Руины колоннад.—Saladin. Ib. Стр. 443, р. 329.

Мы уже указывали, что материалом Четыреугольника служит местный „сюкеевский“, мелкозернистый, белый, подвергающийся прекрасной обработке, известняк. Из его блоков, хорошо отесанных и плотно пригнанных, выкладываются стены на хорошо промешанном растворе с толченым гипсом; промежутки между внутренними и внешними рядами кладки заполняются щебневой забутовкой, залитой тем же раствором. Из этого же известняка вырезаны монолиты гранных столбов-колонн, капители и базы и обрабатываются детали здания (косяки, наличники, карнизы, пороги и т. п.). До нас дошли фрагменты орнаментов из того же материала.

Материал и техника его обработки напоминают в особенности памятники Сельджукинской Турции.

В то время как в областях, близких к Поволжью, Персии, Средней Азии материалом является глина, из которой кирпич всюду, и в кладке, и в орнаментике, и которая определяет конструктивные основы, Сельджукия, богатая камнем, создает из него монументальные сооружения, достигая подчас крупного успеха в обработке его, а орнаментика в камне здесь иногда приходит к изумительной виртуозности. Об орнаментике мы несколько слов скажем ниже, а пока перейдем к деталям опор перекрытия и к самому перекрытию Четыреугольника.

Внутренние опоры последнего, как мы уже указывали, представляют 4 ряда восьми-гранных столбов-колонн, стоявшие по 5 штук в ряд с с. на ю., утвержденные на кубовидных базах, увенчанные капителями в виде усеченного конуса. Для архитектуры Булгар на Волге перекрыть квадрат в 28,80×32,80 мтр. является уже сложным делом, в особенности принимая во внимание назначение постройки и служебную его роль, в тех суровых климатических условиях, в каких находится Камско-Волжский район.

Здесь можно предположить два типа перекрытия: плоское, как мы это уже видели в древнейших памятниках, начиная с мечетей Амру, Ибн-Тулуна и мн. др., или же перекрытие системой куполов, хотя бы по типу мечети Улуджами в Бруссе (см. выше). О возможности первого типа говорить не приходится, так как этот способ наиболее простой. второй же для болгарской почвы на Волге, если бы и был, то оказался бы не единственный. Последнее

мы можем иллюстрировать здесь же такими памятниками, как Тюрбе—б. ц. св. Николая, и Тюрбе—б. Монастырский погреб и еще более многокупольная система Белой Палаты. Но у перечисленных болгарских памятников купольное перекрытие связано с тем, что купол здесь покоится на солидных пилообразных устоях, что мы чувствуем и в углах кубовидных тюрбе, и в Белой Палате. В Четыреугольнике же опорой купола должен быть низкий и тонкий монолит столба-колонны. Было бы весьма соблазнительно видеть здесь перекрытие рядом мелких куполов, но незначительная высота опорных столбов заставляет отказаться от этого сложного приема и считать более вероятным перекрытие первое—плоское, которое будет не менее эффективно, если мы предположим, что низкие опоры будут возвышены в знакомой уже нам системе, которую мы видим у перечисленных памятников Африки, Испании, Передней Азии и др. Мы разумеем здесь ипостильную систему с плоским перекрытием, поддерживаемым столбами-колонами при помощи килевидных арок с выносными пятами и, возможно, связанными деревянными брусьями. Стрельчатая арка здесь не новость: она была в Белой Палате¹, а выносные пяты сами собой напрашиваются, в виду указанных размеров коротких столбов-колонн. Эта система плоского перекрытия диктуется и тем, что квадраты, образованные колоннадами, продолговаты (с с. на ю.), и если бы было здесь купольное перекрытие, то купола приняли бы здесь эллипсоидную форму.

Какова была крыша у Четыреугольника, трудно сказать. По климатическим условиям—не плоская, а на то или иное количество скатов.

Касаюсь внутренних опор здания, не лишне заметить, что внешние опоры здания—весьма солидны: они заключаются не только в пиластровидных выступах на восточн., западн. и южн. фасадах, но и в пилообразных выступах северного фасада, обрамляющих вход, и в башне-

¹ С. И. Порфирьев. „Белая Палата в Болгарах по рисункам альбома Чернецовых.“ „Изв. Об-ва Арх., Ист. и Этногр. при Казанск. Ун-те.“ Т. XXIX. В. 1—3. Стр. 84—91, р. № 2, к 86 стр.—Акварельный рисунок Государственного Историч. Музея в Москве неизвестного автора XIX в. (20—30 г.г., по стилю рисунка), № 166, с подписью „Общий взгляд на развалины Болгар“.

образных сооружений по углам, конструктивно-связанных со зданием. Любопытно здесь заметить и то, что ряду внутренних колоннад не отвечают пилястровидные контрфорсы на вост. и зап. фасадах. Аналогию сему мы уже отметили в сельджукском памятнике Султан-Хан (см. в.). Эта архитектурная деталь в Четыреугольнике еще более говорит за то, что перекрытие было плоское, а арки колоннад шли рядами с с. на ю.

Необходимо остановиться на деталях столбов-колонн Четыреугольника.

Восьмигранные столбы в мусульманском зодчестве мы знаем, начиная с б. мечети (а по другим синагоги), ныне церковь S. Maria la Blanca (Санта-Мария ля-Бланка), — памятника ипостильного типа XII века¹ и прослеживая до константинопольского портика павильона Чинили-Киоск XV в.² и позднейших: мечети Сиди абде р-Рахман³ и дворца Ахмеда в Константине (Алжир)⁴. Ближе же всего к нашему Четыреугольнику будут те же детали в медресе—мечети Ески-Крыма (Старый Крым) времени золотоордынского хана Узбека—памятнике начала XIV в. На последнем сооружении мы остановимся подробнее ниже, так как, по-нашему, он имеет огромное значение в деле понимания деталей болгарского Четыреугольника.

Базы и капители нашего Четыреугольника тоже обычного средневекового упрощенного типа, но с хорошей древней традицией. В общей своей массе они одной формы, и у баз, и у капителей—конически срезаны углы; у баз—в верхней половине, у капителей—в нижней. Капители усложнены листовным орнаментом под „коринфский“ стиль—типа данной эпохи. Характер этих капителей чувствуется еще в мечети Ибн Тулуна. Интересна и маленькая обще-средневековая подробность: низ гранного столба-колонны над срезанным углом базы обработан небольшим, выступающим в пределах одной грани, треугольником, на подобие романских угловых листочков (т. наз. „грифы“).

¹ Внутренний вид—Saladin. Ib. Стр. 285, p. 222.—Верман. Ib. Стр. 774.—Sattar Kheri M. A. Islamische Architektur. Berl.

² Столбы-колонны портика—Sattar Kheri, ib.

³ Saladin. Ib. Стр. 283, p. 219.

⁴ „ Ib. Стр. 284, p. 220.

Фасады Четыреугольника, как мы уже много раз говорили, забраны по сторонам массивными многогранными башнеобразными сооружениями, известными у казанских археологов под именем „контрфорсов“. Что это не специальные контрфорсы, а „типичные сооружения“, „фланкирующие“, как мы уже сказали, фасады этого типа зданий—минареты, мы установим рядом многочисленных образцов. На этих сооружениях не лишне остановиться и потому, что детали их невольно нам раз'ясняют некоторые неясности, конкретно выступающие у Четыреугольника, и дадут возможность реставрировать угловые сооружения нашего памятника. Почему, например, северная пара их меньшего масштаба, чем южная пара? Какова возможная высота их? и т. д.

Рассмотрим эти сооружения у аналогичных памятников данной конструкции.

Древнейшие мечети Мекки¹ и Медины², представляющие в огромном масштабе колоссальные продолговато-прямоугольные сооружения, с обширными дворами, имеют на своих углах башнеобразные минареты. Возможно, что эти минареты в верхних частях не очень древние, но ряд мечетей, хронологически близких им, уж имеет их. Правда, далеко не всегда бывают все четыре минарета. Некоторые мечети, медресе и др. здания имеют минареты только на углах главного фасада³, но нередко они ставятся на углах и по диагонали сооружения^{*}.

Рассматривая минареты в их огромном количестве, мы видим чрезвычайное разнообразие их форм от простых до удивительно вычурных. Особенно велико разнообразие сиро-египетских минаретов. Некоторые из них по своим формам восходят к древнейшим формам переднеазиатских башен и башнеобразных сооружений (например зиккураты) Месопотамии. Сюда нужно отнести Минарет-Самарры¹, около упомянутой выше Большой Мечети

¹ Вид Мекки по Ohnsony. Tableau général de l'Empire Ottoman. Paris. 1790. Diez. Ib. Стр. 6.

² Вид Медины по Ohnsony. Ib. Diez. Ib. Стр. 7, p. 2. Saladin. Ib. Стр. 64, p. 3).

Преимущественно персидские.

¹ Сирийские.

³ Diez. Ib. 49, p. 52.—Орбели. Ib. Табл. V.

Мутаваккили в Самарре, представляющий вид круглой конусовидной башни, вокруг которой спирально вьется вверх внешняя лестница. Однотипным будет Минарет мечети ибн-Тулуна в Каире¹, который имеет вид высокой четырехгранной с круглым верхом башни, вокруг которой, как и в Самарре, идет внешняя лестница сначала квадратной спиралью вокруг квадратного основания, а потом круглой—вокруг цилиндрической сердцевины.

Существует ряд минаретов четырехгранных², восьмигранных³ и многогранных башнеобразного типа. Из башнеобразных тяжелых форм вырабатываются легкие, богато орнаментированные сооружения. В основе всегда создается солидный фундамент и цоколь четырехгранника, а на нем меньший четырехгранник и ствол многогранник, заканчивающийся гранной или круглой башенкой. Этажи подчеркиваются гранными или круглыми балкончиками—шурфэна, так называемых, сталактитовых кронштейнах. Верх покрывается или простой конической крышей, или круглым, или ребристым дынеобразным возвышенным куполом⁴.

¹ Diez. Ib. Стр. 43, р. 54. Стр. 45, р. 57; Saladin. Ib. Стр. 81, р. 46. Шуази. Ib. Стр. 110.

² Напр.: северный и южный минареты мечети Хаким в Каире—Diez. Ib. Стр. 59, р. 75 и р. 76.

Два минарета „фаянсовый“ и „Иисуса“ у Больш. мечети Дамаска—Diez. Ib. Стр. 72 и 73, р.р. 37 и 38;

Минарет мечети Захари в Алеппо—Saladin. Ib. Стр. 105, р. 68.

³ Минарет Кайт-Бей при Больш. мечети в Дамаске—Diez. Ib. Стр. 74, р. 39.

⁴ Минареты: мечети Эль-Азхар в Каире—Saladin. Ib. Стр. 86, р. 51.—Ель-Акмар. Ib. Стр. 95, р. 59; у тюрбе султана Калауна в Каире (1234—1238). Ib. Стр. 112, р. 74; медресе Магомет—Нассер в Каире (1299—1303). Ib. Стр. 113, р. 75; мечети султана Бибар в Каире (1303)—Ib. Стр. 114, р. 76 и Стр. 120, р. 77 (деталь ребристого купола); мечети султана Хасана в Каире. Ib. Стр. 133, р. 86 (2 минарета на квадратных основаниях имеют высокие многогранники (24-е грани), законченные круглыми на сталактитовых кронштейнах балкончиками, над которыми кубовидные 4-х-гранники с усеченными наклонно вверх углами и над ним 3 пропорционально-уменьшающиеся восьмигранника, увенчанные луковидными куполами); погребальной мечети Султана Баркук в Каире (1398—1405). Ib. Стр. 141, р. 92; мечети Султана Эл-Муад в Каире (141—23). Ib. Стр. 144, р. 94; мечети Кайт-Бей в Каире (XV^{1/2} в.). Ib. Стр. 146, р. 95.—Diez. Ib. Стр. 154, р. 201. Springer. Ib. Стр. 80, р. 102; мечети Каирбек в Каире—Saladin. Ib. Стр. 165, р. 113; мечети Бордеини в Каире. Ib. Стр. 167, р. 115.

Минареты западного Средиземноморья строились по преимуществу четырехгранной башнеобразной формы. Плоские поля четырехгранника или богато орнаментированы замысловатыми арабесками в рельефе и узорной облицовке, или, расчлененные на этажи, имеют ряды ажурных отверстий. Форма их обычно весьма близка христианским кампанеллам того же времени Италии и Испании¹. Не редки здесь и 8-ми гранные² формы, но уже поздние.

Персия, а за ней и области близкие ей по культурным связям, особенно Туркестан, создают у себя свои формы минаретов. конструируются они из того материала, который здесь преобладает в зодчестве,—это обожженный кирпич, который формируется в любом виде. Здесь совершенно отсутствует 4-х-гранная форма минарета; редко видим многогранную³ и преимущественно почти всюду цилиндрическую с легким утончением кверху; верх минарета часто кончается круглым рельефным венчиком-карнизом на сталактитовых кронштейнах; иногда над этим карнизом возвышается небольшая легкая башенка⁴.

¹ Минареты: 2 у Больш. Мечети Джами Дзитуна в Тунисе. *Ib.* Стр. 199, р. 137 и Стр. 200, р. 138 (первый 4-хгранный в основной части с 4-хгранной башенкой, перекрытой 4-хгранн. коническ. крышей; второй тот же в основе с 8-мигранн. башенкой и 8-мигранн. перекрытием); мечети Калаа-Бени-Хаммад в Константине (Алжир). *Ib.* Стр. 217, р. 154; Минарет Кутуба в Марракеше (1069—1184). *Ib.* Стр. 224, р. 161; в Орানে—*Ib.* Стр. 228, р. 164, и Сиди-Бу-Медин в Тлеменсе (1339).—*Ib.* Стр. 262, р. 197; мечети Мансура ок. Тлеменсе (1299—1302)—*Ib.* Стр. 264, 265 и 266, р.р. 190, 200 и 201; в Тлеменсе же мечети Сиди-Лассен-бен-Миклуф (1453)—*Ib.* Стр. 268, р. 203, там же у мечети Сиди-ел-Калуи (1363). *Ib.* Стр. 269, р. 204.

² Минареты: мечети Сиди-бен-Арус в Тунисе (XVII в.)—*Ib.* Стр. 289, р. 226.

³ 2 минарета в Ани (ныне Турецк. Армения),—И. Орбели. *Ib.* Табл. V (при мечети Мануче—8-мигранный и башнеобразный). При мечети Султан Ала-еддин в Конии—*Sarre. Ib.* Стр. 123, р. 163; при мечети Индже—Минарелли в Конии—*Ib.* Стр. 134, р. 189.—Diez. *Ib.* Стр. 123, р. 163,—(на кубическом основании 4-хгранник и на нем—2 восьмигранника с ребристо-округлыми гранями) разрез и план у *Sarre. Ib.* Стр. 136, р. 193. Близок сюда Минарет мечети Сахиб-Ата в Конии *Sarre. Ib.* атлас табл. (Здесь борьба гранной системы с круглой—на высоком 4-хграннике, цилиндр, окруженный ребристой оболочкой, низ которой в плане округлый, а верх—гранный). То же см. Diez. *Ib.* Стр. 122, р. 161. Тот же характер в 2-х минаретах мечети у Медрессе Гюек.—*Saladin. Ib.* Стр. 457, р. 336; Diez. *Ib.* Стр. 122, р. 162.

⁴ Мечети и медресе Испагани, Тавриза, Бостама, Дамгана и др. в Персии; Самарканда, Бухары и др. в Туркестане.

Туркестан сохранил до нашего времени круглые минареты, отдельно стоящие. К таковым нужно отнести минарет XI—XII в. в Узгене¹, Мешеди-и Мисриан XII—XIII², Куня-Ургенче (Хорезм)³ и др. Среди туркестанских минаретов глубокий интерес привлекает Джаркурганский минарет (в 35 верст. от Термеза), представляющий 8-мигранный высокий цоколь, на котором воодружен пучкового типа монументальный ствол⁴.

В Туркестане уцелели 8-мигранные пирамидальные минареты из того же материала, лучшим образцом которых будут минареты внутри медресе Биби-ханым при тюрбе Биби-ханым (конец XIV в.).

И в Персии, и в близких ей странах мы видим расположение минаретов или по сторонам портала главного фасада⁵, или по углам основного фасада⁶, или, как мы уже указали выше, симметрично по 4-м углам мечети или медресе⁸. Первая и вторая система обычны в Персии, третья является излюбленной в Туркестане.

¹ Проф. Б. Денике. Искусство Средней Азии. М. 1927 г. Табл. 3.

² *Ib.* Табл. 8.

³ Обследован нами осенью 1928 г.

⁴ Культура востока II. М. 1928 г. Сборник Музея Вост. Культур. Статья Б. Н. Засыпкина. Стр. 36—39, р. 20 и 21. Тот же памятник издан Б. Н. Засыпкиным в статье „Архитектурные памятники Средней Азии“. Вопросы реставрации. II Сборник. Табл. к 275 стр. и отдельно.

⁵ Sarre. *Ib.* Стр. 151, р. 210. (план медресе Биби-ханым) и р. 211 (вид фасада с 8-мигранными минаретами тюрбе-Биби-ханым во дворе Медресе). Денике. Искусство Ср. Аз. Табл. 12.

⁶ Мечеть Джума в Испагани—Saladin. *Ib.* Стр. 328, р. 253—Diez. *Ib.* Стр. 108, р. 143; Медресе Шах-султан Хусейн в Испагани Diez. *Ib.* Стр. 106, р. 140.

Портал Мавзолея Мумине Хатун в Нахичевани—Sarre. *Ib.* Стр. 14, р. 9.

Портал Мечети Джафар-заде в Мешхеде—Diez. *Ib.* Стр. 110, р. 145.

Надгробная мечеть Фатимы в Куме—Sarre. *Ib.* Стр. 71, р. 90. Большая Мечеть в Испагани—Sarre *Ib.* Стр. 79 и 81, р. р. Стр. 98 и 101.

Медресе—мечеть Биби-Ханым в Самарканде—Sarre. *Ib.* Стр. 151, р. 210 (план см. фас. главного входа).

⁷ Синяя мечеть в Тавризе—*Ib.* Стр. 29, р. 26 (реконструкция). Мечети Бухары—*Ib.* Стр. 147, р. 203 (фасад).

⁸ Двор с мавзолеем Гур-Эмира в Самарканде—Sarre. *Ib.* Стр. 249, р. 207; план Медресе-Биби-Ханым в Самарканде—*Ib.* Стр. 151, р. 210 (план); Diez. *Ib.* Стр. 100, р. 128 (общий вид руин); Springer. *Ib.* II.

Встречаются минареты и при памятниках центрально-купольного типа, например: круглые минареты при грандиозном мавзолее Хода-Бенде-Хана в Султании¹, при величественном Мавзолее Гур-Эмира в Самарканде² и др. Вероятно, были минареты и у мавзолея султана Санджара в Мерве³.

Особняком стоят весьма стройные мелкомногогранные минареты Османской Турции, находящиеся преимущественно в зап. половине Мал. Азии, на Балканах (вплоть до Герцоговины) и у нас в Крыму. Яркие примеры в Бруссе, Константинополе¹, Адрианополе, Бахчисарае, Евпатории и др. В XVI в. этот тип появляется в Каире в, так наз., „Албастровой“ мечети Магомета-Али¹. Многогранники обычно на тонком и высоком четырехграннике, у которого сильно и низко скошены углы граней

Нужно заметить, что любовь к расстановке минаретов симметрично по углам мечетей или дворов при них в особенности замечается в Константинополе и Адрианополе, начиная с минаретов, пристроенных к величайшему византийскому памятнику Айя—Софии.

Для полноты экскурса о минаретах не лишне отметить своеобразие их в Индии. Будучи по преимуществу цилиндрическо-конической формы, они иногда принимают вид

Стр. 83, р. 105 (вид фасада мечети). Медресе Улуг-Бек в Самарканде—*Sarre. Ib.* Стр. 153, р. 213 (план); *Diez. Ib.* Стр. 101, р. 131 (общий вид).

Медресе Шир-Дор в Самарканде—*Sarre. Ib.* Стр. 154, р. 216 (фасад); *Diez. Ib.* Стр. 102, р. 133 (тоже); *Saladin. Ib.* Стр. 263, р. 278 (тоже); *Diez. Ib.*, Стр. 102, р. 134 (план).

Медресе Тия-Кари в Самарканде—*Diez. Ib.* Стр. 104, р. 136 (главн. фасад).

¹ План и разрез Мавзолея—*Saladin. Ib.* Стр. 344, р. 266.—*Sarre. Ib.* Стр. 18, р. 19.—*Diez. Ib.* Стр. 85, р. 113.—*Верман. Ib. I.* Стр. 780 (разрез).

Внешний вид Мавзолея—*Saladin. Ib.* Стр. 346, р. 267.—*Sarre. Ib.*, Атлас. Табл. Архитектурная проекция с обмерами Мавзолея—*Diez. Ib.* Стр. 86, р. 114.

² План Мавзолея Гур-Эмир—*Sarre. Ib.* Стр. 149, р. 207 и 208.—*Saladin. Ib.*, Стр. 360, р. 275.—*Diez. Ib.* Стр. 90, р. 117, и в прекрасной публикации бывшей И. Археологической Коммиссии в серии „Мечети Самарканда“. В. I „Гур-Эмир“ (здесь помещены все тонкости и возможные детали этого удивительного памятника).

³ *Diez. Ib.* Стр. 82, р. 109.

¹ *Diez. Ib.* Стр. 139, р. 186—4.—*Верман. Ib. I.* Стр. 764.

грандиозных пучковых, почти конических столбов, поставленных один на другой и на местах соединения перевязанных балкончиками на сталактитовых кронштейнах.¹

Зодчество Средневекового Востока в минаретах проявило особую силу оригинального творчества и удивительный порыв вверх.

После краткого обозрения типов минарета, этого своеобразного, разнообразного по форме и чрезвычайно живописного сооружения Востока, мы перейдем к нашему Четыреугольнику и думаем, что едва ли угловые его башнеобразные сооружения назовем только „контрфорсами“. Едва ли можно сомневаться в том, что они представляют минареты, расставленные по четырем углам, как ярко указывают нам памятники, хотя бы, Туркестана. Гранная форма их, как у тюрбэ Биби-ханым, может подниматься до той высоты, до какой сможет довести ее техническая возможность и художественное чутье. На пути достижения предела высоты возможно и изменение сохранившейся до нас гранной формы. Поднявшись до верхнего горизонта стен, минареты, ограниченные здесь круглыми или гранными балкончиками на кроштейнах, могут нести на нижнем своем основании и мелко-гранную, и круглую, и ребристую и др. форму верхней его части минарета. Но нам нет необходимости слишком фантазировать при реставрации их, так как пример минаретов тюрбэ Биби-ханым в Самарканде нам говорит о том, что все сохранившиеся грани могут дойти в своем виде и до вершины минарета. Пирамидально-коническая форма в обмерах сохранившихся фрагментов говорит о том, что линии, идущие к вершине конуса, как показывает цифра $\text{tg} = \frac{125}{100}$, слишком быстро должны достигнуть вершины;

таким образом последнее заставляет думать, что высокими минареты Четыреугольника едва ли могли быть. И это не должно смущать нас, потому что, как видим по многочисленным аналогичным памятникам, линия наклона будет при подеме давать ряд постепенных изломов и отклонений, что не даст возможности утонить минареты и поможет довести их до необходимой высоты.

¹ Минарет Куттуб-еддин в старом Дели—Diez. Ib. Стр. 158, р. 206.—Верман. Ib. I. Стр. 791. Минареты Больш. Пятничной Мечети в Дели—Diez. Ib. Стр. 165, р. 222.

Против нашего утверждения, что угловые башнеобразные сооружения рассматриваемого Четыреугольника есть ничто иное, как минареты, могут быть выдвинуты (что и вводило многих исследователей болгарских минаретов в заблуждение), следующие возражения что они: во-первых, связанные конструктивно со стенами здания, с внутренней стороны последнего на $\frac{1}{4}$ являются полыми, так как здание вклинивается в них своими прямыми углами (или, говоря иначе, эти сооружения только, будто бы, охватывают углы квадрата здания), и, таким образом, устойчивость минарета от этого уже может пострадать; во-вторых, у данных сооружений ни внутри здания, ни снаружи нет никаких признаков и намеков на лестницы, по которым возможно было бы подниматься, хотя бы на один минарет.

Против первого предположения можно сказать: во-первых, то, что основания минаретов в своих основных частях настолько солидны, что бояться за них не приходилось; во-вторых, центр тяжести минаретов не совпадает с теми выемками, которые образовали углы здания; в третьих, конструктивно-связанные с ними, солидные стены здания сами могли сослужить службу контрфорсов для минаретов взамен недостающих частей многогранных минаретов, и в четвертых, можно предположить, что вверху углов здания могли быть выведены подсобные опоры, в виде, хотя бы, треугольных парусов, что мы видим в целом ряде памятников на болгарской территории при возведении основания купола.

Второе предположение легко отводится рядом аналогичных памятников и прежде всего Самаркандских, а именно: доступ вовнутрь минаретов, хотя бы, медресе Улуг-бека, Шир-Дор и др., которые мы лично обследовали, идет со второго этажа, или точнее с крыши примыкающих частей здания. Низ минаретов обычно имеет сплошной массив кладки, который представляет своего рода загруженное основание, дающее возможность крепко держать полые верхние части минаретов, как бы они не были высоки. Благодаря только такой загруженности основания, еще уцелела часть минаретов Самаркандских мечетей, несмотря на чрезвычайно частые разрушительные подземные толчки и колебания почвы.

Установив на основании аналогичных памятников, что башнеобразные сооружения Четыреугольника есть мина-

реты, мы перейдем к рассмотрению других фрагментов лицевого фасада здания.

Обширный дверной прорез в северной стене, в сравнении с таковыми в восточной и западной, прежде всего своими размерами заставляет думать о том, что здесь был главный вход лицевого фасада. Нижеследующие детали подтверждают это.

Главный северный вход при 2,20 мтр. ширины обрамлен извне с боков двумя выступами, весьма солидными в фундаменте (2 мтр. длины и $1\frac{1}{2}$ мтр. толщины).

Как мы уже заметили выше при описании архитектурных фрагментов, на северном фасаде между входом и северными минаретами уцелели остатки пилонообразных выступов. Возможно, что выступы, обрамляющие вход,—остатки небольшого внутреннего портала. Внутренним его называем потому, что к основному portalу, широко и грандиозно обхватывающему вход в здание, относим те отстатки пилонообразных сооружений, которые выступают между входом и минаретами; их размер (длина—5,10 мтр., толщина—6,10 мтр.), солидная и симметричная постановка при комбинации с угловыми минаретами, после рассмотрения многочисленных фасадов аналогичных зданий Средневекового Востока, фланкируемых на фасаде минаретами, вызывают к реставрации на наших фрагментах формы тех килевидноарочных порталов, которые так неотъемлемо и грандиозно возвышаются на фасадах многочисленных медресе, мечетей, мавзолеев, дворцов, караван-сераев, базаров и др памятников, прежде всего, в Персии, а затем и в культурно-близких ей странах, среди которых не последним был и Волжско-Камский край.

Фасады многочисленных памятников самой Персии в особенности близки фасаду нашего памятника и еще показательнее будет сопоставление его с древнейшими памятниками Туркестана.

Итак, фрагменты пилонообразных выступов есть части массивных пилонов монументального портала, увенчанного, обхватывающей весь центр фасада, огромной вспарушенной килевидной аркой; внутри его широкий двухпролетный вход, обрамленный малым порталом, возможно, с плоским покрытием, подчеркнутым солидным рельефным карнизом.

Вместе с многогранными минаретами и порталом с килевидной аркой, фасад является типичным для данной архитектуры.

Любопытна здесь и небольшая подробность: мы уже указывали на то, что северная пара минаретов в диаметре меньше южной, и эта деталь не единственная для данного зодчества. То же самое мы наблюдаем в памятниках Самарканда у мавзолея Гур-Эмира¹, в медресе Улуг-Бека², Шир-Дор и др.

Чем объяснить эту любопытную подробность?

Нам думается, что только чисто эстетическим подходом строителя ко всему ансамблю фасада и здания: желанием придать всем частям здания необходимую соразмерность в пропорциях и в весе. Здесь чувствуется, что зодчий Четыреугольника был мастером определенной школы, со сложившимися художественными принципами и техническими традициями. На главном фасаде минареты были построены так, что они своим видом не давили другие его части и в частности монументальный портал; от большей же их стройности последний еще больше казался массивным. На противоположном же южном фасаде здания стена, расчлененная двумя пилястрами-контрфорсами между минаретами, не боялась массивности последних а, наоборот, выигрывала.

До нашего времени сохранились незначительные, но чрезвычайно любопытные фрагменты архитектурной орнаментики Четыреугольника; этих фрагментов у нас мало, но они все-таки обязывают нас остановиться на рассмотрении их.

В нашем распоряжении существуют, как мы уже указывали, зарисовки, которые, к досаде, являются реконструкцией без указания на масштаб, технику и материал. Это рисунки В. И. Корсунцева, о которых мы уже говорили. Но и то, что уцелело, весьма полезно рассмотреть в связи с аналогичными в других местах. Мы уже говорили об орнаментальной стороне колонны Четыреугольника. Рассмотрим остальные.

В „Казанском Музейном Вестнике“, № 5—6, (Каз. 1920 г. зафиксировано 3 рисунка: на 44 стр.— „Детали главного пор-

¹ Sarre. ib. Стр. 149, р. 207 (план).

² Sarre. ib. Стр. 163, р. 213 (план).

тала' Четыреугольника (рис. 11), на 66 стр.— „Деталь Четыреугольника“ (рис. 12) и, на 80 стр. „То же“ (рис. 13). Есть еще один фрагмент на 69 стр.— „Орнаментальный мотив,“ одноствильный с предыдущим, но кажется другого материала.

Первые 3 фрагмента имеют материалом камень—местный мелкозернистый известняк; четвертый, вероятно, представляет стукový рельеф. Не останавливаясь на деталях каждого орнамента, что нас может увлечь к излишним подробностям, мы считаем нужным сказать, что характер мотивов и стиль деталей орнаментики чисто мусульманский; эти мотивы встречаем, как обще-характерные, и в архитектуре, и в живописи (монументальной и миниатюре—рукописи), и в резьбе (по камню, металлу, кости, дереву и т. д.), и в своеобразной штучной мозаичной выкладке из простых и поливных кирпичиков. Одним словом сюжет орнамента, независимый от материала, будет различен в стиле и технике обработки. Но наши фрагменты по материалу и по технике обработки, и даже по деталям мотивов заставляют нас сопоставить с весьма близкой резьбой по камню на сельджукских памятниках: напр., Султан-Хан (1229—1278)¹, который мы уже достаточно сильно сблизили с нашим Четыреугольником, Медресе Сиркели в Конии (1242 г.)², Мечеть Айя-София в Кони (XII в.)³, Медресе Хатуние в Карамане (XIII—XIV)⁴.

Оглядываясь на все сказанное о Четыреугольнике, мы видим, насколько этот памятник интересен, как часть огромного культурного звена в цепи одного из богатейших направлений искусства Средневекового Востока.

Итак Четыреугольник в свое время был и богато орнаментирован.

Построенный из белого с блестками сюкеевского известняка на возвышенной плоскости, он эффектно доминировал над окружающими постройками. С его портала открывался чудесный вид на побережье Волги, а с его минаретов десятки верст развевались во все стороны необъятной

¹ Орнаментика Султан-Хан—S arge. Ib. Стр. 125, p. 172; Стр. 125, p. 173; Стр. 126, p. 175 (ворота во двор) Saladin. Ib. Стр. 452, p. 333, и 453, p. 334 (внешние ворота и ниша портала).

² Портал—S arge. Ib. Стр. 129. Стр. 181. Saladin. Ib. Стр. 461, p. 339; Diez. Ib. Стр. 122, p. 160.

³ Фасад—S arge. Ib. Стр. 137, p. 194.

⁴ Портал—S arge. Ib. Стр. 138, p. 195, внутри—ib. Стр. 138, p. 196.

равнины. Своим видом он привлекал к себе, восхищенные взоры чужеземцев, плывущих на судах по Волге. Памятник этот был ничто иное, как соборная мечеть, или, во всяком случае, одна из лучших мечетей, на что указывает и ее прекрасное местоположение. Не найден здесь михраб, но ведь и та стена, которая должна была его иметь, сохранилась очень плохо. Что это памятник религиозного характера, за это говорит и традиция современных паломников—мусульман, которые творят свою молитву внутри его руин, обращаясь лицом к югу. Делают же это по твердой уверенности, что сооружение это было создано для молитвы.

Теперь встает пред нами вопрос о том, когда был создан Четыреугольник.

Точно установить время его построения трудно, так как у нас нет об этом памятнике никаких письменных свидетельств. Придется допросить о времени построения его фрагменты и, может быть, другие детали, связанные с ним.

В нашем распоряжении, благодаря раскопкам „Каз. Об-ва Арх., Ист. и Этн“. 1915 г., есть весьма ценный документ: монета „багдадского халифа Аннасири-дини-ляха (1178—1225), найденная (по словам В. Ф. Смолина) под полом Четыреугольника при раскопках в 1915 г., в траншее XXXI, „на глубине более аршина“¹ („вместе с погребением“) и дающая „некоторый аргумент в серии других аргументов в пользу отнесения постройки „Четырехугольника“ к монгольскому периоду, т. е. ко времени после 1236 г.“². В. Ф. Смолин стремится путем „других аргументов“³ уточнить „время построения Четырехугольника... приблизительно началом XIV в.“⁴.

Сопоставляя с Четыреугольником аналогичные памятники, мы выше указали, что с одной стороны близкими ему будут памятники сельджукской Конии и в особенности Султан-Хан; с другой стороны стоят памятники Самарканда с близкими аналогиями в деталях к нашему памятнику у медресе

¹ „Изв. Общ., Арх., Ист. и Этногр. при Каз. Унив.“ Т. XXIX В. 5—6. Стр. 367.

² Ib. Т. XXX. В. I. Стр. 70.

³ Они указаны выше.

⁴ Ib. Том XXIX. В. 5—6. Стр. 374.

Биби-ханым 1399 г.. К Биби-ханым нам отодвигаться слишком далеко и интересным для нас является его внутренний фасад с грандиозной килевидной аркой, обрамленный с боков 2-мя монументальными гранными минаретами, как параллель к фасаду нашего Четыреугольника. Гораздо ближе будут памятники Сельджукии. Интересно бы установить на основании древних, литературных памятников, если таковые до нас сохранились, связи Волжско-Камского края с Сельджукией, культурно-обхватывающей обширный Север Передней Азии (М. Азия, Ср. Аз. и др.). Для областей Юга Восточной Европы и в особенности Крыма они есть и рельефно отражаются в памятниках материальной культуры (памятники Эски-Крыма) и прежде всего в упомянутой выше Солхатской мечети времен хана Узбека¹.

Последний памятник представляет исключительный интерес в связи с нашим Четыреугольником. Нами он был детально обследован летом 1925—26 г.г., и на нем остановимся подробнее. Интерес к Солхатскому памятнику должен быть и потому, что он построен почти в то же время (начало XIV в.—1314 г.), когда и болгарский.

Солхатская мечеть претерпела большие перестройки. В настоящее время она представляет почти равносторонний квадрат с михрабом, ориентированным на юг, с порталом на сев. Средина мечети разделена на 3 равных нефа 8-мигранными колоннами (по 3 в ряд) на базах, увенчанных кубовидными капителями. На колонны падают пяты стрельчатых арок, слегка возвышенные. На арках выведена невысокая стена, поддерживающая приподнятое плоское деревянное покрытие. У стен (южной и северной) арки опираются на кронштейны, выступающие из кладки стен в виде низких рельефных обрезков карниза.² (См. Табл. 6-ю).

Памятник Солхата сильно реставрирован, но в основе он соблюдает древние формы, близкие болгарскому. Связывая весь комплекс солхатского сооружения с памятниками

¹ О Солхатской мечети подробнее мы говорим в своей статье „Художественные памятники Солхата“. Журн. „Крым“. № 1 (3). М. 1927 г. Здесь приложен план и др. детали памятника. К изучению памятников Солхата в том же журн., № 2, 1926 г., наша стат.— „Сельджукизм в древнем татарском искусстве“; в ж. „Новый Восток“ № 13—14, 1926 г., статья И. Н. Бороздина—„Солхат“ и в № 16—17, 1927 г., его же—„Новые данные по Золотоордынской культуре в Крыму“ и др.

² В. Смирнов. „Крымское ханство“...

Сельджукии, мы должны констатировать, что он не менее письменного памятника говорит о том, что у Крыма с Малой Азией была крупная культурная связь; через Крым и др. культурные пути сельджукское искусство оказывало влияние и на искусство в пределах Волжской Булгарии.

Связь с малоазийскими памятниками мы видим и на других памятниках Булгарского городища.

Итак, эпоха конца XIII в., а скорее начала XIV в. будет близкой для построения Четыреугольника.

В заключение о Четыреугольнике интересно добавить то, что схема четырехугольного в плане здания с угловыми башнеобразными сооружениями сохраняется на Востоке очень долго и даже в начале XIX века мы видим аналогичную конструкцию в огромном масштабе в Караван-Сераяе Пассенган¹, а угловые башнеобразные восьмигранные сооружения видим в памятниках XVII в. Бишапур² и в XIX в. у мавзолея в Коканде³.

4. Большой минарет.

При описании Четыреугольника его обследователи постоянно связывают с его конструкцией, так называемый, „Большой столп или Большой минарет“. Памятник этот до нас не сохранился; обрушился он еще в 1841 году, а материал его был быстро расхищен на постройку местными жителями; но сказать о нем то, что сохранилось в описаниях очевидцев XVIII и XIX в., необходимо, тем более, что он позднейшими исследователями Булгарского городища слишком тесно связывается с Четыреугольником, а это совершенно изменяет и фасад его, и почти не соответствует ни одному плану аналогичных сооружений.

Еще дьяк Андрей Михайлов в 1712 году пишет в своей „Выписи....“ о Большом Минарете: „Да восточный столп, котораго еще и ныне в вышину одиннадцать сажен, а по сказке Татарскаго ахуна Кадыр-Мамета, что де между тех (т. е. в числе тех четырех? *Вопрос К. И. Невоструева*) палат была мусульманской веры большая мизгить (т. е. мечеть)“⁴

¹ Saladin. Ib. Стр. 412, р. 311.

² Diez. Ib. Стр. 162, р. 216 и 217 (план и разрез).

³ П. Денике. „Искусство Средней Азии“. М. 1927 г. Табл. 18.

⁴ По К. И. Невоструеву. „О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанск. царств“. Тр. I Арх. С'езда. Т. II. Стр. 529, § 5.

Паллас, описывая памятники „внутри.... подворья Успенским называемого“, говорит, что среди „остатков“ древности: „Знатнейшая из оных башня или мизгирь сделана из отесанных камней несколько выше 12 сажен по такому образцу и пропорции, как она представлена на шестой таблице под буквою А, и ныне еще цела стоит. На оную взходят по круглой лестнице о 72 ступенях, из коих каждая в Парижский фут вышиною. Сию лестницу совершенно починили и башню покрыли деревянною крышкою, на которой внутри находится новая Арапская надпись. Двери в башню сделаны на полуденной стороне и видны в стене большие железные крючья, на которых дверь висела. В стенах башни оставлены небольшие скважины, в которые свет проходит, и потому видно ходить по лестнице..... Башня стоит в северозападном углу... четверугольника“¹.

В то же время И. Лепехин, регистрируя памятники городища, говорит: „Столбу, от первой башни (Четыреугольника? А. Б.), на одну сажень отстоящему, в окружности по фундаменту 12 сажен, вышины столько же“². Жаль, что Лепехин не указывает, в какую сторону „столб от первой башни на одну сажень“ отстоит.

Эрдман дает описание памятника, не дающее представление о его местоположении, а по рисункам его можно предположить, что „Столб“ стоит посредине руин Четыреугольника. На рисунке фиксируется то, что входная дверь его находится на юге³.

До 1824 г. путешественник П. П. Свиньин⁴ в начале своего очерка указывает на то, что „...еще в отдаленности, верст за 12, замечаешь на синеющейся возвышенности белую башню“, и затем описывает, какие „Взойдя на башню“... „очаровательные виды открываются“ с ее высоты. Далее Свиньин говорит о том, что ее лестница сильно разрушена и ступени ее „столь рыхлы, что зыблются под ногами и, при первом неосторожном шаге, готовы обрушиться... Двери в башню с полуденной стороны; лестница круглая, узкая, освещаемая несколькими отверстиями, пробитыми в толстой стене, в виде четверугольных окошечек,

¹ Паллас П. С. Путешествие..... Ч. I. СПб. 1773. Стр. 186 и 187.

² Ив. Лепехин. См. выше. Стр. 270, № 34.

³ F Erdman. Ib. Tab. 1, 2.

⁴ П. П. Свиньин. Ib. Стр. 190—192.

имеет 74 ступени (по Палласу—72 ступени. А. Б.). Почти на середине стены приметны в ней знаки Арабской надписи. Башня сия вышиною до 12¹/₂ саж. и есть одна из развалин, лучше других уцелевшая от всеразрушающего времени...". Косвенным образом Свиньин указывает и на местоположение Б. Минарета, а именно, говоря о месте Четыреугольника: „Признаки большого четверугольного здания, находившегося близ сей башни.“

В 1827 г. архитектор А. Шмит¹ обозначает Больш. Минарет и на „Плане Великого града Болгар...“, и на отдельных таблицах (3-я и 4-я под № 2) с подписями: „Круглая башня или Минарет“ (вид с природы) и „План и профиль большой... башни“ (См. Табл. 7-ю), где дает весьма ценные для этого памятника подробности. Рисунок и чертежи Шмита показывают нам ясное и четкое представление о сооружении. К нему мы перейдем несколько ниже, а пока должны заметить то, что Б. Минарет на „Плане“ Шмита под № 2, намеченный, как „Круглая“ башня или минарет, от жителей большим столбом называемая“, поставлен в тесную связь с северной стеной Четыреугольника. Эту топографическую точность мы принять не решаемся, также как и некоторые другие детали А. Шмита, напр.: современная церковь в отношении ко всем руинам Четыреугольника поставлена неправильно: она должна быть отодвинута значительно восточнее; далее, в этом же альбоме Шмита неточное понимание деталей и, так наз., Белой Палаты: стрельчатые арки он передает на табл. № 13, как полуциркульные².

Добросовестные чертежи Шмита и рисунок Б. Минарета, отмечающие памятник за 14 лет до его падения (в 1841 г.), требуют, чтобы на нем остановиться. Более точной репродукции памятника в архитектурном отношении до гибели его мы не знаем.

Минарет представляет в основной массе суживающийся кверху монументальный цилиндр, поставленный на двухрусный цоколь, низ которого квадрат, на глубоко залега-

¹ А. Шмит. «Архитектурные чертжи развалин древних Болгар. Сняты с природы в 1827 г.». М.

² Возможно, что неясности в Альбоме Шмита об'ясняются дефектами мастера-литографа, не понявшего детали чертежей в оригинале.

ющем в почву фундаменте, со скошенными вверху углами, а верх—низкий восьмигранник. Основной цилиндр Б. Минарета отмечен вверху, слегка выступающим карнизом; над последним возвышается короткий более узкого диаметра цилиндр, вокруг которого очевидно была галерея (шурфэ) с деревянной, расширяющейся площадкой и решеткой. Верхний цилиндр был перекрыт позднейшей деревянной крышей.

План и профиль Шмита показывают нам, что поля часть Б. Минарета начинается от пола у порога двери (по Палласу и Свиньину „на полуденной стороне“) цилиндрообразно, со столбообразным стержнем, вокруг которого поднимается винтовая лестница, имевшая при Палласе 72 ступени (по Свиньину—74), „из коих каждая в Парижский фут вышиною“. Те же световые „скважины“, о которых говорит Паллас и чрез „которые свет проходит и потому видно ходить по лестнице“, по Шмиту—в количестве 6-ти, расположены в 3 яруса по двум сторонам на с. и ю., притом первое северное окно наполовину вырезано в верхнем крае гранной части цоколя и другие два окна делят цилиндр на 3 поля. Световые „скважины“ противоположной стороны были расположены против середины полей первых скважин.

Подробно описывая Б. Минарет в начале 30-х г.г., Кафтанников дает нам некоторые интересные детали, близкие отчасти к сведениям Свиньина: „Первый столп или минарет (т. е. Б. Минарет)... весьма крепкой постройки, сложен весь из дикого камня, основание квадратное,—в поперечнике $7\frac{1}{2}$ аршин, высота 5 аршин; второй уступ осьмиугольный, высотой 4 аршина, а на нем возвышается круглый столп, высотой 8 сажень; кверху оканчивается отступом в $2\frac{1}{2}$ сажени: таким образом вся высота минарета составляет 11 сажень $2\frac{1}{2}$ аршина (у Свиньина— $12\frac{1}{2}$ саж. А. Б.); два яруса пьедестала обложены гладким камнем на подобие плит, связанных твердою известью и алебастром.... Вход на минарет с южной стороны чрез небольшую полукруглую узкую дверь; дверь эта возвышается от земли аршина на два;—ее достигают по остаткам значительной массы камней, из которых некоторые еще утверждены ко входу... на верх ведет улиткообразная лестница из тесанных камней, о 72 ступенях“ (как у Палласа А. Б.). Далее подробности не существенны. К чертежам

Шмита мы находим здесь более точные цифры и большие подробности, чем у Палласа. Кафтанников говорит и о местоположении Б. Минарета, описывая Четыреугольник („Развалины 4 башен, образующих площадь“): „В середине селения, по близости новой церкви (обок с минаретом)¹ видны развалины.....“³

Кроме этого упоминания Кафтанникова о Б. Минарете опишем, приложенный к статье Кафтанникова, рисунок с натуры под заголовком „Столб первый“. В центре рисунка изображен чрезвычайно монументальный Б. Минарет с дверью, завершенной полуциркульной аркой; направо, ближе к зрителю, находится край руин округлой формы; за Б. Минаретом, вдали виднеется полуразрушенное здание округлых форм с дверью, верх которой обрамлен полуциркульной аркой. Рассматривая зарисованные сооружения, памятуя то, что Б. Минарет обращен дверью к югу, мы, следовательно, первое сооружение относим на ю.-в., а второе на с. с отклонением к з. Форма последнего с его дверью весьма близка к памятнику, изданному Кафтанниковым там же,³ на рис. Палатка первая, та же округлая форма, та же с полуциркульно-арочным верхом дверь. Другого такого же памятника на территории нашего городища ни Кафтанников, ни другие авторы не приводят. Сохранился он до нашего времени, правда в подреставрированном виде, и известен в литературе, как „Палатка бывш. монастырский погреб“.

Интересно отметить, что пишут о Б. Минарете следующие посетители Булгар.

За год (в 1840 г.) до падения Б. Минарета описывает его Второв¹. В описании своем почти целиком, с незначительными изменениями в выражениях, Второв повторяет Кафтанникова. Но что Второв был в Болгарах, об этом говорит его подробность о ступенях винтовой лестницы Минарета: „с поправкой минарета, все камни в них вставлены и ступени с боков обложены досками“. Далее Второв, как и Кафтанников, весьма неопределенно указывает

¹ Заметим, что слова в скобках отмечены, как несущественные, как заметка, но они уточняют положение памятников.

² Кафтанников. По Кавелину. Стр. 51 и 52. См. выше.

³ *Иб.* Стр. 52.

⁴ Второв. См. выше. а) „Большой Минарет“. Стр. 182.

место Минарета: „Минарет примыкает к неправильно-четверугольному месту, образуемому из следов стен, совершенно уже разрушенных, по углам которых видны четыре основания, как полагать можно, башень.....“ (Второв понимает здесь Четыреугольник). Как примыкает Б. Минарет к Четыреугольнику, вплотную ли к нему, связан ли с ним, или „обок“, как говорит Кафта́нников?—Определить местоположение по описанию Второва трудно.

В 1841 г. Б. Минарет упал. Местные жители быстро использовали его материал для своих домашних нужд.

В 1846 г. проф. И. Березин¹ посетил городище и в 1852 г., описывая его, говорит: „Ныне большой столб, т. е. минарет уже не существует: остатки его лежат на месте падения. В 1846 году, проездом чрез болгарскую местность я видел несколько небольших камней с надписью из Алькурана, принадлежавших... упавшему минарету“. Березин далее говорит, что „не смотря на то, что я не видал большого минарета, я не отказываюсь сказать о нем несколько слов по рисункам и описаниям путешественников“. Имена этих путешественников он перечисляет во вступительной части к статье: „...к числу лучших описаний принадлежат Палласа, Лепехина, Эрдмана..., Второва..., Кафта́нникова... Лучшими изображениями болгарских зданий мы (говорит Березин) одолжены Архитектору Шмиту, который составил и рисунки и планы; в художественном же отношении замечательны „Виды болгарских развалин“, академика А. Н. Раковича², не изданные в свет³. Описывая Б. Минарет, Березин дает немного: „Минарет построен по общему мусульмано-болгарскому способу: те же материалы и тот же образ кладки. Формою своею он походит на арабо-мессопотамские и сирийские минареты небольших мечетей: надобно полагать, что снаружи у него были вверху какие-нибудь украшения, обвалившиеся по времени“. „Купол, по образцу арабских упомянутых минаретов, был у него, вероятно, круглый, некрасивый; „шурфе“ галерея... была, вероятно, обведена

¹ Березин И. „Булгар на Волге“. Стр. 18 и 19.

² Ракович Андр. Никол. (1815—1866 г.г.) был учителем рисования при Казанск. Ун-те. О рисунках его вспоминает, как уже затерянных, в 70-х г.г. Шпилевский. Стр. 197—8. (А. Б.).

³ Березин. lb. Стр. 6.

деревянную клеткою, как это делается вообще у мусульманских минаретов Аравии и Персии....“ Далее Березин указывает на место Б. Минарета: „Большой минарет стоял в связи стен четверугольника“; но где? Не указывает даже фасада. Через 6 лет после посещения Березин для своей статьи больше пользуется среди своих записей „рисунками и описаниями путешественников“ и в особенности, вероятно, „Планом“ архитект. Шмита.

К первой половине XIX века относятся два воспроизведения Б. Минарета вместе с другими памятниками города: первое, упомянутый выше, акварельный рисунок Государственного Исторического Музея в Москве, № 166. с заголовком: „Общий взгляд на Развалины Болгар“, близкий к 20—30-м г. г. XIX в.,— и второе воспроизведение— гравюра того же Музея с заголовком „Ruines de Bolgari, Ancienne Ville Tatare, route de Sibèri“ (17 Septembre 1839), подписанная *Andrè Durand*. 1846 г.

Акварельный рисунок дает нам Б. Минарет (в очертаниях, близких рис. Кафтанникова) среди груды руин Четыреугольника с показанием входа, обращенного к югу, с ясно обозначенным шурфэ и с остроконечной деревянной крышей. Гравюра *A. Durand* дает Б. Минарет в общих очертаниях, цоколь представлен в квадратной форме, а верх с обозначением шурфэ без деревянного покрытия.

В конце 60-х г.г. описывает Б. Минарет полковник *А. Ф. Риттих*:

1) Он говорит, что „....башня или большой минарет“ находился „в середине развалин“, развалился „в 1841 году. Он был 83 фута высотой.... Двери в эту башню были с полуденной стороны. Внутри была кольцеобразная лестница с 74 (как у Свиньина) ступенями и с несколькими отверстиями в стенах для просвета. Самое же строение (Риттих понимает Четыреугольник. А. Б.), в середине которого стояла эта башня, занимает площадь в 640 кв. фут“. Итак, по Риттиху, Б. Минарет стоял „в середине“ Четыреугольника, как центральная цитадельного типа донжонная башня. Риттих, как мы уже указывали, во всем комплексе руин Четыреугольника видит: „ханский дворец с минаретом и вместе с тем укрепленное место, последнее убежище по взятии города“ и даже сравнивает его с „цитаделью Тлеменса в Алжире, Танжер в Марокко и Акабы в Аравии“;

Одновременно с Риттихом описывает памятники города К. И. Невоструев в статье, содержание которой было сообщено в 1869 г. на 1 Археологическом Съезде в Москве; но Невоструев дает нам только краткую сводку литературных сведений, известных нам. К означенной статье приложен „План Казанской губ., Спасского у., с. Успенского—Болгары—тож, с показанием местности древнего татарского города Болгар, снято в 1869 году,“ который, не детализируя точки местоположения Б. Минарета, имеет в выносном чертеже на полях под „№ 1 Четыреугольник“ схему плана последнего. Стены Четыреугольника представлены схематично-пунктиром, все стороны его между собой равны, угловые башнеобразные сооружения обозначены круглыми и у северного фасада обозначен, как бы пристроенным в притык, план „Большого Минарета“, фундамент которого имеет квадратный план, а верхняя часть в круглых формах. Равносторонность в Четыреугольнике, круглая форма угловых сооружений на плане 1869 г. заставляют сомневаться в точности выполнения плана Б. Минарета.

В драгоценной книге С. М. Ш п и л е в с к о г о¹ описанию Б. Минарета уделены только краткие сведения с указанием на соответствующую литературу и ни слова не сказано больше. Зато казанские исследователи последнего времени закрепили за Б. Минаретом определенное местоположение, тесно связав его с Четыреугольником и приурочив его к монументальному западному выступу северного фасада у С.-З-го гранного минарета.

Б. К р е л л е н б е р г в своей отчетной статье „Раскопки Четыреугольника в Болгарах в 1915 году“² пишет: „К северной стене (Четыреугольника. А. Б.) примыкает фундамент и цоколь бывшего здесь и обвалившегося в сороковых годах прошлого столетия так называемого Большого минарета“ и далее Крелленберг через несколько страниц, перечислив вкратце известные нам литературные известия о Б. Минарете, прибавляет, что будто бы „Во время

¹ „Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ.“ Казань. 1877 г. Стр. 203—204.

² „Известия Об-ва Арх., Ист. и Этногр. при Казанск. Ун.“. Т. XXX. В. 1. Каз. 1919. Стр. 89—95.

раскопок... наткнулись на следы искателей кладов“, которые, подкопав Минарет, якобы были виновниками его падения.

Интересно остановиться на конструкции Б. Минарета, а еще больше на целом ряде недоразумений, которые вызываются рядом несоответствий, как с общим планом Четыреугольника, так и с литературными известиями о местоположении Б. Минарета.

Конструкция Б. Минарета довольно обычна для подобного рода сооружений. И в древности, и теперь мы видим в аналогичных постройках постановку цилиндра на квадрате, чрез перевод к его горизонтальной кривой чрез 8-мигранник и даже многогранник. Эту же систему мы увидим в Булгарах же на так называемом Малом Минарете. Все остальные детали ни о чем особенном не говорят, но общий вид Минарета не обычен и при сравнении, хотя бы, с теми круглыми, которые мы упоминали выше, весьма немногие будут близки ему. Весьма далеки от него древнейшие сироегипетские, поздние мало-азиатские и балканские (Брусса, Константинополь, Адрианополь и др.); из среднеазиатских будет немного ближе в Бухаре, так называемый, Минарет-Кальян или Башня Преступлений конца XIII в.¹ Ближе к болгарским минаретам будут некоторые персидские, которые любопытны прежде всего тем, что представляют совершенно самостоятельные, отдельно стоящие сооружения. Среди персидских назовем здесь такие монументальные и самостоятельные памятники, как Бостамский Минарет при надгробной мечети шейха Баязида², датируемый XI—XII веком, вызывающий удивление своей ковровой орнаментацией из небольших кирпичиков. В том же характере интересны два минарета Дамгана³, относимые к тому же времени и той же конструкции самостоятельного сооружения, минареты в Узгене XI—XII в.,⁴

¹ Sarre. Ib. Атлас. Сюда можно присоединить полуразрушенную башню ок. Термеза на Аму-Дарье: Ib., p. 229.

² Sarre. Ib. Стр. 117, p. 156 (общ. вид), p. 159 (план всего комплекса сооружений) и Атлас табл. без № (здесь он во всей своей архитектурной цельности).—Diez. Ib. Стр. 69, p. 91 (тоже).

³ Sarre. Atlas. Табл. без №.

⁴ Б. Денике. Ib. Табл. 3.

Месшеди — и Мисриан XIII в.¹, в Куня-Ургенче (Хорезм) XII—XIII в. Наиболее близкими к болгарскому по форме будут минареты Закавказья, в частности Азербайджанский минарет в 50 килом. к ю.-з. от Баку в дер. Шихово-Биби-Эйбат², представляющий двойной цоколь (в основании 4-хгранник и над ним 8-мигранник), поддерживающий цилиндрическое сооружение ствола, датированный XIII в. К XIV в. можно отнести аналогичный минарет в селении Дарваг в Дербентском округе Дагестана, обследованный нами в 1924 году.

Большинство обследователей болгарских памятников ставят Б. Минарет в близкую конструктивную связь с Четыреугольником. Существование Б. Минарета в конструктивной связи с Четыреугольником на том месте, на котором его указывают, начиная со Шмита, совершенно разрушает строго выдержанный цельный план всего здания. Уничтожается весь фасад определенного стиля, и совершенно не вяжется существование его на месте, где должен быть западный пилон килевидной арки портала или, как называют в Ср. Азии, „пиштака“, фундаменты которого тесно связаны со стенами здания. В нашем распоряжении небольшой, но чрезвычайно интересный материал, который заставляет думать о том, что место Большого Минарета должно быть не там, где его фиксирует, хотя бы, Шмит и в последнее время Крелленберг. Мы не осмеливаемся настаивать на этом, пока не докажут нам это тщательные археологические изыскания, но приведем те известия обследователей-очевидцев Б. Минарета, которые вызывают недоумения неясностью, неточностью, а может быть и той действительностью, в которой находились памятники.

Указания Палласа, Эрдмана, Свиньина, Кафтанникова, неизданной анонимной гравюры 20-х г.г. XIX ст. Государ. Историч. Музея № 166, Риттиха и др. о том, что „двери башни срезаны на полуденной стороне“, считаем первым признаком, который вызывает недоумение: если дверь была с юга и

¹ Ib. Табл. 2.

² „Известия Азербайджанского Археологич. Комитета“. В. I, Баку, 1925 г., Г. Садиги „Древности деревни Шихово“, а также см. „Краткий Путеводитель по древностям гор. Баку и его районов“ (изд. того же Комитета), составленный В. М. Сысоевым. Баку. 1925 г. Здесь помещен ирис.

с юга же стена Четыреугольника, то любопытно, как связывались эти два, исключаящие друг друга, факта; невозможно, чтобы Минарет, хотя бы и в цоколе, был слит со стеной. Уже от цоколя он шел к конусу и, таким образом, между ним и стеной, уже снизу, ширилось пространство.

Далее в описаниях очевидцев, как мы уже сказали, почти нигде нет точного в текстах указания на конструктивную связь его с Четыреугольником; Паллас говорит глухо: „Башня стоит в С.-З. углу Четыреугольника“; Лепехин: „от первой башни (Вероятно, сев.-зап.-ой. А. Б.) на одну сажень отстоящему“; Свиньин говорит, что Четыреугольник находится „близ сей башни“; Кафтанников, тоже говоря о месте Четыреугольника, в скобках замечает, что его руины „обок с минаретом“; Второв: „Минарет примыкает к неправильно-четвероугольному месту“, и далее, как и Березин, он описывает Б. Минарет, — „по рисункам и описаниям путешественников“. Так же неопределенно говорят и другие до нашего времени.

Серьезным указанием может служить план Шмита; но, во-первых, неточность его в деталях плана мы уже отметили, а во-вторых, рисунок Кафтанникова нас заставляет еще более усомниться в точности Шмита. Мы уже указывали в описании рисунка Кафтанникова некоторые основные детали и как бы ни хотелось быть осторожным, мы все-таки обращаем на него сугубое внимание. Рисунок с натуры дает нам указание на то, что часть руин к ю.-в. от него, а от зрителя направо, является частью с.-з.-го угла Четыреугольника, руины за Б. Минаретом — руины, так называемого, б. „Монастырского Погреба“, и, таким образом, Б. Минарет, по Кафтанникову, стоит „обок“ Четыреугольника, к с.-з. от его северо-западного гранного минарета. Данное местоположение Б. Минарета вполне разумно и уместно, в таком его положении и Четыреугольник сохраняет целиком весь свой художественно-архитектурный ансамбль и прежде всего в фасаде; а Б. Минарет еще больше выигрывает и в своей цельности, и монументальности. Но... повторяем, что эти недоумения рассеются только тщательными археологическими изысканиями, в которых изучение культуры Булгар на Волге нуждается чрезвычайно и к которым пора приступить, пока не поздно.

„Белая Палата“ по рисунку Палласа 1768 г.

5. Белая Палата.

Среди монументальных памятников городища Булгар на Волге находятся руины здания, известного под именем Белая Палата, фрагменты которого исчезают с лица городища и о котором скоро останутся только литературные сведения и воспоминания местных жителей и знатоков территории древнего города.

Много раз писали о Белой Палате, но, до сих пор, не установлено точное назначение этого сооружения.

С целью выяснить последнее и дать исчерпывающее понятие о памятнике мы посвящаем ему нижеследующее исследование.

Древнейшее известие о Белой Палате сохранилось в „Выписи с межевых книг письма и меры дьяка Андрея Михайлова на землю новостроющагося Болгарскаго Успенскаго монастыря 1712 года“, изданной К. И. Невоструевым¹.

Дьяк Андрей Михайлов так описывает памятник: „Полата крестообразная, мерою пяти сажен, в той полате в глубину восемь ходов выкладены каменьем, а сколь те ходы глубоки и какое там строение, того осмотреть за утеснением проходов не возможно; в той же полате в стенах четыре окна круглых, да вверху свода окно круглоеж. Да в углах той полаты четыре полаты, мерою длины и ширины по сажени с аршином, в том числе в дву полатах в глубину ход; да во всех тех полатах вверху сводов по одному окну круглых. Да с дву сторон большой полаты две полаты ветхи, длиною (1-я) по три сажени с аршином, шириною по сажени с аршином; у той же полаты в сторонах две полаты ветхи и своды обвалились; (2-я) полата четверугольная, мерою длины и ширины по три сажени с полуаршином, ход в одни двери, в ней два окна четверугольные, да вверху свода окно большое круглое“.

Это охранно-протокольное описание дьяка Андрея Михайлова начала XVIII в., чрезвычайно ценное по своей четкости, является прекрасным фундаментом для дальнейшего изучения и на него, как на схему костяк, можно набросать данные многочисленных позднейших фиксаторов Белой Палаты.

Академик П. С. Паллас², посетивший Булгары в декабре 1768 г., описывая „достопамятнейшие“ памятники городища „столь подробно, сколь мог осмотреть, ходя по снегу в тогдашнюю пронзительную стужу“, фиксирует Белую Палату не только в тексте, но и в рисунке, и в чертеже. Ценность описания заставляет повторить его.

Паллас говорит:

„От сего строения (разумеет, так называемую, „Черную Палату“) почти во сте сажнях, считая по прямой линии в южную сторону, находится еще другое знатное нарочито крепкое строение, котораго архитектура еще больше примечания достойна; а особливо внутреннее отделение столь

¹ К. И. Невоструев. См. выше. Стр. 526 и 534. № 12.

² П. С. Паллас. „Путешествие“... См. выше. Стр. 189—192.

редко, что я принужден был сделать чертеж для ясного понятия. (Рис. и план Палласа „на 6 табл. под буквою „Е“ чертеж основания. Под буквою „Д“ прорез строения“). Северная узкая часть, или сени на сделанном из известковых плит фундаменте, складены из больших Татарских кирпичей, и из них же и верхушки всего строения сделаны. В оныя сени ход с восточной стороны, и в боковых стенах много окошек. Помянутыя сени разделяет поперешная стена на четверугольную переднюю и на другую продолговатую комнату. Из сей последней входят в главное строение, в которое кроме сего нет никакого другого хода. Все строение, выключая верхушки, складено из отесанных камней, которые длиною почти в аршин, шириною больше полуаршина, а толщиною в пядень. Самое большое место разделено простирающимися от складеннаго из толстых плит фундамента до самага свода стенами на четыре особливия угольные комнаты, между которыми находится ход на крест. В сей ход проходит свет сквозь большой сводом сделанной купол, в середине котораго есть осьмиугольное отверстие, и еще на каждой стороне по малому окошку. Около сего большаго купола стоят такие же четыре малые над угольными комнатами; у каждого из них находится в середине осьмиугольное отверстие, посредством котораго проходит свет в комнаты. Внутри оных сделаны круглопродолговатыя лунки с фигурами штукатурной работы; такая же видны и в большом среднем куполе. Угольные комнаты точно четвероугольны; и особливо примечания достойно то, что двери в оныя сделаны не в боковых стенах, но в том самом углу, который выдался к среднему ходу. К южному концу сего главнаго строения приделаны три комнаты, из коих в восточную и самую малую нет никакого входа или отверстия, кроме пролома в южновосточную угольную комнату средняго зала. В среднюю ходят в двери из сделанных на крест переходов онаго зала: а западная комната, у которой задняя стена выдалась на сажень от главнаго строения, не имеет с другими сообщения, и есть в оную особливой снаружи ход такой же, какой сделан у находящейся в Касимове мечети при Ханском кладбище. Подо всем главным строением простирается погреб со сводами, под южной стеной котораго сделан был, так как и в Касимове, ход в землю, куда ставили тела умерших. Но в середине

под южною побочною комнатою свод обвалился, и ход засыпал, так что я не мог туда пройти, и доволен был тем, что по находящемуся там согнившему деревянному обрубу, где может быть ставили тела умерших, мог я заключить, что оное место служило кладбищем. Кажется, что не погрешу, если скажу, что сие строение сходно с находящимися в городе Ташкенте старинными строениями, в которых отчасти были школы¹, а отчасти ставили тела умерших“.

Вместе с академиком Палласом в „Оренбургскую посылку“ назначены были профессор Фальк и адъютант Академии Наук Иван Лепехин, который в своих „Дневных Записках“² фиксирует то, как „Студент Николай Озерецковский, ездивши за нуждами в Казань, имел случай осмотреть и описать остатки Болгаров, древняго Татарскаго города“.

Среди остатков древнего строения Лепехин под № 9 кратко описывает Белую Палату: „.....палата десять покоев разных мер в себе имеющая, длиною 30 сажень, шириною по середине 7 сажень, а в концах по 4 сажени. Вышины в двух стенах по 1 сажени с половиною, да в других двух стенах по две сажени. На оных стенах свод вышиною в одну сажень; а в округе онаго свода 6 сажень с половиною“.

„Оренбургская посылка“ или экспедиция Палласа, Лепехина и др. дала нам первую и графическую фиксацию Белой Палаты в сочинении Палласа. Здесь „на 6 табл. под буквой „Е“ чертеж основания. Под буквой „Д“ прорез строения“.

На описании Палласа-Лепехина и на их графических иллюстрациях необходимо подробно остановиться.

Если дьяк Андрей Михайлов фиксирует памятник посхеме протокольного порядка с полной добросовестностью, то Паллас дает нам краткое научное описание со стремлением обяснить его назначение и ввести его в круг историко-художественного понимания той культуры, которую памятник характеризует.

Этот оттенок весьма подкрепляется иллюстративным материалом так:

¹ (Сноска Палласа): „Известие о том находится в первой части превосходной Оренбургской топографии на 33 стран., где Татарское название Медрес переведено училище“.

² Иван Лепехин. „Дневные Записки...“ См. выше. Стр. 265 и 268.

На рисунке „Д“ представлен целиком и в перспективе северный фасад с подчеркнутой характеристикой разного материала в отдельных частях здания: „Северная узкая часть, или сени, на сделанном из известковых плит фундаменте, складены из больших Татарских кирпичей, и из них же и верьхушки всего строения сделаны“. Рисунок „Д“ передает „Татарский кирпич“ в определенных очертаниях мелких форм материала, тогда как основные части сооружения — „Все строение, выключая верьхушки“, — передано в очертаниях крупных форм другого материала — „складено из отесаных камней, которые длиною почти в аршин, шириною больше полуаршина, а толщиною в пядень“. Так называемые, „верьхушки“ представляют треугольные фронтонообразные надстройки над стенами здания, которых по восточному фасаду насчитывается 5; 2 фронтона расположены над северной кирпичной частью его и 3 — над помещением, которое „складено из отесаных камней“.

В стене северного помещения того же фасада изображены три отверстия: дверное, облицованное солидными каменными блоками с полуциркулярной аркой, и 2 оконных, помещенные ближе к боковым частям стен; окна были облицованы плитами с фронтонообразным (стрельчатым) перекрытием. Такие же 3 окна в северной стене здания, из которых 2 на уровне окон восточной стены и одно вверху под шпигелем фронтоно-возвышенной крыши. В восточной стене каменного помещения не показано ни одного окна.

Внешняя форма перекрытия сооружения представлена на рисунке Палласа в двух видах: кирпичное помещение перекрыто двухскатно, как говорит внешний вид памятника, а каменное, как пишет Паллас, пятью куполами, из которых большой находится над центром и четыре малые над углами его. В зенитах каждого купола выложено „осмиугольное отверстие, посредством котораго проходит свет в комнаты“. Отверстия отмечены на рисунке в виде темных кружков; далее, в основании купола обозначено небольшое окно со стрельчатой вершиной, которое иллюстрирует текст: „и еще на каждой стороне (большого купола) по малому окошку“.

Рисунок, представляющий Белую Палату, Паллас сопровождает „чертежом основания“, который дает ясное понятие общего плана внутреннего расположения частей здания.

Он показывает, что кирпичное помещение представляет двойной вестибюль—„сени“, обслуживающие сложное главное помещение, состоящее из 2 комплексов, из которых первый—равносторонний квадрат с вписанной в него крестообразной залой, а по углам ее 4-е угловые камеры, сообщающиеся с крестовой залой дверями, находящимися во внутренних углах; второй комплекс, примыкающий к первому с юга, представляет три разные по длине комнаты, расположенные с з. на в. Из вестибюля идет дверь в крестообразное помещение; на чертеже показана также дверь, которая ведет из южной части крестовой залы в южный комплекс. Последнюю дверь Паллас называет „проломом“. В помещениях южного комплекса на чертеже Палласа обозначена только одна дверь западной комнаты в южной внешней ее стене с выступающим крыльцом. К деталям южного комплекса чертеж относит какой-то крупный круг в центральном помещении, может быть, место очага.

Паллас подробно остановился на описываемом памятнике—палате „в десять покоев разных мер (Лепехин)“. На основании замеченного им „Подо всем главным строением... погребя со сводами“, по аналогии с памятниками в Касимове и Ташкенте мог, ... заключить, что оное место служило кладбищем“.

Рассматривая материалы Палласа и Лепехина, мы видим в них определенные основные данные к пониманию общих конструктивных подробностей памятника. Северная кирпичная часть Белой Палаты представляет вестибюль, часть же, выложенная из каменных массивных тесанных блоков,—четкое, крестообразное в плане, с угловыми камерами помещение, крытое купольной системой. „Академики“ не дают подробностей внутренней архитектуры памятника, и если бы не было позднейших фиксации деталей, то мы не могли бы уяснить себе ни назначения его, ни ряда его художественных подробностей и не связали бы его архитектуру с другими аналогичными сооружениями.

В 20-х г.г. прошлого столетия Фр. Эррман, подробно описывая Белую Палату, дает, кроме того, 2 рисунка и план памятника; один рисунок иллюстрирует восточный фасад сооружения, другой—южный, а план передает горизонтальный разрез его на уровне верхних частей фундамента с подробностями, поясняющими и подпольные со-

оружения здания, про которые Паллас говорил: „Подо всем главным строением простирается погреб со сводами, под южной стеной котораго сделан был, так как и в Касимове, ход в землю, куда ставили тела умерших“.

Мы подробно остановимся на тексте Эрдмана, так как он помещен в библиографически редком немецком издании¹.

Наибольшая длина сооружения с ю. на с., говорит Эрдман, достигает 82-х футов, его ширина по южному фасаду—36 фут., а по северному—25 фут. (Tab. 7 und 8). Северная часть выведена из кирпичей и, возможно, позднее, чем южная, сохранившаяся много лучше и сложенная из отесанных плит. Внутри (Вероятно, северной кирпичной части. А. Б.) имеются две комнаты; первая—квадратная, вторая—продолговатая. Они разделяются кирпичной стеной толщиной в 3 фута, с узкой и низкой дверью. Вход в большую комнату был на востоке. Рядом с ним и на противоположной стороне, как и на северной, уцелели остатки небольших окон. Вторая комната была узкая, с окном на восточной стороне и соединена с главным зданием. Последнее по характеру постройки еще более примечательно. В основании здание представляет квадрат, сторона которого равняется 36 футам; в каждом углу квадрата имеется четырехугольная комната, в которую виден ход в выступающем внутрь углу. Таким образом, внутреннее пространство имеет форму креста. Этот крестовидный коридор увенчан куполом, у которого в центре восьмиугольное отверстие, а по сторонам четыре небольших окна. Три из смежных комнат также увенчаны куполами с отверстием в центре меньшей величины и без окон; четвертая же юго-восточная покрыта обычным крестовым сводом. Потолки комнат большею частью обрушились и полы засыпаны мусором. На южной стороне все здание замыкается поперечной длинной комнатой. Эта комната, как еще мог видеть Паллас до 68 г. (в тексте Эрдмана опечатка: „48“. XVIII ст. А. Б.), разделялась поперечной стенкой на два отделения, из которых в первое был доступ только, как кажется, из юго-восточной угловой комнаты через отверстие, находившееся на высоте 6 футов над землей; во второе отделение вела сохранившаяся и по

¹ Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland v. Dr. Johanu Friedrich Erdmann. Erster Theil. Riga und Dorpat. 1822. 286—288.

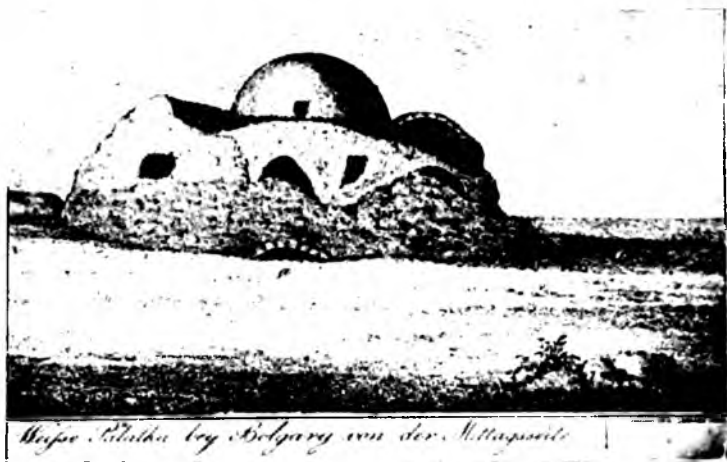
сие время дверь из крестовидного коридора. Наконец, различается еще фундамент третьего покоя, пристроенного на западной стороне, в южном углу и (чего я сам уже, говорит Эрдман, не мог заметить), по Палласу, только с южной стороны снабженного входом.

Под каменным полом крестовидного коридора и угловых комнат, пишет Эрдман, проходит пять параллельных каналов с с. на ю. и столько же с з. на в., которые перекрещиваются под прямым углом. Каждый из этих каналов имеет приблизительно $1\frac{1}{2}$ фута ширины и $2\frac{1}{2}$ ф. глубины. Они, как будто, соединяются с длинной поперечной комнатой в южной части в общий канал и через подвал (Tab. 8, a) имеют общий сток. Кроме того, видны следы многих водопроводов на стенах. Так, они сохранились на стене между двумя передними комнатами у „a“, в углу крестовидного коридора у „b“ (Tab. 9). Далее, заметны остатки железных труб диаметром от 2-х до 3-х дюймов в стенах двух северных и юго-восточной угловой комнат, а также углубления над полом, в которых проходили желобы и трубы. Кажется, в западной стене северо-западной угловой комнаты у „c“ спускается перпендикулярный канал; и в южной стене юго-восточной комнаты, под упомянутым проломом, имеется бассейн, „d“. Эти остатки устраняют сомнения при определении назначения здания, как бани: и, конечно, заблуждается Паллас, когда он в разрушенном подвале видит погребальную камеру, а в верхней части школу. Вокруг здания видны углубления и разбросанные ямы, о происхождении которых я не решаюсь, говорит Эрдман, высказать определенное мнение.

Изучая параллельно с текстом и литографии Leopold Voss'a (рисунки, помещенные в книге Эрдмана), мы видим, что памятник после Палласа пришел к чрезвычайному разрушению: северная кирпичная его часть потеряла перекрытие, стены полуразрушены, а в отверстие, где была арочная дверь с облицовкой из штучного камня, виден пейзаж к з. от здания; разрушены верхи восточных стен и центральной части Белой Палаты, что вскрыло боковые обрезы сводов; южные помещения представляют груду развал.

На рисунках у Эрдмана примечательны для понимания памятника и следующие детали:

Во-первых—своды перекрытия выложены из штучного камня, хорошо отесанного и плотно пригнанного; форму сводов трудно определить: не то они полуциркульные, не то стрельчато-приостренные и от времени деформировавшиеся; Эрдман, очевидно, (или его литограф) в них не разобрался.

„Белая Палата“. Южный фасад по Эрдману

Во-вторых (Tab. 8, по Эрдману) Эрдман показывает в рисунке нижние части южного комплекса помещений, и среди их разрушений, выглядывающую из-под груды земли, арочку, которая, если ее сопоставить с планом придется в связь с центральным подпольным каналом, идущим, как и другие четыре параллельные ему каналы, с ю. на с., а это уже будет интересно. Нам думается, что здесь, под подпольной аркой обозначен Эрдманом центр всей системы каналов, предназначенных для особых целей всего сооружения.

План Белой Палаты, предлагаемый Эрдманом, дает нам в сравнении с планом Палласа существенные новости и ряд изменений. К ним относятся, так называемые, „каналы“

под полом; далее у Эрдмана нет прохода—двери в южной стене основной центральной части здания, как это мы видим у Палласа, хотя и последний называет обозначенный у него пролет „проломом“, и, наконец, Эрдман схематично, вероятно, из-за сильных разрушений, дал план южных помещений Палаты, примыкающих, как бы, в служебном порядке.

В описании своем Эрдман, „при определении назначения здания,“ считает, что оно представляет ничто иное „как бани“. В этом он прав. Эрдман делает ошибку, рассматривая всю сложную систему каналов под полом, как водоотводную канализацию бани, и совершенно не указывает отопление бани.

Размеры каналов, данные Эрдманом (ширина $1\frac{1}{2}$ ф. и глубина $2\frac{1}{2}$ ф.), заставляют думать о том, что Эрдман не определил их назначения. Зачем нужна была такая обширная водоканализация при водопроводе, железные трубы которого достигали 2—3-х дюймов, и при существовании, указанной автором, системы желобов?

Руинность нижних частей здания, отсутствие возможности произвести расчистку их не дали Эрдману понимания действительного назначения системы каналов.

В 1823 г. (24—VII) зарисовал Белую Палату в свой альбом П. П. Свиньин. Фиксируя памятник не только как проезжий турист, он, будучи знаком с описаниями Палласа, Лепехина (по работам Н. Я. Озерецковского) и ближайшего своего современника проф. Эрдмана, стремится дать те или иные объяснения по деталям памятника¹.

Указывая на то, что Белая Палата „Во время путешествия академика Н. Я. Озерецковского... была длиною 30, а шириною 7 сажен“, Свиньин говорит, что „развалины огромного здания“ имели при нем „около 12 сажен в длину и 3 в высоту под куполом, и принадлежат к числу тех, которая более других потерпели от времени с тех пор, как видели его наши академики. Кирпичная постройка, бывшая с северной стороны и заключавшая две большие передние комнаты, или сени, совершенно разрушилась; ныне остаются только два отдельные столба или полуарки.. От южной пристройки остался один фундамент; стена

¹. П. П. Свиньин. „Картины России“. См. выше. Стр. 199—202.

с сей стороны обрушилась и образовала пролом.... При входе во внутренность главного здания еще можно получить понятие о первоначальном расположении онаго, но чрезвычайно трудно определить, для какой цели воздвигнуто было сие здание? Был ли это Греческий храм, или Мусульманская мечеть или баня, как полагают, разногласно, ученые путешественники....“ Далее Свиньин описывает главную часть здания, не внося ничего нового к прежним сведениям и полемизируя с Палласом и Эрдманом по поводу назначения сооружения.

„В опровержение... заключения“ Палласа о том, что Белая Палата была надгробной мечетью, и мнения Эрдмана о том, что она представляла восточную баню, Свиньин говорит, „...что здание сие ближе подходит к Индейским пагодам.. и построено было еще в то время, когда, может быть, деятельные в торговле Индейцы имели свои храмы в Болгарах. Сходство стилия сего здания с Индейским зодчеством приметно не только в целом, но и в частях онаго, например: в карнизе, оставшемся во внутренности одного из четверугольных отделений. Наконец крепость стен и сводов убеждает достаточно, что они воздвигнуты не Мусульманскою рукою. Подземные ходы, сколько можно заметить, были устроены не только под самым зданием, но и вокруг онаго на большое пространство, и были довольно просторны, так, что, по видимому, человек мог свободно ходить в них“.

Все измышления П. П. Свиньина о Белой Палате, как о памятнике „Индейского зодчества“, конечно, весьма слабы. И „в целом... и в частях онаго например, в карнизе“, — в крепости „стен и сводов“ нет ничего особо характерного для „сходства стилия сего здания с Индейским зодчеством“. Они с тем же успехом могли быть и в другой архитектуре. Так же странны разсуждения Свиньина о том, что „Подземные ходы довольно просторны, так что, повидимому, человек мог свободно ходить в них“. Своих обмеров Свиньин не приводит, а меры Эрдмана для каналов (повторенные Свиньиным) не говорят за то, что „человек мог свободно ходить в них“.

П. П. Свиньин оставил нам два гравированных рисунка: один при статье „Плавание по Волге в Казань и к развалинам Болгар в 1823 году“, „Отечественные Записки“

1824 г., часть XVIII. (Гравировал Галактионов), и в сборнике „Картины России“, 1839 г. Обе гравюры передают развалины гор. Булгар и на переднем плане руины Белой Палаты. Первую гравюру мы воспроизводим здесь. (Табл. 8).

Рисунки Свинына в гравюрах требуют внимания рядом деталей и прежде всего тем, что они фиксируют степень огромного разрушения за очень небольшой период. Сравнивая с зарисовкой Эрдмана, видим, что от северной кирпичной части здания почти ничего не осталось: „ныне остаются только два отдельных столба или полуарки“, показывающие, что вестибюль был перекрыт или сводом, или горизонтально на нескольких арках, что дверь из вестибюля в крестовую залу главного помещения была арочной системы и что в стене последнего было сегментовидно-арочное окно.

Далее, по рисункам видим, что обвалилась стена крестовой залы, открывшая, таким образом, детали конструкции внутренней архитектуры центральных помещений здания, а именно: видны детали сводчатого перекрытия крестового помещения, выложенные из штучного камня; между арками обозначены обширные треугольные тимпаны, основания которых вместе с арками поддерживают рельефный карниз круга, на котором покоится монументальный купол; в столбах между арками—в углах креста—показаны на рисунках отверстия—узкие двери с приостренными (стрельчатыми? А. Б.) арками, которые ведут из крестообразной залы в угловые комнаты.

Рисунки П. П. Свинына весьма четко показывают массивный материал, из которого выложено здание. Солидные блоки в кладке стен устояли в продолжение многих веков, стояли они еще при Екатерининской колонизации края, в эпоху „либерального“ Александра полуразрушились, а в пору николаевщины, с ее уродливым абсолютизмом, памятник погиб. И много подобных остатков древности было стерто нерадивым, небрежным временем... Можно было бы составить большой поминальник этой гибели, но... здесь уже не место; вспомним только, что в 41 г. XIX ст. разрушился и, так называемый, „Большой Столп“ (Минарет) на том же городище.

Ко времени Эрдмана и Свинына нужно отнести акварельную картину, хранящуюся в Государственном Исто-

рическом Музее под № 166, о которой мы уже не раз говорили. Постилю она весьма близка к рисункам П. П. Свинына и притом настолько, что можно бы ее приписать его кисти, если бы она не выражала общего стиля эпохи. Под акварелью сохранилась надпись: „Общий взгляд на развалины Болгар“.

Здесь так же, как и на гравюре Свинына, на фоне общего вида городища Болгар на переднем плане в правой стороне картины нарисована Белая Палата. Акварель так же передает столбообразные остатки одного из боковых помещений Б. Палаты, но здесь нет вида разрушенной стены, как у Свинына. Эта картина передает одну исключительную по интересу подробность, которая заставляет придать к реставрации памятника любопытную черту: стена Б. Палаты, изображающая стену центрального крестообразного помещения, разрушилась; сверху—упали верхние ряды ее кладки, обнажив извне обрез свода, форма которого стрельчатая.

До сих пор и у Эрдмана, и у Свинына на рисунках мы видели формы, близкие (говоря осторожно) к полуциркулярной арке.

Еще раньше Свинына посетил Булгары в 1819 г. „казанский житель Кафтанников, занимавшийся в начале нынешнего (XIX-го. А. Б.) столетия изучением древностей Казанского царства“¹ и опубликовавший описание Булгарского городища в журн. „Заволжский Муравей“ 1832 г.

Пользуясь материалами „из бумаг Кафтанникова“ по статье Л. Кавелина, мы должны остановить внимание как на тексте, так и на рисунках, уцелевших от Кафтанникова, которые дают интересную характеристику Б. Палаты, хотя самый текст представляет слегка „авторизованный“ пересказ, с дополнениями, упомянутой статьи П. П. Свинына.

К Кафтанниковским интересным особенностям текста, касающимся существенных сторон его описания Б. Палаты, относится следующее: Прежде всего Кафтанников прибавляет, что здание Белой Палаты „построено на небольшом возвышении“, что мы видели и на рассмотренных рисунках.

¹ О статье Кафтанникова и об его материалах см. выше. По Л. Кавелину. Стр. 70—71.

Говоря о сохранности памятника, Кафтанников присоединяет к тексту Свиньина, уточняя его, что „Теперь уцелела только середина или главное здание“. Кафтанников указывает на разрушение комплекса южных помещений. Далее изучаемый нами автор перефразировал текст Свиньина о северном комплексе помещений, выпустив указание на то, что вестибюль Бел. Палаты есть „кирпичная постройка, бывшая с северной стороны“. Возможно, что при Кафтанникове уже не было видно на поверхности кирпичных частей; „два отдельные столпа или полуарки“, очевидно, были из другого материала, более крепкого, однородного с другими частями руин. Говоря о „восмиугольном отверстии“ сверху центрального купола, Кафтанников прибавляет к тексту Свиньина, что оно было „значительной величины“. Описывая далее центральное помещение Белой Палаты, Кафтанников присоединяет ценные дополнения. Он говорит:

„Стены внутри обложены тесаны́м камнем и отштукатурены; при основании купола кругом карниз; в самом куполе над карнизом 4 небольшие окна; пол залы выстлан плитами из белаго камня значительной величины; в некоторых местах он уже разрушился, и в провалах видны своды, которые также кое-где обвалились; под этими сводами есть ходы в виде коридоров, пересекаемых поперечными стенками“.

Дополнительные сведения Кафтанникова касаются и подпольных сооружений. Он говорит, что „... проникнуть в подземные ходы, устроенные под каменным полом главного здания“, не удалось, „потому что они совершенно разрушились и засыпаны мусором“. „Некоторые из сторожилов селения рассказывают, что им случалось бывать в этих подземных ходах; по их словам, под полом средней залы была кладовая со сводами (так они называют ее); вход в нее был снаружи с южной стороны, по коридору, в конце котораго была полукруглая дверь. Кладовая эта квадратная; пола в ней не было и земля углублена, а изпод угловых комнат шли канавки, доходившая вплоть до углов кладовой, где оканчивались узкими полукруглыми отверстиями на подобие дверец...“

Слушая „сторожилов“, Кафтанников передает мнение Палласа и Эрдмана (по Свиньину) о практическом назна-

чении Белой Палаты и „принимая во внимание столь ясные признаки..., скорее всего может согласиться с мнением г. Эрдмана..... что здание это было банею“ (курсив „Иллюстрации“. А. Б.).

Последнее мнение он считает „почти неоспоримым, если внимем в сходство постройки и расположение Белой палаты с банями... в Бахчисарае (описанными Манштейном и Муравьевым—Апостолом), также если сравним описание Белой палаты с описанием бани, виденной в Азове при взятии его русскими в 1736 г.“ Последние сведения Кафтанников получил из описания медика Саншеса, который описывал Турецкую баню, разделенную на 4 или 5 больших комнат: „В первой, средственно теплой, раздеваются; из нея входят в баню парную, которая сделана круглою из тесанного камня, с куполом, наверху коего для света вставлено окно, а посредине устроен круглый же полок, соразмерный пространству комнаты, на который садятся; на устланный же каменными плитами пол поливают воды вышиною на несколько дюймов; от сей воды восходят пары действием огня, горящаго в подземной печи и посредством железных или медных труб, сделанных в стенах... Отсюда выходят в другую комнату, где сделаны две умывальни, одна с теплой, другая с холодной водой“.

„Эта баня (продолжает Кафтанников) описана г. Тимонием в 1762 г. Сличив это описание г. Саншеса с... описанием Белой Палаты,... удостоверяемся, что здание это было не что иное как баня, а судя по обширности, может быть, Ханская“.

Кафтанников, стараясь описать подробно Белую Палату, еще более детально дает сведения о памятнике в своих 4-х рисунках, которые сопровождают описание (в журн. „Иллюстрация“ 1846 г.: 1-ый рис. находится на 49 стр., 2-ой рис. на 68 и 3-ий и 4-ый рис. на 69).

1-ый рисунок передает общий вид Белой Палаты на фоне окружающего памятник пейзажа с другими руинами городища и подписан „Общий вид развалин города Болгары“. На территории городища в перспективе ландшафта видны „Черная Палата“, „Четыреугольник“ и Большой Столп—Минарет, тюрбэ б. церковь св. Николая, Малый Столп—Минарет и др. Белая Палата представлена на переднем плане на возвышенном холмике около небольшого озера

Топографический облик Белой Палаты показывает, что при создании ее руководились не только эстетическими, но и строго практическими условиями. Постройка, стоя на возвышенном холме, выигрывала своей архитектурой, а близость ее к озеру, повидимому, диктовалась ее назначением.

1-ый рис. Кафтанникова ясно представляет архитектуру Белой Палаты: на ее руинно-живописном фасаде резко выступают три открытые арки с деформированным профилем, идущие во внутрь сводов, в центре видна арка конца крестовой залы, а по сторонам к с. и ю. находятся арки угловых камер; размеры их и материал (в его деталях) показаны у всех трех арок одинаковые. Арки выложены из массивных штучных блоков. Они открыты потому, что стены здания, находящиеся под ними, были разрушены. Хрупкость стен объясняется тем, что они были построены с меньшей солидностью, чем те части здания, которые должны были принимать на себя тяжести перекрытия. Здесь ясно обнаруживается стройная система устоев и определенная согласованность ее с перекрытием, которое в данном случае хотя и не оригинально, но весьма сложно.

Стены, забранные сверху арками, вполне естественно могли быть тонкими и легко разрушаемыми; они не несли на себе тяжести перекрытия, принимаемой устоями—столбами; тонкость стен, заключенных в арках, точнее в концах сводов, увеличивала площадь внутри здания. Слабость стен между арками ясно замечается на целом ряде зарисовок и других изображений памятника. Наибольшая степень разрушений у центрального помещения наблюдается прежде всего в стенах под арками сводов.

На том же 1-м рис. Кафтанникова хорошо представлено перекрытие главного помещения здания. Оно покрыто 5-ю куполами, из которых центральный купол и угловые четко отмечены в рисунке с их полуциркульным профилем; при чем первый и об'емом, и высотой резко доминирует над другими—малыми; в основании его обозначено небольшое четырехугольное окно.

Описываемый рисунок отмечает почти полное разрушение боковых служебных помещений Белой Палаты.

На 2-м и 4-м рисунках Кафтанников передает боковые фасады Белой Палаты: первый из них представляет северную

сторону руин. Подпись под рисунком „Боковой вид палатки; баня“ заставляет думать, что он относится к Белой Палате, но характер зарисовки вызывает сомнение тем, что фасад передан весьма узким и притом так, что объем центральной части здания не чувствуется. Возможно, что рисовальщик отмечает северную стену вестибюля еще стоящую *in situ* (как и у Эрдмана), притом передает ее так, что при зарисовке на близком расстоянии он схватывает только купол средокрестия—центральной монументальной части здания.

На предполагаемом северном фасаде вестибюля зарисован ряд деталей: цоколь здания представлен кладкой из массивных каменных квадров, стены—из мелкого материала (кирпича?); в стене над цоколем в боковых частях зияют квадратные отверстия окон, наличники которых, сработанные из штучного камня, как показал еще Паллас, уже отсутствуют; стена сверху обрамлена горизонтальным карнизом, представляющим тип, так называемого, „сухарного“ фриза; выше карниза идет остаток фронтонообразного верха, имевшего не то треугольную (ср. у Палласа), не то сегментовидную форму. В центре фронтона сохранилось окно с полуциркульной аркой (тоже и у Палласа); наконец, за фронтоном видим в отдалении верхнюю половину центрального купола крестовой залы и верх северного квадратного окна, прорезанного в основании купола. Восточный и западный края северной стены вестибюля имеют рваный профиль разрушений. Общая сохранность северной стены, как наблюдается на рисунке, очень плохая: в ней не только трещины, но и крупные проломы разрушений.

4-ый рис. Кафтанникова, передающий южный фасад Белой Палаты, дает некоторые новые подробности. Эту зарисовку интересно сопоставить с вышеописанным рисунком Эрдмана (См. рис. на 85 стр.).

И на первом, и на втором рисунке отмечены остатки стены южного комплекса помещений Белой Палаты. И у Кафтанникова, и у Эрдмана в них слоях стены ясно показана монументальная арка из штучного камня, как наружный обрез свода, уходящего под пол южного конца крестовой залы центрального здания. Но, изучая рисунки упомянутых авторов, замечаем, что стена, в которой видим арку, отступает от южной стены центрального комплекса:

здесь обозначена или южная стена комплекса южных помещений, или же последний имел свою северную стену, не связанную конструктивно (а только вприклад) с южной стеной центра; что здесь не нижняя часть последней, об этом говорят рассматриваемые рисунки, на которых стена с нижней аркой отмечена разными штрихами: у Эрдмана слабее, у Кафтанникова же весьма резко в отличие от южной стены центра. Если комплекс южных помещений имел свою северную стену, то это еще ярче говорит за то, что он нес служебную роль в отношении к центру. Он имел и свой план, конструктивно не связанный с центром.

Дальнейшие подробности на 4-м рисунке Кафтанникова сообщают следующее: 1) в середине южной стены центра обозначен арочный (?) пролет, может быть, двери; 2) в стене юго-восточной камеры центрального комплекса обозначено арочное оконное отверстие, а поверх его стена имеет рваный профиль разрушения; 3) в нижней части стены юго-западной камеры какое-то широко-арочное отверстие (не простой ли это пролом стены, не понятый рисовальщиком и закругленный сверху?); 4) вверху той же камеры представлено в темных штрихах широко-арочное отверстие: над разрушенной кладкой стены возвышается арочный обрез, четко отмечающий штучный камень в кладке его; это обрез разрушенного купола юго-западной угловой камеры, и 5) в основании центрального купола зафиксировано небольшое окно, но форма его передана не квадратной, как всюду, а продолговатой и с арочным верхом. В последнем, очевидно, рисовальщик не понял детали, когда изображал окно; на всех остальных трех сторонах купола окна были квадратной формы.

Было бы значительным упущением, если бы мы не отметили 3-й рисунок Кафтанникова, характеризующий внутреннюю архитектуру Белой Палаты. Рисунок, подписанный „Средняя комната в белой палатке“, дает следующие подробности: на переднем плане передана половина центральной залы средокрестья, перекрытая куполом (на рисунке дан полукупол). Купол, выложенный из концентрических рядов штучного камня, имеет округлое отверстие в вершине; основание купола обрамлено внизу 2-х-ступенчатым карнизом, над которым идет пояс нишек с полуциркульными верхами. Круглый карниз покоится на

4-х полуциркульных арках, которые не то ступенчатые (как мы увидим ниже у Шмита), не то обрамлены рельефными архивольтами. В центре арок помещены рельефно выступающие трапециевидные замковые камни. Между арками, кажется по рис., обозначены сферические пандантивы, вершины которых срезаны горизонтальными частями архивольтов; широкие и массивные пяты арок опираются на столбообразные монументальные выступы стен боковых камер, поставленные под прямым углом. Внешние углы, образованные стенами, как бы срезаны параллельно диагонали квадрата крестовой залы под узкие стенки, и в последних выложены дверные пролеты угловых камер со стрельчатыми верхами и высокими порогами. Арки, на которых покоится купол, обрамляют своды, перекрывающие концы крестовой залы. Пол всей крестовой залы представлен в рисунке как бы вымощенным квадратными плитами в шашечном порядке. Рисунок вымостки пола представляет реконструктивную проекцию рисовальщика, далекую от природы.

Описанный рисунок „Средняя комната в белой палатке“ передает памятник не в реальном его состоянии, а в приближенной проекции, но нужно думать, что проекция в нем дана на основании деталей, уцелевших в сооружении.

Через несколько лет после Кафтанникова, в 1827 г., фиксирует Белую Палату в чертеже плана и в двух рисунках архитектор А. Шмит¹.

План А. Шмита в общей схеме близок плану Палласа, но с одним существенным дополнением: в пунктирном очертании Шмит передает купольное покрытие центра крестовой залы Б. Палаты и 4-х ее угловых комнат, и на плане же ослабленной тушевкой архитектор показывает наибольшие разрушения памятника. По плану Шмита почти целиком разрушены (ко времени его работы): комплекс южных помещений, северная половина северной стены и северо-западный угол центра здания и почти целиком западная стена вестибюля. К деталям плана Шмита нужно отнести: обозначение ниши в западном конце крестовой залы и помимо двери из вестибюля обозначены еще три двери в комплекс

¹ А. Шмит. Альбом. См. выше.

южных помещений из трех примыкающих южных помещений центра.

План Шмит дополняет рисунками:

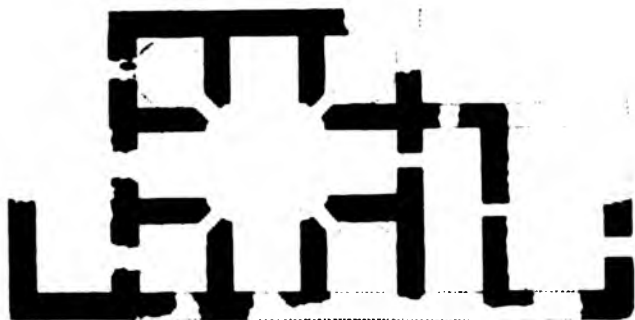
1-ый рисунок передает общий вид руин с востока, где мы видим сохранность двух столбообразных фрагментов с остатком арки от северных комнат вестибюля; разрушение восточных стен у восточного конца крестовой залы и у северо-восточной угловой комнаты, что вскрыло конструкцию сводов последних помещений; в основании купола отмечено восточное окно квадратной формы, а в вершине его—сегментовидная выемка оконного отверстия. Вокруг руин Шмит отмечает груды строительного мусора.

2-ой рис. Шмита представляет живописно-перспективный продольный разрез Белой Палаты с фиксацией внутреннего архитектурного ансамбля. Разрез дан по оси с.-ю., и таким образом вскрыта (показана по натуре) западная половина сооружения в уцелевших частях. Здесь так же, как и на 1-м рис., фиксируются следующие детали:

1) Столбообразные фрагменты двойного вестибюля, которые сохранили пяты арок, отвечающие друг другу на фрагментах стен между комнатами вестибюля, а также фрагменту арки на внешней стороне северной стены центрального помещения. Эти части арок, вероятно, принадлежали аркам, которые поддерживали перекрытие вестибюля; последнее могло быть и плоское, и сводчатое. Фрагменты столбов и части арок отмечены на рисунке в массивном каменном материале, что вполне естественно при кирпиче, из которого были выложены стены вестибюля; присутствие камня в кирпичной кладке вестибюля отмечено еще на рисунке Палласа (см. двери и окна).

2) Рисунок деталей центрального помещения Белой Палаты прежде всего отмечает основной материал: все сооружение (стены, устои, перекрытие) выложено из камня. Центральный полусферический купол покоится на круглом основании, поддерживаемом сферическими парусами и полуциркульными арками с массивными двойными архивольтами, нижние ступени которых сходятся к тупой пяте, а верхние—к острой (вершина парусов). В шельге арок отмечен замковый камень в рельефной трапециевидной форме. В середине основания центрального купола над замковым камнем обозначено квадратное окно (западное), а по сторонам его зафик-

сировано по пяти продолговато-квадратных кассетовидных нишек, приходящихся над каждым основанием треугольника-паруса по 6 шт., а всех их, по Шмиту, можно было реконструировать до 24-х. В срезанных углах зиждительных стгоб-бов показаны двери прилегающих угловых камер (юго-западная и сев.-западная; контур первой двери трактован со стрельчатой вершиной, а второй—с горизонтальной. Отмечая детали, Шмит не подчеркнул форму сводов крестовой залы (коробовые или стрельчато-килевидные), и, наконец, на рисунке видим, что западная стена той же залы в верхних слоях кладки разрушается.

Белая Палата. План из Альбома бр. Чернецовых.

В 1838 г. городище Булгары посетили два интереснейших путешественника своего времени, академики-художники братья Григ. Григ. и Никанор Григ. Чернецовы.

Оба они, прекрасные рисовальщики и тщательные фиксаторы, оставили после себя превосходные рисунки в массивных альбомах, ныне хранящиеся в Русском Музее Ленинграда (прежде хранились в Академии Художеств).

Для городища Булгары на Волге рисунки Чернецовых сохранили ценнейшие указания архитектурных деталей. О части означенных рисунков казанский ученый С. И. Порфирьев в 1915 г. написал статью „Белая Палата в Болгарах по рисункам альбома Чернецовых“¹. К сожалению, С. И. Порфирьев издал только два рисунка, не дав

¹ „Изв. Об-ва А., И. и Э. при Каз. Ун-те“. Т. XXIX. В. 1—3. Каз., 1915 г.

им исчерпывающего описания и оставив совершенно в стороне другие „четыре менее значительные рисунка“.

Желая возможно полнее представить всю иконографию Бел. Палаты, мы затронем и оставленные без внимания „четыре менее значительные рисунка“.

Прежде всего среди рисунков Чернецовых рассмотрим, снятый ими, план Белой Палаты. (Рис. на 97 стр.). Сравнивая с планом Шмита, мы в нем не находим особо существенных различий; детали памятника касаются мест его разрушений, которые даны в большем количестве, чем у Шмита.

Из 5-ти рисунков Чернецовых на первое место необходимо поставить рис. № 84 „Альбома Чернецовых с подписью: „Развалины предполагаемых бань, смотря от села Болгар“. Рисунок подписан „Н. Чернецовым“. Он издан С. И. Порфирьевым и представляет следующее (См. Табл. 9):

На холме среди насыпи волнистой от осыпей памятника стоят *in situ* его руины в двух фрагментах: первый — монументальный от центральной части „бань“; второй — фрагмент от комплекса северного помещения (вестибюля) здания. Вид на руины с с. с.-з.

Основной фрагмент руин передает знакомые нам формы: купол полуциркульной формы с отверстием разрушенного в его основании окна, под ним в беспорядочных внешних формах передан остов здания; на северной стороне его в середине стены уцелела дверь с широким плоским и, кажется, монолитным архитравом, в котором вырезана сильно плоская арка; в западной части сооружения зарисовано сохранившимся полуразрушенное сев.-зап. угловое помещение с разрушенной внешней стеной, открывающей, таким образом, его внутренние детали; среди последних были интересные части купольного перекрытия, выложенного из штучного камня, и под ними, четко представленный в рисунке, фриз ниш со стрельчато-арочными верхами, покоившимися на профилированных пилястрах с капителями. Означенный фриз, как отмечает рисунок, сработан из хорошо обработанного штучного камня, а не из штукатурки, как утверждают некоторые обследователи. На последнее указывают ясные и ровные пазы камня, отмеченные в рисунке, общая сохранность фриза и разрушения штукатурных частей, окружающих фриз, переданные в рисунке с беспорядочным профилем.

Если фрагменты главного помещения здания показаны с определенным обозначением материала в виде крупного штучного камня, то не менее ясно показан другой материал — крупный кирпич в изображении фрагментов вестибюля бань. Для большей ясности Н. Чернецов на рисунке фрагмента стены сделал надпись „Кирпич“.

Вторым интересным рисунком Чернецовых будет № 82; он имеет надпись „Развалины в Болгарах, которые, как полагают, были бани; рисовано смотря от юга на север“. (См. Табл. 10).

Этот рисунок, как и рис. № 84, издан в статье С. И. Порфирьева. Он передает: на переднем плане южную арку крестовой залы стрельчатой формы; арка обрамляет свод со стороны центрального квадрата залы; она выложена из хорошо обработанного штучного камня, с пятами, падающими на стены массивной кладки из крупных блоков камня. Далее, художник передает центральный квадрат крестовидной залы, за ним — ее северную часть, направо — восточную и налево — незначительную часть западной. Между боковыми концами залы и северной ее частью обозначены существовавшие массивные устои и части стен угловых камер, в углах которых показаны в разрушенных очертаниях двери в камеры. Угловые устои поддерживают монументальные стрельчатые арки, богато профилированные с лицевой стороны; между стрельчатыми арками представлены широко вспарушенные треугольники парусов, поверх которых и арок покоится полусферический купол, основание которого очерчено, сильно выступающим, горизонтальным карнизом; поверх карниза над шельгой арки обозначены с рваными профилями отверстия разрушенных окон; в зените купола видно отверстие своеобразного иллюминатора — окна. В основании купола по сторонам окон были, вероятно, штукатурного дела ниши, но в рисунке Чернецовых они переданы едва заметным контуром.

К деталям памятника нужно отнести на рисунке и то, что своды концов крестовой залы, как показано на С., имели стрельчатую форму. Это особенно четко подчеркнуто в верхних очертаниях северной щековой стены; дверь, обозначенная в северной стене, имеет округло-арочный верх.

Братья Чернецовы, не довольствующиеся деталями предыдущего рисунка, превосходно характеризующего

внутренность Белой Палаты, посвящают ей еще три рисунка. Из них № 85 передает, как говорит подпись, „Развалины предполагаемых бань в Болгарах, смотря на Запад“. (См. Табл. 11). Рисунок сделан из восточного конца залы. Он, по схеме рис. № 82, передает: все четыре арки квадратного центра, западные устои с дверями в угловые камеры, часть полусферического купола с разрушенным окном в его основании и едва заметными очертаниями орнаментального фриза; зафиксировано в рисунке и разрушение верха западной стены. В рисунке прекрасно обрисованы уцелевшие детали арок с их профилями и характер облицовочной кладки здания.

На четвертом рис. № 86 братья Чернецовы передают вид на сев.-восточный внутренний угол центра залы с дверью в сев.-вост. камеру. (См. Табл. 12). Рисунок сделан из юго-зап. угловой камеры с обозначением на переднем плане полуразрушенного очертания двери камеры. Данным рисунком автор хорошо отметил и то, что архивольты арок были сработаны не в камне, а в штукатурке, что показывает их орнаментальный, а не конструктивный характер.

Последний, пятый рисунок № 88 трактует ту же картину, какую мы видим на рис. № 82, но с пункта более южного, чем последний. (См. Табл. 13). На переднем плане представлена разрушенная южная стена южного крыла крестовой залы с обозначением края свода, перекрывающего данную часть здания. Сидя уже вне здания, на что указывают световые эффекты рисунка, рисовальщик отмечает знакомую нам систему арок, сводов, парусов и купола в чрезвычайно эффектных тонах свето-тени.

Что же наиболее ценное находится в рисунках братьев Чернецовых и почему мы остановились на них особенно подробно?

Означенные рисунки представляют особую ценность прежде всего точной фиксацией памятника по натуре. Ни до Чернецовых, ни их современники, ни после их, не передают нам Белую Палату с такой ясностью и четкостью в понимании стиля, конструкций и материала сооружения, как бр. Чернецовы. Зарисовки по натуре не сопровождаются кажущейся проекцией. Нет в рисунке схемы и торопливости. Крупный художник сказывается не только

в четкости рисунка, но и в живописной передаче, чуждой какого-либо прикрашивания.

С рисунками интересно сопоставить картину (масло) Н. Г. Чернецова, находившуюся в картинной галлерее Румянцовского Музея, а ныне переданную Третьяковской Галлерее с надписью— „Вид грота в развалинах Болгар, Казанской губернии“, датированный 1839 г. Дата показывает, что картина была написана через год после посещения по тем эскизам-рисункам, которые мы рассматривали.

С. И. Порфирьев весьма правильно пишет, что в этой картине четко видны „условности картинной композиции“. Она написана была уже в мастерской под тем сильным впечатлением, которое художник получил от памятника и которое поддерживалось эскизами.

И в рисунках, и в картине братья Чернецовы отдают ясный отчет в понимании памятника. Самым существенным здесь будет то, чего не зафиксировали в своих рисунках другие авторы. Везде и всюду, и в ранних, и поздних зарисовках мы видим построение центрального купола на полуциркульных арках. Даже у архитектора Шмита и то арки, как показывают его рисунки, отмечены полуциркульными. Братья Чернецовы во всех своих рисунках, обрисовывающих внутреннюю структуру Белой Палаты, четко обозначают арки стрельчатого-килевидные со вспарушенными боками.

Это существенное расхождение со многими исследователями Белой Палаты ставило бы зарисовки Чернецовых под сомнение в их близости к натуре, если бы у нас не было ряда фактов, говорящих о том, что Чернецовы неизменно-четкие фиксаторы памятников. Прежде всего, вспомним описанную выше акварель Гос. Историч. Музея в Москве, где мы уже указывали на то, что она передает деталь, рисующую стрельчатые арки крестовой залы Белой Палаты. Во-вторых, архитектор Шмит не настолько был неопытный. Его рисунки были испорчены при репродукции в литографии, когда при передаче оригинала на камень мастер, не поняв стрельчатость арок, передал их в полуциркульной форме. Эта мысль подтверждается тем, что в одном из экземпляров, находящемся в распоряжении М. Г. Худякова (вероятно, близкий к первым оттискам), арки крестовой залы переданы в стрельчатой форме.

О Белой Палате пишет в 1840 г. и известный уже нам Второв¹, который дает о памятнике немного нового. Белая Палата еще больше пострадала, предоставленная на волю стихии и малосознательных людей. „Пристройки... с северной и южной сторон, с которыми здание имело около 12-ти сажен длины..., совершенно почти разрушились. Северная... возвышается еще аршина на полтора; от южной же стены остался один только фундамент. С тем вместе и в критальных стенах, как с этой (южной? А. Б.) стороны, так и с восточной образовались проломы; чрез первый из них особенно, внутренность здания представляется живописною“.

Описывая главную уцелевшую часть памятника, Второв говорит: „Чтоб иметь понятие о внутреннем устройстве сего здания, надобно представить себе квадрат 6-ти сажен в диаметре, в котором образовался правильный крест, с четверугольными отделениями по всем углам. Над серединою креста возвышается огромный купол, с отверстием посредине, бывшим прежде осьмиугольным, и с четырьмя окнами по бокам. Каждое из угольных отделений покрыто таким же куполом, с отверстием по середине. Нельзя не пожалеть, что большая часть из этих куполов обрушилась; кроме средняго из них лучше всех уцелел находящийся в юго-западном угольном отделении“.

Второв указывает высоту „средняго купола—3 сажени“ и дает меру „остальных... четырех с небольшим 2“ (сажени. А. Б.).

Интересует Второва и назначение Белой Палаты. Он говорит: „Развалины сии тем более любопытны, что первоначальное назначение их.... остается доселе не разгаданным“. Приводя точку зрения Палласа, Эрдмана и Свиньина, на назначение памятника, Второв соглашается с последним в том, „что здание сие... переходило, по обстоятельствам, из одного назначения в другое, при чем были делаемы разные пристройки и поправки“. Он также говорит, что „можно принять за достоверное и мнение Эрдмана: если здание сие и не было первоначально банею, то в последствии весьма легко могло быть обращено на это употребление...“

¹ Второв. «Пам-ки дс-ти в Казанск. губ.». См. выше. Стр. 189—192

Понятно колебание Второва в определении назначения Белой Палаты. Слишком малы были у него сведения о памятниках того же назначения. Дальше осторожного отношения к мнениям предыдущих авторов он пойти не мог. Зависит это и от того, что у всех упомянутых фиксаторов от Палласа до Второва нет попытки к детальному изучению памятника с определением его во времени.

„К числу замечательнейших по своей архитектуре“ памятников относит Белую Палату проф. Каз. Ун-та, крупный востоковед своего времени, большой путешественник по странам Востока И. Березин¹.

Немного нового дает Березин к описанию архитектурной структуры памятника и больше говорит о назначении этого сооружения.

Материал Белой Палаты тот же, из которого построены „и другие здания“, но Березин прибавил небольшую заметку: „внутри стен я заметил и обломки кирпичей, чего в других зданиях не видал“. Интересны его наблюдения над формой кирпича vestibюля, которая „напоминает большие багдадские кирпичи, взятые из Вавилона“. Это замечание весьма интересно, и жаль, что Березин не указывает ни на размер кирпича, ни на консистенцию его материала.

Говоря об освещении здания, Березин указывает на световые отверстия, отмеченные другими авторами, и высказывает сомнение в том: „было-ли отверстие в главном куполе“.

Несколько слов Березин посвящает орнаментальной стороне здания: „Зал и угольные комнаты были выштукатурены и украшены лепным карнизом из арабских арок, который сохранился в С. З. комнате“. Под арабскими арочками Березин, вероятно, понимает: орнаментальный фриз, зарисованный у Кафтанникова, и кассетовидные выемки, отмеченные у Шмита и у Чернецовых.

Березин присоединяется к мнению Эрдмана о назначении Белой Палаты. Он говорит: „раскопки должны показать настоящее назначение Белой Палаты“, но, прибавляет он: „до того времени я оставляю за Белой Палатой значение бани...“ Отсутствие личного осмотра подземных

¹ И. Березин. „Булгар на Волге“. См. выше. Стр. 22—26.

ходов здания, которые были засыпаны мусором, заставляет осторожного обследователя не давать последнего слова к определению назначения здания. Это же привело его и к тому, что он высказался в пользу мнения Эрдмана о том, что подземные каналы были предназначены для воды. Личный внимательный осмотр дал бы Березину иное „мнение“.

На пути определения назначения Белой Палаты у Березина много препятствий.

Несмотря на признание „мнения“ Эрдмана и замеченные им бассейн, план здания, отсутствие достаточного освещения и другие данные мешают Березину говорить о Белой Палате, как о бане „противоречия, хотя не столь сильные..., а именно: во-первых, такая сложная и с лепною работою постройка бани в Булгаре для тогдашнего города не много роскошна; признаться по правде, подобная баня и теперь не сделала бы безчестия любому мусульманскому городу, будь то Исфаган, Каир или Константинополь. Во-вторых, величина здания в отношении к мечетям болгарским представляет не совсем выгодную для последних пропорцию, тогда как известно, что в мусульманских городах никакие здания общественные не должны быть лучше мечетей. Наконец, проходы из центрального зала в угольные комнаты очень узки для общественной бани“.

Говоря о типе бани, Березин указывает на то, что подобная форма архитектуры „в Персии весьма употребительна, преимущественно в увеселительных загородных дачах или для приемных зал, называемых „таляр“, в больших домах и дворцах. Средину комнаты такого рода на дачах занимает обыкновенно бассейн с фонтаном, на трех сторонах креста находятся большие окна с разноцветными стеклами, а с четвертой стороны двери: такое расположение мы находим на дачах Тебризского принца Халат-пушане и Шах-Гюли... Между персидскими талярами и болгарским зданием находится лишь разница в размерах: в Персии, Турции и других странах крестообразный зал большею частью бывает обширен, а угольные комнаты маленькия...“

Приведенное наблюдение Березина весьма интересно, и, как увидим ниже, форма подобной архитектуры дей-

ствительно не специальна для восточной бани, но нужно сказать и то, что она для нашего памятника типична, как можно подтвердить целой серией аналогичных памятников.

Детальная фиксация Белой Палаты, как интереснейшего памятника в Восточной Европе, вылилась в литографии.

André Durand. 1846. Ruines de Bolgari, Ancienne Ville Tatare, route de Sibérie (17 Septembre 1839)¹. Рассматривая литографию, мы видим, что Белая Палата имеет вид живописных руин (с ю.-в.), у которых еще на месте центральная часть; южный комплекс разрушен,—от него осталась только часть северной стены; северная же часть—всетибюль в своих фрагментах скрылась уже под навешанной на них почвой. Памятник, по литографии, имеет извне шаровидную форму центрального купола, подобную же форму купола имеет и юго-вост. его камера. Округлость последнего передана рисовальщиком и на стены камеры. Арки Палаты передаются на рисунке в полуциркульной форме. Обозначены у сооружения и два уцелевшие прямоугольные окна: одно—в основании центрального купола (на в.), другое—в юго-вост. камере. Белая Палата на данной литографии, как и на рис. Кафтаникова,² изображена на холме, от которого идет большой скат к з.—к оврагу, направляющемуся на с., к местности „Новый Иерусалим“, изрезанной глубокими оврагами.

С. И. Порфирьев в статье „Белая Палата в Болгарах“ (см. выше) упоминает об одной литограмме „не вышедшего в свет атласа А. Ф. Лихачева. В 1923 г. Совет Об-ва А., И. и Э. при К. У. выпустил „1-ое издание Археологического Атласа Андрея Федоровича Лихачева, где помещена на 1-ой Табл.

¹ Gihaut freres, éditeurs. Размер литографии 0,26×0,43. Хранится в Госуд. Историч. Музее в Москве. О литографии упоминает С. И. Порфирьев в своей статье (см. выше, стр. 85).—На фоне болгарских руин и Белой Палаты зарисована, характерная для своего времени, бытовая сцена из жизни военных: конные драгуны сопровождают группу пехотных солдат, изнемогающих под тяжестью ранца и др. имущества на тяжелом „сибирском тракте“. Этот тракт проходит чрез территорию древнего города и в настоящее время, сохраняя остатки гигантских старых берез по краям дороги.

² По Кавелину. Журн. „Иллюстрация“. 1846 г. № 4. Стр. 49.

упомянутая С. И. Порфирьевым литограмма „Развалины г. Булгара: Белая Палата“. Литографировал К. А. Тилли.¹ (См. Табл. 14). Последняя литограмма говорит о том, что Белая Палата уже потеряла южные камеры центрального сооружения, верхнюю обкладку главного купола и др. части; своды ее крестовой залы зияют своими полуциркульными формами.

Для того, чтобы дополнить иконографию Белой Палаты, мы помещаем еще один рисунок худ-ка Шишкина. (См. Табл. 15). Белая Палата здесь передана уже в полном движении к разрушению: от купола осталась только висящая в воздухе ажурная часть кладки; массы стен грозят падением. Художника не интересуют драгоценные фрагменты сооружения. Он передает их в силуэтном порядке в общих тонах на фоне световых желто-красных эффектов освещения, придавая им облик, полный романтики, подчеркивая забытые руины парой воронов, кружащихся над одинокими развалинами.

„Летом.... 1887 года доверенными Московского 1-ой гильдии купца Н. С. Растеряева И. И. Вощуком и В. В. Глинским на средства их доверителя предприняты раскопки некоторых развалин, находящихся при селе Болгар... Главнейшее внимание было обращено на раскопки развалин, находящихся на месте, занимаемом т. назыв. „Белой Палатой“ или „Баней“. О результате этих раскопок было доложено вниманию Общества Археологии, Истории и Этнографии Членом-Сотрудником Об-ва В. К а з а р и н о в ы м, который

¹ Размер литограммы 0,20×0,9. На ней обозначена цензурная дата: „Цензурою дозволено. Казань, 3 мая 1868 г.“ Чрезвычайно близкий рисунок к литограмме Тилли издан В. Ф. Смолиным в его „По развалам древнего Булгара“. К. 1926. Стр. 3. Рисунок имеет объяснение: „Заставка „Белая Палата“ (карандашн. рис. Журавлева)“. Рассматривая Журавлевский рис., мы приходим в совершенное недоумение. Он представляет почти полную реплику литограммы Тилли, но... с некоторой странностью: он имеет вид фотографии, отпечатанной в обратном порядке, где правая сторона становится левой и наоборот. Так, на Журавлевском рис. „Черная Палата“ оказалась не налево (как на литографии), а направо от Белой Палаты. На данном рис. (по Смолинскому воспроизведению)—едва заметная надпись: „.....(не разобрать. А. Б.) 4 сентября 1861 (?) г.“

был наблюдателем этих „раскопок“ „5, 24—28 Июня и 14—16 Июля“ (1887).¹

Белая Палата, принадлежащая, по словам И. Березина, „к числу замечательнейших по своей архитектуре“, сооружений, фиксируется Казариновым, как „Бугор, образовавшийся на месте развалин“. Он „находится на плоскости, которая с 2-х сторон в С.-В. направлении ограничена неглубокими долами, которые в расстоянии 60 сажен на С.В. сходятся в один долок, который далее образует овраг, составляющий с востока естественную границу села Болгар. Бугор этот представляет овальную форму, длиною сажен 30, шириною сажен 20, в северной узкой части которого находятся развалины здания, именуемого „Белой Палатой“.

„При раскопках, говорит Казаринов, имелось в виду сберечь все каменные и кирпичные кладки; все внимание было направлено на то, чтобы удалить весь мусор и всякий щебень, чтобы обнажить здание“.

Упомянутые „раскопки“, конечно, были губительны для деталей памятника, и многое пропало для науки бесследно. Краткие же записи Казаринова требуют детального их рассмотрения и комментирования. Они сопровождаются планом и эскизами разрезов.

Приведем здесь, прежде всего, результаты обмеров Казаринова. Он делит здание, как и предыдущие обследователи, начиная с Палласа, на 3 части: северную, центральную и южную. При общей длине их в 14 с. 12 вершк., ширина северной—4 с. 1 $\frac{1}{2}$ арш., центральной 6 с. и южной—7 с. 1 арш.

При описании общего плана по верхнему горизонту пола, Казаринов, пользуясь материалами по расчистке остатков стен Белой Палаты и прежними описаниями ее, ничего особо нового не вносит, кроме того, что дает ряд уточнений, в особенности в обмерах; но иногда и в последних он соглашается со старыми фиксаторами. Наиболее интересной деталью он отмечает присутствие в западных и восточных стенах центрального помещения и в других местах глиняных труб в вертикальном положении. Не соглашаясь с Кафтанниковым и Эрдманом в том, что

¹ Изв. О. А., И. и Э. при К. У. Т. VI. В. 2-й. Стр. 17 и сл.

означенные трубы представляли водопровод, он говорит, что, например, труба, находившаяся „в Ю. З. угловой комнате...“, имевшая выход снаружи здания около купола, имела значение не водопровода, а служила для прохода из под подполья в комнату и на воздух“.

Этот прием,—трубы, вделанные в стенах горизонтально и вертикально, как „воздухопроводные“, Казаринов не считает новостью в Белой Палате; их „находили часто“... при разборке зданий, как в Болгарах, так и в Билярске“.

Касаясь внутренней комнаты вестибюля, Казаринов говорит, что она „судя по материалу (вероятно, камню), была устроена одновременно с средним (центральным. А. Б.) отделением“. Здесь сказывается, как бы, некоторое несоответствие с показаниями прежних авторов, начиная с Палласа, фиксировавшего материалом вестибюля кирпич. Нам думается что это несоответствие устраняется легко данными зарисовок Кафтаникова; на его 4-м рисунке отмечено то, что низ сооружения до цоколя был построен из массивных каменных блоков. Вероятно, Казаринов, изучая стены вестибюля, в силу разрушения не мог отметить верхнего уровня цоколя и, смешав его со стеной, отмечает его как конструктивно-связанный комплекс. Фраза, что длинная комната вестибюля была „устроена одновременно с средним отделением“, основанная на фиксации единства материала в фундаменте и стене до верха цоколя и на наблюдении единства архитектурной конструкции с фундаментом всего сооружения, устраняет мысли некоторых исследователей о том, что северная часть здания является поздним пристроем, а также мнение Казаринова о том, что здание первоначально воздвигалось из одних только камней.

Нельзя пройти мимо наблюдения Казаринова и над кирпичем Белой Палаты. Характер этого материала, его размер $3\frac{1}{4} \times 6\frac{3}{4}$ верш. при толщине 2 в. при сравнении с формой другого кирпича, находимого в Болгарах (при руинах „Ханские Палаты“) и в Билярске, который имеет размер $5\frac{1}{2} \times 5\frac{1}{2}$ верш. при толщине в 1 верш., дает возможность Казаринову говорить о времени постройки Белой Палаты. „За тонким квадратным кирпичем“, он говорит, „следует признать до-монгольскую древность“. Приходит к этому он путем установления того, что тонкий

и квадратный кирпич встречается в большом количестве в Биляре, древнейшей столице Камской Булгарии, разрушенной монголами, тогда как кирпич Белой Палаты в Биляре неизвестен¹.

Как ни шатко заключение Казаринова о древности того или иного кирпича на основании только одного Биляра, тем не менее он близок к действительности и можно подтвердить его рядом наших наблюдений на других памятниках. Прежде всего укажем, что близкая форма к билярскому кирпичу будет в ряде древне-мусульманских памятников Дагестана, а именно: близкая форма наблюдается в деталях сооружений X—XIII веков, связанных с так называемой Большой Дербентской Стеной, и прежде всего в руинах древней мечети около аула Зиль у западного конца Б. Д. Стены, в минарете аула Дарваг при крепостном сооружении Б. Д. Стены и в самой Б. Д. Стене, в отремонтированной части стены у южного въезда в аул Бильгади.

Казаринов чрезвычайно добросовестно обследовал почти всю систему подпольных каналов и высказал мнение, что каналы среднего отделения (центральной части памятника. А. Б.) могли служить для распространения под полом горячего воздуха; он пытается с большой ясностью объяснить и то, откуда брался горячий воздух. Ответ на поставленный вопрос он нашел при изучении остатков южного помещения, где обнаружил фрагменты „обширной печи“, от которой шли каналы под центральную часть Белой Палаты. Расположение каналов Казаринов наглядно представляет и в плане, и в продольных и поперечных разрезах руин памятника.

Наблюдения Казаринова при расчистке Белой Палаты дали новые интересные детали, касающиеся западной комнаты южного комплекса. В стороне от центральной системы каналов западная комната имела свое отдельное отопление. „Подобные подземные или лучше подпольные ходы и трубы“,

¹ Летом 1928 г., „Экспедиция по изучению Булгаро-Татарской культуры“, организованная Академич. Центром ГСХ, и Ин-том Народов Востока, изучая городище Биляр, при раскопках одного монументального сооружения обнаружила аналогичный кирпич. Тот же кирпич был обнаружен на Самарской Луке у с. Валы Сам. Об-м Арх., Ист. и Этногр. при изучении здания с центральным отоплением.

говорит Казаринов, „мне встречались и в других раскопках в Болгарах; напр., в Болгарах на огороде крестьянина Раимова были произведены раскопки на месте, где, предполагают, существовали „Ханския палаты“, в 100 саженьях к ю.-в. от церкви, или дом зажиточного Болгарского жителя (по Березину)“.

Установив в Белой Палате назначение подпольных каналов, связанных с трубами в стенах, как части своеобразной системы отопления, Казаринов ставит вопрос о том: „что это за здание“, т. е., какое было его практическое назначение, и решает, что наиболее ясное определение памятника дано Эрдманом. Сам Казаринов, не колеблясь, видит в руинах фрагменты бани восточного образца.

Казаринов, фиксируя в своей работе наблюдение над остатками Белой Палаты, упоминает о ряде деталей, которые ему встречались при раскопках, но последние настолько несущественны в деле определения архитектуры сооружения, его стиля и назначения, что мы их обойдем.

Сомнительна была техника раскопок И. И. Вошука и В. В. Глинского, доверенных купца Н. С. Растеряева, при которых присутствовал В. Казаринов, но зато тщательность наблюдений В. Казаринова представляет драгоценный материал к определению назначения памятника. Его внимание, сосредоточенное на изучении системы отопления сооружения, а также системы водопровода дало решающий материал для ясного определения назначения Белой Палаты, как бани восточного типа.

На основании наблюденных на городище фрагментов аналогичного отопления и других обследованных сооружений можно говорить о том, что эта своеобразная система отопления широко применялась в Булгарах в таких монументальных сооружениях, какими являются большие дворцовые здания или значительные дома и бани¹.

Означенная система своеобразного центрального отопления не является присущей только городищу Булгар. Мы ее наблюдаем, как увидим ниже, на всем Востоке и прежде всего на территории ниже-волжской столицы Золотой Орды и в ряде мест Сев. Кавказа и Крыма.

¹ Упомянутая Экспедиция 1923 г. в Биляре изучала монументальное здание с обширным центральным отоплением.

Изучению Белой Палаты посвящает интересную статью, как мы указывали выше (при рассмотрении рисунков братьев академиков Чернецовых) С. И. Порфирьев, („Белая Палата в Болгарах по рисункам альбома Чернецовых“...) ¹, но означенная статья, не занимаясь решением вопроса о назначении памятника, рассматривает вопросы стиля, его некоторых конструкций, вызванные рисунками Чернецовых, которые „удачно дополняют сумму сведений о памятнике, уясняя его восточный колорит“, —несмотря на „разногласие рисунков... с многочисленными другими“.

Большое внимание Белой Палате уделил за последнее время в своем прекрасном обзоре развалин древнего города „По развалинам древнего Булгара“ (Казань. 1926 г.) казанский проф. В. Ф. Смолин. Он подробно реконструирует погибший памятник (на стр. 23—31) и иллюстрирует описание пятью старинными рисунками; но вопреки мнению „о том, что это была баня“, высказывает предположение, „что здесь —перед нами остатки дома какого-нибудь знатного вельможи или купца, имевшего особый приемный зал“. Проф. Смолин свое окончательное мнение, „как окончательное решение вопроса“, отодвигает на будущее время „за отсутствием полных и систематических археологических исследований...“

Осторожность исследователя памятников древних Булгар является весьма ценной. Систематические археологические исследования могут дать твердый материал для уточнения мнения о назначении памятника, и еще больше: исследователи смогут получить ряд интересных деталей. Но... мы глубоко убеждены, что все данные систематических археологических изысканий подтвердят мнение о том, что Белая Палата это —баня восточного типа, так как имеется достаточно признаков для того, чтобы дать в настоящее время определенное о памятнике мнение.

Суммируя все сказанное о Белой Палате многочисленными обследователями от начала XVIII в. до наших дней, имея личное знакомство с фрагментами этого любопытного памятника, мы должны сказать, что Белая Палата представляет памятник ярко-выраженного стиля, типичного

¹ С. И. Порфирьев. См. выше.

плана, четких конструкций, выработанных для сооружений определенного назначения.

Для того, чтобы не быть голословным в определении назначения памятника, мы обратимся к ряду аналогий, из которых некоторые известны на территории СССР.

Бани на Востоке со времен глубокой древности представляют предмет особого внимания, как средство для достижения чистоты и опрятности, которые как добродетели были освящены обычаем и даже религией. До нашего времени сохранилось много литературных свидетельств тому в древней литературе Китая, Индии, Передней Азии, Египта, Греции и Рима и кроме того уцелело много руин бань. Об них говорит Гомеровский эпос, руины бань уцелели на городищах Греции Эгейского периода.

В римскую эпоху бани принимают общественно-государственное значение и сооружаются в колоссальном масштабе.

Кардинальное требование общественных бань было в улучшении системы отопления и в целесообразном распределении и смене холодной, теплой и горячей воды. Первое было достигнуто устройством центрального отопления и распределением горячего воздуха под всем полом здания при посредстве, так называемых, суспенсур, то-есть системы столбиков, на которые укладывался пол, а также распределением горячего воздуха в стенах теплых банных помещений при помощи гончарных труб, или особой формы черепиц, которыми обкладывались стены. Баня и в античную пору, и в средневековую состояла из следующих помещений: раздевальная (аподитерий), комнаты с холодной ванной или бассейном (фригидарий, piscina), теплой комнаты для мытья (тепидариум) и горячей комнаты для потения (кальдариум). Нередко бани разделялись на две одинаковые половины: мужскую и женскую, а рядом с помещениями общего пользования бани имели отдельные номера с ваннами (солиа). Открытые дворы, портики, лоджии, а иногда залы при общественных банях служили местом отдыха, беседы, собрания и даже выступления ораторов, актеров, певцов, политических деятелей, а нередко бани были местом общественных и политических собраний, где, как в своеобразных клубах, создавалось общественное мнение и настроение, и давалось общественное и политическое воспитание. Баня настолько была всеупотребитель-

тельной, что каждый крупный населенный пункт имел ее. От римской эпохи сохранились фрагменты бань и на нашем Юге, напр. в бывшей римской крепости Харакс (н. Ай-Тодор в Крыму), в Херсонесе и в других местах.

В средневековой Византии бани на ряду с форумами, фонтанами, акведуками, стадиумами и т. п. представляли, как и в античный период, учреждения общественного порядка. Если взять к примеру Константинополь, то каждый его мелкий район имел свою баню.

Весьма четкое описание сохранилось у Лукиана, которое может быть показателем характера древнейших восточных бань.

Из византийских бань уцелели бани Эски-Каплыджа, ок. Бруссы, построенные еще в эпоху Юстиниана, которые и до сих пор, после незначительных ремонтов, обслуживают современный курорт с горячими источниками.

Мусульманский мир связывает пользование банями с религиозно-бытовыми явлениями. Большинство древних мусульманских бань на эллинистическом и византийском Востоке построено на месте старых бань, с изменением только стиля в деталях.

В середине XIX в. Жилье, посетив Константинополь, описывает тип турецких бань; по Жилье, они имеют двойной характер, как близнецы, и состоят из двух частей: мужской и женской. Сперва входят в аподитерий, из которого ведет дверь в тепидарий, а за ним в кальдарий. Полусферический свод поддерживается четырьмя аркадами; в центре тепидария бассейн с фонтаном. Кальдарий также представляет купольную залу, посреди ее находится мраморное возвышение для потения.

Восточные бани обычно состоят из ряда прямоугольных зал и комнат, перекрытых куполами, в которых мелкие круглые отверстия дают свет. В стенах обычно окон нет.

На нашем Юге, и прежде всего в Крыму, сохранились фрагменты древних восточных бань в Феодосии, Бахчисарае, Карасу-Базаре, Судаке и в др. местах. Правда, руины их в таком состоянии (за исключением Бахчисарая), что только опытным взглядом можно усмотреть их план, но, к счастью, бани в Феодосии и Карасу-Базаре зафиксированы и в изданиях, и в ряде рукописных документов

Одесского Музея. Бани в Феодосии, разрушенные в 1834 г., были изданы Ашиком; они представляют систему соединения мужской и женской половины с купольными монументальными залами для раздевания и крестообразной купольной залы тепидариума (соуклук) с окружающими камерами. Бахчисарайские бани были зарисованы еще в XVIII в. известным художником М. М. Ивановым, спутником Екатерины II-ой. (Альбом хранится в Гос. Эрмитаже). Чрезвычайно четкий план бань (хамам) сохранился в больших банях Карасу-Базара Биюк-Хамам, которые описаны архитектором Б. Н. Засыпкиным в журн. „Крым“ 2 (4). 1927 г. М.

План Карасубазарских бань является, несмотря на их поздний характер, чрезвычайно близким своей центральной частью к баням—Белой Палате в Булгарах на Волге в их главном помещении. Правда, в Карасу-Базаре они носят систему соединения одинаковых помещений для мужчин и женщин, но центральное помещение обеих половин представляет строго выдержанную купольную крестовую залу с 4-мя угловыми купольными камерами, которые, как и в Булгарах, соединяются с крестовой залой узкими дверями во внутренних столбах по диагонали квадрата всего здания, средокрестия залы и угловых камер.

Поздние восточные бани Крыма при сравнении с Белой Палатой имеют в ней своеобразный прототип, который, как видимо, на Востоке был всеупотребительным.

Проф. В. Ф. С мо л и н, как мы указали выше, предполагает видеть в Белой Палате „остатки дома какого-нибудь знатного вельможи или купца, имевшего особый приемный зал“. К этому мнению склоняет его и сообщение проф. И. Березина, который указывает на то, „что в мусульманском зодчестве Персии обыкновенно крестообразное расположение комнаты можно встретить в загородных дачах или приемных залах (таляр) в больших домах...“ И действительно, постройки с крестообразной залой, вписанной в квадрат, встречаются предназначенными не только для бань; напр., в этом роде будет план известного в Константинополе Чинли-Киоск, первого турецкого памятника Магомета II-го по взятии Константинополя, или боковые крылья адрианопольской мечети Баязида II (1481—1512). Но и так называемый таляр, и упомянутые примеры все они отли-

чаются тем, что предназначенные для других целей, чем бани, они, прежде всего, имеют открытые выходы во двор и окна (иногда обширные) в стенах, в то время как у центра Белой Палаты выход замкнут системой помещений из двух комнат вестибюля, а в стенах его не было ни одного окна, что сильно отличает Белую Палату, как баню, от памятников другого назначения, хотя бы и аналогичного плана. Положение Белой Палаты, стоящей на отдельном холмике, изолированно и, в старое время, несвязанно с какими-либо другими постройками, не дает возможности думать об ином ее назначении как бани.

Необходимо сказать несколько слов и об отоплении бани. Система своеобразного центрального отопления Булгарской бани, которую исследователи видят и в ряде других сооружений на территории городища Булгар, и на городище Биляр, не является, конечно, здесь чем-то особым. Эта система отопления, выработанная в глубокой древности и хорошо использованная на всем Востоке, была принята и в ряде других мест Юго-Востока Европы. Остатки ее вскрыты и в Крыму, и на Кавказе, а также на территории погибших татарских городов Маджар, Старого и Нового Сарая.

В Маджарах исследовал указанную систему проф. В. А. Городцов, а в столичных пунктах Золотой Орды проф. Ф. В. Баллод, исследования которого, к сожалению, остановились на хорошем начале.

Целый ряд исследователей стремится подойти к Белой Палате и со стороны определения стиля. Монументальный вид памятника, высоко-художественный его ансамбль и изящество ряда деталей его понуждают и специалистов-исследователей, и просто культурных путешественников говорить о его стиле. Почти все они в один голос говорят, что в Белой Палате сказывается отражение персидской архитектуры. В особенности они указывают на формы арок центральной крестовой залы и на формы перекрытий концов крестовой залы. Килевидность их с широко-вспарушенными сторонами имеет персидский характер мусульманской архитектуры. Она широко использована в средневековой архитектуре и Средней Азии, и других стран, культурно связанных с Персией. Те же самые формы арок встречаются на городищах Старого и Нового Сарая, в памятниках городища Маджары, зафиксированных в зарисовках акад.

Палласа и в особенности в древнейшей татарской столице Крыма, в Солхате.

С Солхатом роднит памятники Булгар и материал, который дает тон архитектурным конструкциям. Как в Солхате в ответственных конструкциях с орнаментальными деталями наблюдаем меловидный мелкозернистый известняк (акманайский), так и в Булгарах употребляется тот же материал (сюкеевский) и с теми же конструктивными тенденциями.

Трудно говорить о том, насколько персидское искусство Средневековья имело непосредственное влияние на татарскую архитектуру Восточной Европы, но об его отражениях говорит стиль памятника.

Посредствующими звеньями могли быть Средняя Азия, и Кавказ, и Крым, но которая из названных областей была непосредственным звеном—сказать пока еще трудно.

Академик В. В. Бартольд огромное значение придает культурным взаимоотношениям Поволжья со Средней Азией, но есть реальные художественные и технические элементы, которые связывают Поволжье с крымскими, а через последнее с сельджукским искусством, которое является обширной ветвью передне-азиатского искусства Средневековья с большой, а нередко и со специфической ролью армянского искусства.

Рассматривая зарисовки академиков Чернецовых, мы видим, что арки крестовой залы Белой Палаты при их испарушенности сжимаются в нижних своих частях, что придает им особый оттенок, сближает с сельджукскими килевидными арками и одновременно отдаляет от среднеазиатских форм с широко отодвинутым основанием.

В заключение перед исследователем стоит вопрос о времени построения Белой Палаты. Проф. В. Ф. Смолин, датируя памятник, говорит, „что Белая Палата строилась не раньше XIV в.“ Побуждают к этой дате обнаруженные „как внутри здания, так и вне здания... 13 обломков от разных могильных памятников... Многие памятники носят на лицевой стороне следы цемента“. На означенных надмогильных памятниках оказались надписи, относящиеся к XIV в.

На основании означенного эпиграфического материала еще можно решить вопрос о времени возникновения Белой

Палаты, но плиты с надписями могли быть вложены в кладку здания и в более позднее время.

За неимением непосредственно-датирующего материала обратимся к самому памятнику, и, может быть, пристальное внимание даст нам вехи к датировке, а таковые находятся, прежде всего, в однотонной обработке материала, однотипной кладке и растворе с вышеописанной 4-хминаретной Медрессе-Мечети городища Булгар, которую мы, как и проф. В. Ф. Смолин, относим к началу XIV века.

„Белая палата“. Рис. Andre Durand. (1846).

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
От автора. (Вместо предисловия)	7
1) Введение	9
2) Оборона города	15
3) Четыреугольник	25
4) Большой минарет	66
5) Белая Палата	77

С п и с о к и л л ю с т р а ц и й.

- Табл. I. Городище Булгары на Волге. План. (В тексте, стр. 10).
 Табл. II. Четыреугольник. Общий вид с востока.
 Табл. III. Четыреугольник. Вид на запад. половину.
 Табл. IV. Четыреугольник. Сев.-Запад. минарет.
 Табл. V. Четыреугольник. Вид на Юго-западн. сторону.
 Табл. VI. Солхат (Старый Крым). Внутр. мечети.
 Табл. VII. Большой минарет по А. Шмиту.
 Табл. VIII. Белая Палата. Общий вид по Свиньину.
 Табл. IX. Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.
 Табл. X. Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.
 Табл. XI. Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.
 Табл. XII. Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.
 Табл. XIII. Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.
 Табл. XIV. Белая Палата. Литогр. К. Тилли.
 Табл. XV. Белая Палата. Этюд И. И. Шишкина.
- В тексте: Белая Палата по рис. Палласа, стр. 77.
 Белая Палата по Эрдману, стр. 85.
 Белая Палата. План Чернецовых, стр. 97.
 Белая Палата. Рис. А. Durand a, стр. 117.
-

ПРИЛОЖЕНИЯ

(таблицы I—XV).

Четыреугольник.

Общий вид с Востока.

Четыреугольник.

Вид на западную половину. (С колокольни).

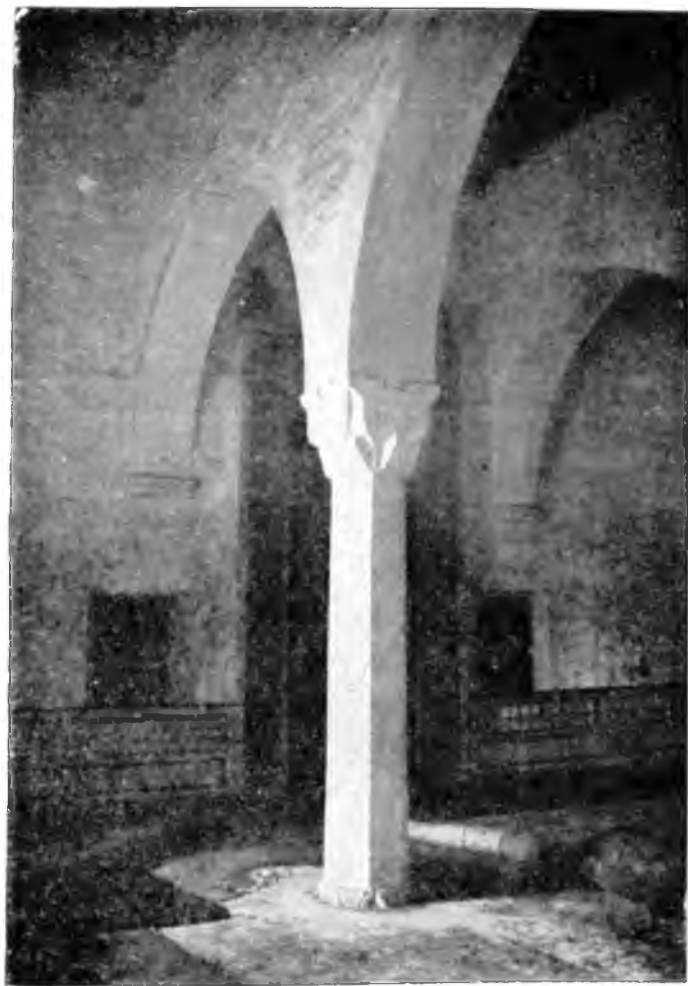
Четыреугольник.

Северо-западн. минарет и часть западной стены.

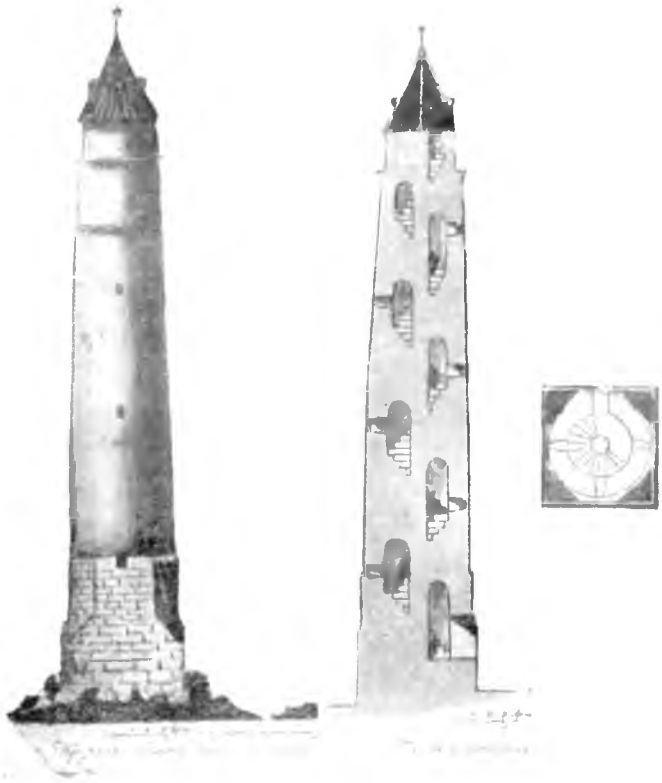

Четыреугольник.

Вид на западную сторону.

Солхат (н. Старый Крым). Внутр. вид мечети при медресе
времен Хана Узбека.

Большой минарет. По А. Шмиту.

Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.

Белая Палата. Общий вид по Свиньну.

Бели Палата. Рис. Н. Чернецова.

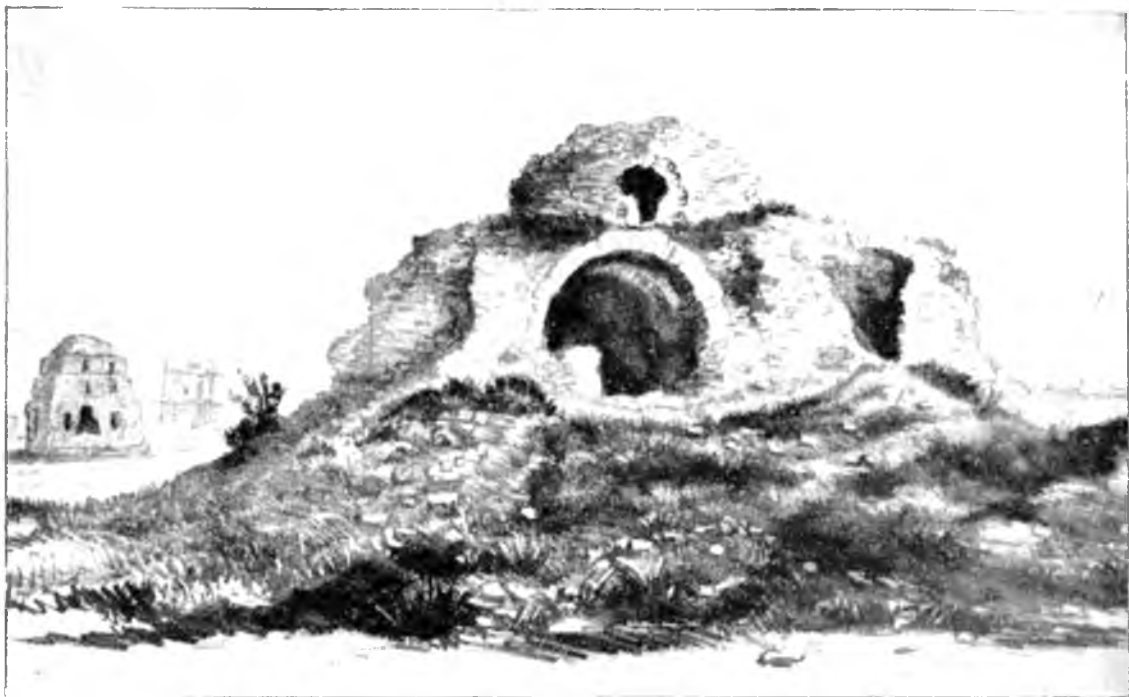
Белая Палата. Рис. Н Чернецова.

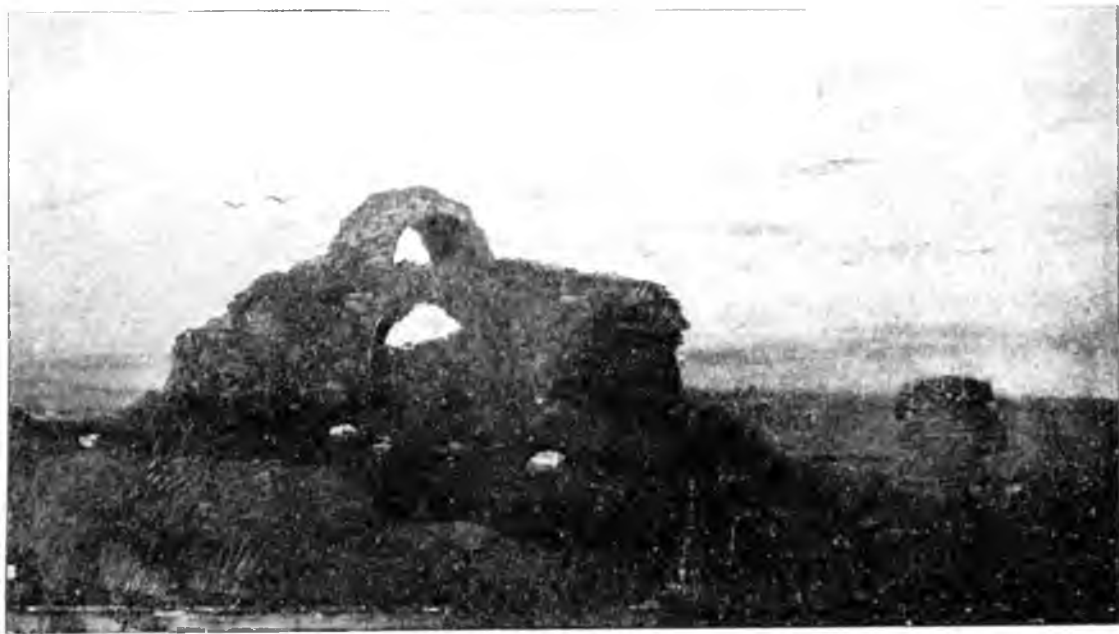
Белая Палата. Рис. Н. Чернецова.

Белви Палата. Рис. Чернецова.

Белая Палата. Литогр. К. Тили.

Белая Палата. Этюд И. И. Шишкина.

ERRATA.

Напечатано:

Читать:

Стр-ца. Строка

8	1	условиях	средствах
„	14	Р а н и о н	РАНИОН
11	сносок	„Поволжские	„Приволжские
12	35	гранеными	гранными
16	21	Булгарах	Булгарах
25	1	Бехтерева	Пехтерева
27	31	Трудно	„Трудно
42	1	(Табл. 6, 7, 8, 9, 10)	
55	10	многогранных	многогранных
57	10	материла	материала
66	35	палат	полат
73	сносок	памятни	памятники
75	32	гравюры	акварели
81	1	целиком и	целиком восточный и
„	3	здания:	здания (см. Рис. на 77 стр.
85	7	Эрдману)	Эрдману. См. Рис. здесь)
Табл.	5	на западную	на юго-западную
„	6	Хана	хана
„	12	11	12

